

НЕВЛЯ

8 • 2006

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Игорь Холодяков Школа, армия, зона... страна	4
Роман Духанин О погонах и пуговицах, об униженных и оскорбленных	13
Преступность в России в январе – апреле 2006 года	18
Александр Константинов Мантия, скрывающая изъяны	24
Ольга Афанасьева Глазами заочницы	29
Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы РФ по состоянию на 1 апреля 2006 года	35
Александр Константинов Изменения в УИК РФ	37
Борис Пантелеев Тюрьма на одной шестой части суши	39
Александр Сидоров Фраер – это звучит гордо	54
Марианна Садовникова Как работает ювенальная юстиция во Франции	74
Георгий Целмс Мать и дитя в неволе	87
Алексей Мокроусов Личное сопротивление Бориса Вильде	96
Леонтий Шафиров Тюрьма в Священном писании	101

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Постановление об амнистии	118
Порядок применения амнистии	122
Александр Константинов Депутатское милосердие	127
Наум Ним И мне бы	130
Александр Муленко Амнистия	134

УСТАМИ НАЧАЛЬНИКОВ

Доклад Директора ФСИН по итогам работы в 2005 году и о задачах на 2006 год	150

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

2 Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним

Зам. главного редактора
Елена Ознобкина

Ответственный секретарь
Наталья Мальхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Игорь Холодяков

Школа, армия, зона... страна

Это только на первый взгляд они сильно отличаются друг от друга – школа-армия-зона, при ближайшем рассмотрении все эти сферы жизни молодежи оказываются чрезвычайно родственны, и прежде всего тем, что они объединяются возрастом, никогда не бывают однородны, обязательно структурируются, а одна является истоком двух других, поскольку из школы идут не только в университеты и институты, но (практически в таких же количествах) и в армию, и в тюрьму.

Конечно, школьное деление на структурированные группы достаточно условно, и в 10 классе сын известного врача спокойно покурирует за углом школы с сыном неизвестной ткачихи-поварихи, и в футбол они вместе играют, и на дискотеку школьную ходят, вот только сын врача знает, что после одиннадцатого класса его ждет мединститут, и его папа уже просчитал, что приобрести по знакомству комплект из трех экзаменационных тем сочинений, которые попадут «неожиданно» на вступительном экзамене, будет стоить 800 долларов (истинные цены прошлого года), да репетитору 100–150 долларов, чтобы написал с ребенком-абитуриентом часа за три-четыре сочинение по одной из купленных тем, выучив которое, сынок пойдет за пятеркой на экзамен без особой робости. А сын ткачихи этих долларов в глаза не видел. Теперь задумаемся всерьез и надолго, кто пойдет в армию?

И все-таки школьная иерархия достаточно условна, она жестко не структурирована. Совершенно иное дело – армия. Здесь первогодок никогда не позволит себе даже мелочью, которая ему «не по сроку», приблизиться к старослужащему. Это дед может заузить штаны, чтобы непременно обтягивали ноги, утянуть мундир, выпуская его складками, сменить на ремне пряжку на латунную, да еще с заточенными краями... Естественно, это не все, есть и подворотнички, и погоны, и пилотка, и парадная фуражка, и каблуки на сапогах... Но есть и работы,

которые дед никогда не будет выполнять, они «не положены», их могут выполнять только салаги, черпаки...

И все же армейская иерархия подвижна: вытерпев все, пройдя через все ступени, салабон упорно движется к статусу деда-дембеля, потому что «дембель неизбежен, как крах империализма» – так шутили «дедушки» в Советской Армии. И тогда уже он, бывший бесправный, недосыпающий, голодный, вечно усталый салага, станет великим и непререкаемым дедом, сам будет припахивать молодых, казнить, миловать и кричать только что прибывшим из нового призыва: «Вешайся лучше сразу, мелкий!».

Гораздо беспощаднее и строже, бесповоротнее структурирована иерархическая лестница в зоне, хотя, казалось бы, все должно быть наоборот, ведь любая тюрьма или зона внешне выглядят как две противоположные части: зеки и те, кто их охраняет, их естественные враги, «граждане начальники». Тогда, по идее, зек для зека всегда свой, всегда друг, товарищ и брат. Тогда естественная задача каждого заключенного – постоянно помогать, облегчать жизнь друг другу. Но это только в идеале. На самом же деле нет такого начальника, надзирателя, который сумел бы превратить жизнь новичка-зека в ад быстрее и круче, чем другой зек и те правила, по которым зек живет. Является ли это только злой волей уголовника или связано с чем-то большим, чем просто желание на ком-то выместить собственные жизненные невзгоды? Попробуем в этом разобраться, бросив на проблему свежий взгляд человека, только что столкнувшегося с жизнью зоны (автор совсем недавно стал учителем в средней школе при исправительном учреждении).

Условия жизни и быта в современных российских зонах не просто далеки от идеала – они бесчеловечны. Здесь и невероятная скученность, и отсутствие достойной или просто позарез необходимой медицинской помощи, и отвратительная пища, и абсолютное всевластие надзора (один из знакомых начальников отряда в сердцах припечатал: «Единственное отличие контролера от зека в том, что один уже сидит, а другой пока еще нет»). Но все-таки сами заключенные создают для себя же такие условия жизни, такие правила поведения, устанавливают такую жесткую – и жестокую! – систему иерархических отношений, что основная сложность и мучительная невыносимость жизни в зоне состоит не в придирках начальства и не в злобе конвоя, не в условиях жизни и быта, а именно в системе взаимоотношений между заключенными.

Уже после первых своих уроков в вечерней школе при исправительной колонии я увидел эти различия между моими учениками, и не потому что был сверхнаблюдательным психологом. Просто эти различия броса-

лись в глаза. Кто-то садился только за первую парту, не смея сесть ни за какую другую, а кто-то садился за последнюю, и не всякий присаживался рядом. Кто-то ходил в сияющих синтетикой, но зато однотонных черных рубашках и начищенных в любую погоду ботинках, а кто-то носил казенный бушлат, «лепень» и боты. Кто-то курил «Приму», а кто-то только сигареты «LM», именуемые почтительно «Ломом», и при этом подразумевалось, что каждый вспомнит: «против лома нет приема».

Уважающему себя зеку не полагается курить сигареты без фильтра, спать в проходе или на втором этаже шконки, ходить в столовую вместе со всеми. Именно такому несут добровольно, без напоминания, в качестве подарка банку тушенки или сгущенки из посылки, пачку чая, плитку шоколада. Поскольку с работой сейчас в зоне плохо, ее – настоящей работы – просто нет, и на работу упорно устраиваются те, кто решил таким образом получить условно-досрочное освобождение. Это работяги, мужики, готовые работать в цехах, на стройке, но и они не будут выносить мусор, мыть туалет, чистить плац или дорожки после снегопада, на это есть другие – «чушки». А ниже всех – «петухи», заслуживающие отдельного разговора.

Но есть такие стороны жизни зоны, которые относятся ко всем группам заключенных. Уже само массовое заключение несет в себе серьезную угрозу личности, ее самостоятельности, самодостаточности. Будучи лишен пространства личной, частной жизни, в которой индивид может быть самим собой, не играть навязанные ему роли, человек в заключении теряет возможность контролировать свои действия и свое состояние. Нет сил видеть забор, колючку, одни и те же лица, слышать одни и те же марши, стоять в строю, строем в школу, на работу строем, на свидания строем... Я как-то на уроке рассказал, что в английском метро надписи «Выхода нет» по совету психологов заменили на объявления: «Выход с другой стороны». Посидели, подумали, кто-то прокомментировал: «Буржуи о людях думают!» Но страшно не только монотонное однообразие, страшнее полное отсутствие возможности остаться самим собой, перестать быть послушным исполнителем, постоянно не иметь возможности уединиться. Когда-то самым ужасным наказанием была одиночка, сейчас – коллектив, от которого не укрыться.

Причем в тех трех группах, сферах, о которых мы говорим, степень несвободы постоянно возрастает: школьник в классе играет ту роль, которая досталась часто случайно, иногда по не зависящим от него причинам. Он отличник или троечник, но это в школе, а дома он любимый сын, во дворе он веселый приятель, в секции он прекрасный спорт-

смен, и именно отсюда у школьников тяга к неформальным коллективам, ведь в школе его ценят только по тому, может он извлечь квадратный корень или нет, выучил ли предельные углеводороды или крестьянскую войну под предводительством Пугачева, и если он этого не знает, то, значит, не заслуживает уважения. Причем именно сейчас, когда школьники после уроков предоставлены сами себе, когда исчезли пионерская и комсомольская организации (да, идеологизированные, зашоренные, но дающие возможность просто общаться, а у умных преподавателей – вспомним Караковского и его коммунарскую педагогику – создающие возможности для раскрытия личности не на уроке или не только на уроке), у ребят нет возможности для самовыражения не на уровне ученик – учитель, а на уровне личность – личность. Остается урок, где он может и не блистать. А после уроков в том же школьном дворе этот унылый троечник превращается в задушевного друга, выдумщика, отличного футболиста, надежного товарища, удачливого рыбака и т.п., но школа при этом уже отсутствует.

В армии даже у самого зажатого салабона появляется иногда увольнительная, где он принадлежит самому себе, и все-таки его ждет дембель, а до этого переход в новый, сначала щадящий режим, а потом в более выгодный статус. В зоне же заключенный находится под постоянным надзором, теперь еще и видеокамер, его жизнь строго регламентирована, он буквально лишен жизненного пространства, которое могло бы служить каким-то формам проявления частной жизни, поэтому все стороны своей жизни вплоть до самых интимных вынужден делить с окружающими, которых выбирает вовсе не сам, а слепой случай или воля начальства. Даже твое личное спальное место ты не имеешь права как-то индивидуализировать, не просто украсить в меру своего понимания прекрасного, а сделать твоим, так как «запрещается занавешивать кровати, вывешивать на стенах, тумбочках и кроватях фотографии, репродукции, открытки, вырезки из газет и журналов» (Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, § 33). Запрещены все фотографии, все рисунки – даже если это фото твоей девушки или рисунок твоего ребенка.

Единственный способ остаться наедине с самим собой – укрыться одеялом с головой. Именно поэтому, когда мой ученик начинает пропускать занятия в школе, я чаще всего нахожу его на кровати, закутанного в одеяло, и не потому, что спать очень хочется, просто нужно порой человеку побыть вне десятков чужих глаз, вне коллектива, а это практически невозможно. Психологи говорят о личной неприкосновенной сфере каждого, о той дистанции, которую человек не позволя-

ет сократить при общении, допуская сближение только с эмоционально желанными объектами. У каждого она, эта дистанция, своя, от 30 сантиметров до метра и более, и вторжение в нее человек воспринимает болезненно, как посягательство. Но нет этой дистанции в зоне, и негде прочесть наедине письмо, написать что-то самому так, чтобы не заглядывали через плечо, негде просто помолчать, подумать о чем-то своем... Частная жизнь обязательно предполагает, что личность может защитить свою интимную жизнь не только от посторонних, но и от нежелательного вмешательства близких. А жизнь на зоне – это постоянное нежелательное вмешательство!

В большинстве современных европейских тюрем заключенный может по своему усмотрению обустраивать свою камеру, иметь не только холодильник, телевизор, компьютер, но и рисунки, фотографии, то есть превращать место лишения свободы в свое, личное пространство. По сути дела, появляется возможность разделить свою частную жизнь и ту жизнь, которая проходит на виду у всех. Кроме того, получается, что интересы официальной стороны – властей, надзора – и интересы заключенных находятся под пристальным вниманием института, полностью отсутствующего в российской исправительной системе, а именно социальных работников, одной из сторон деятельности которых является контроль за системой условно-досрочного освобождения. В наших зонах УДО полностью зависит от отношения к тебе актива отряда, начальника – «отрядника», администрации, и только потом – от твоего поведения. Наверно, именно поэтому у моих учеников так низок уровень доверия к официальным властям. Ни один из тех, кому я задавал вопрос, обратится ли он к администрации учреждения в случае, если возникнут серьезные личные проблемы, не ответил положительно. Я понимаю, что мои опросы недостаточно представительны, неумелы, но все-таки это показатель.

Мне кажется, что очень точно выразил свое ощущение от жизни в зоне один из моих учеников, когда, мучительно подбирая слова, он вдруг сказал: «Мы здесь, как дошкольники в детском садике: это не трогай, это нельзя, и это тоже нельзя, туда не ходи, с этим не разговаривай... а то накажу!» Именно поэтому освободившемуся из заключения так трудно вернуться к статусу взрослого, свободного, самостоятельного человека, и частые рецидивы у освободившихся не только следствие испорченности закоренелого уголовника, который «не может не воровать», но еще и неумение адаптироваться к миру свободы, перейти из ранга постоянно опекаемого, по сути ребенка, к мировосприятию и поведению независимой личности.

Порой возникает ощущение, что строгая иерархическая система, существующая в отряде и в зоне вообще, безусловное выполнение определенных норм в любой сфере жизни заключенного невероятно усложняет, ужесточает жизнь, и без того несладкую и нелегкую. Примеров можно приводить бесконечное множество, уже появились издания, посвященные языку, правилам, порядкам зоны, жизни по понятиям. Нельзя носить красное – это «в падлу», хотя никто уже и не помнит о красном флаге и прочей символике советского государства. Нельзя поднять упавшую на пол сигарету, даже если она последняя. Нельзя взять что-либо у «опущенного», «обиженного», но дать ему что-то можно, в том числе и по физиономии, а не только сигарету или конфету, и ничего тебе за это не будет. Нельзя позволить коснуться ногой твоей постели, сесть на шапку или на подушку... Есть запреты или регламентация, как-то поддающиеся мотивации, разумно объяснимые, но есть такие, которые никак не объясняются, нельзя – и все!

Особое недоумение у меня вызывало отношение к женщинам – демонстративно, подчеркнуто пренебрежительное, унижающее, причем любое упоминание о женщине в любой ситуации и в любое время совершенно одинаково, я не встречал иного. Тон непременно пренебрежительный, и это в лучшем случае. Даже о тех подружках, а у кого-то и женах, что остались на воле, полагается говорить с грубым юмором, с презрением, можно иногда снисходительно. Притом на моих уроках литературы ученики-осужденные, открыв рты, слушают любовные сцены из произведений и рассказы о любовных отношениях поэтов, писателей с их подругами, возлюбленными, постоянно спрашивают стихи – «написать поздравление одной девушке», берут друг у друга адреса «заочниц». Но в любом коллективном разговоре на уроке или вне его постоянно звучит мысль: а, все они суки, им только одно нужно, все шляются...

В любом разговоре, где участвует больше двух человек, женщина – это только объект возможного (и желанного) насилия, причем проявление с ее стороны каких-то знаков нежности, страсти – это очередное доказательство ее похотливости и продажности («...все они только про это, сами знаете, про что, и думают...»). Один из моих учеников в доверительной беседе, на которую пошел сам, первым (очевидно, выговориться очень нужно было), запинаясь и спотыкаясь, пытался объяснить: «Если она целоваться все время лезет или... ну, знаете, в рот берет сама, не ты ее заставляешь, а вроде как захотела... то это у нас считается, что самая большая стерва». Возникает своеобразное раздвоение восприятия женщины: в идеале она должна быть тихой,

скромной, явно сексуально не выраженной, но тут же следует громогласное утверждение: таких, мол, не бывает, все они проститутки, шлюхи по характеру, от природы. В рассказах, разговорах женщина подается только как объект насилия, существо низкое и грязное. Что это? Потребность в идеале и одновременно стремление унижить другого, чтобы возвысить себя самого? И это тоже вполне объяснимо: если тебе не видят личность, да и какая же ты личность, если у тебя отнимают все, вплоть до фотографии семьи, если ты вынужден жить на пяточке, окруженный такими же бесправными людьми, если надзор видит в тебе чужого, полностью обезличенного и отданного в абсолютное подчинение... Тогда остается только одно: сорвать зло на другом, доказать себе, что есть те, кто еще ниже тебя и по статусу, и по нравственным качествам. И, кстати, во внеурочном, личном разговоре один из заключенных, уже немолодой человек, неожиданно сказал: «А знаете, я не первую ходку делаю, но никогда прежде столько петухов не было, как сейчас. Раньше их даже отдельно держали, а сейчас они в каждом отряде, и помногу...» Думаю, что это тоже показательно и подтверждает мысль о том, что ситуация обостряется и ухудшается, если возникает потребность во все возрастающем количестве козлов отпущения.

Наверно, именно поэтому жизнь солдата в казарме и положение заключенного в зоне так близки по своей сути, что практически не отличаются. И там, и здесь закон – кулак, отвратительно кормят, такая же колючая проволока, та же бессмысленная цепь дел, которые приходится делать, не понимая ни цели, ни смысла. Вся армия два раза в году стреляет, зато регулярно моет и чистит, красит и ремонтирует к приезду начальства, то же самое делается и в зоне: нет настоящей работы, за которую можно что-то получить к выходу на свободу, но зато есть авралы к очередному приезду проверяющих. Одинаково бессмысленно и бездумно проводят свое свободное время солдат и зек, и никому нет дела до твоих интересов, забот и потребностей. Твои личные таланты востребованы лишь тогда, когда служат для отчета: умеешь рисовать, красиво пишешь – сделай стенд, умеешь плясать, петь – участвуй в смотре самодеятельности, в остальном делай то, что тебе сказали, и не выступай.

Именно тогда зек создает систему особых групп и особых, собственных ценностей, а солдатская казарма порождает дедовщину.

Меня можно обматерить, отправить в ШИЗО, поселить на одном квадратном метре, заставить выполнять бессмысленную работу, читать вслух письмо от девушки, но и я дам по морде обиженному и отпинаю петуха.

А меня можно заставить копать канаву «отсюда и до обеда», можно поручить стирать носки, гладить мундир деда, можно объяснить, что я не смею сидеть в его присутствии, что в казарме я должен отдавать честь не только сержанту, но и его сапогам, я не должен подшивать подворотнички в четыре перегиба, по сроку не положено, но зато через год я сам стану дедушкой и сам начну гонять молодых.

И это все вполне объяснимо и естественно, потому что и солдату, и зеку просто невыносимо сознавать себя ничего не значащим, подавляемым и, главное, с этим смирившимся. Смирившиеся становятся опущенными, а несмирившиеся придумывают иерархическую лестницу и систему запретов и разрешений, ограничений и поощрений. Как говорил мудрый Салтыков-Щедрин, «в каждой луже среди водных гадов есть свой гад, других гадов иройством превосходящий».

Государство оказывается неспособным играть активную роль в организации общества, и тогда такую роль начинают играть теневые структуры, которые обеспечивают определенный порядок и соблюдение неких норм (вне зависимости от того, насколько эти нормы соотносятся с традиционной моралью).

Есть два важных фактора, которые влияют на восприятие тюрьмы и зоны российским обществом: во-первых, после разоблачений большевистского террора заключенный воспринимается как страдалец, претерпевший удары безжалостного и бездушного общества (а это наложило на традиционное сострадание русского мужика «несчастенькому»: «Хлебом кормили крестьянки меня, парни снабжали махоркой»). Но в настоящее время все активнее действует и второй фактор: тюрьма, зона, заключенный – это составная и естественная часть российского общества, вполне возможное будущее огромной части молодежи. Сошлюсь на личный опыт сельского учителя в школе при северном леспромхозе, где практически никто после выпускного не собирался и не поступал в институты, но половина парней шла в армию, а вторая половина так же спокойно и естественно – в зону:

– Где, Петровна, твои-то?

– Серега в Мурманске служит, а Пашка сидит, да немного и дали-то, три года!

Кстати, вернувшись и обменявшись впечатлениями, братьев особых различий в своей жизни и не обнаружили.

Получается, что жизнь в казарме или на зоне – это совокупность неформальных норм, созданных и добровольно-принудительно выполняемых самими военнослужащими и заключенными, что позволяет организовать повседневную жизнь. Получается, что эти ненормаль-

ные, искаженные представления о жизни, правилах, ценностях становятся и способом самоутверждения, и возможностью выжить в искаженном мире. Казарменно-тюремная норма не поддается обычной логике, но именно в силу своей нелогичности дает возможность сохранить личность, выразить хотя бы таким способом индивидуальность, организовать взаимоотношения.

Дедовщина и неформальные нормы («понятия») – это своеобразное перевоспитание личности, уничтожение тех норм жизни, которые заложены традиционным воспитанием и основываются, по своей сути, на христианских традициях добра, милосердия, сострадания. Казарма и зона признают эти ценности не только ложными, но и вредными, поэтому в солдате и зеке закладываются иные представления о человеке, и мире. Естественно, что легче всего новые ценности принимают те, в ком прежние истины были недостаточно сформированы, – маргиналу в армии и тюрьме легче!

Что же дает нам сопоставление общества и зоны? Прежде всего, это помогает понять суть современной жизни. Возникает ситуация, когда школа, армия и зона выстраиваются в один общий ряд, раскрывая схожесть по очень многим признакам, и пытаются что-либо изменить, вводя какие-то новые правила в прежнюю игру, бессмысленно. Государство любой попыткой что-либо изменить лишь повторяет, воспроизводит заданную модель взаимоотношений, и поэтому можно увеличить призывной возраст до тридцати лет, придумывать военную полицию, а затем милитаризованный СОБР, но это будут те же самые структуры, те же самые люди и те же самые отношения, которые нам знакомы, поскольку и тюрьма, и армия – только зеркало общества, да еще и зеркало увеличивающее. Без истинной реформы государства невозможны какие-либо реформы в армии или в системе исправительных учреждений, а сами реформы осуществимы только тогда, когда неформальные нормы, существующие на уровне повседневной жизни людей, соответствуют или по крайней мере не противоречат нормам формальным, исполнения которых требует государство. То есть, грубо говоря, пока будут существовать министры, участвующие в коррупционном обогащении, я, учитель, не смогу твердо сказать своим ученикам-заклученным, что воровать в автобусе кошельки очень плохо...

Беспределу СТОП!

Намедни, узнав о мнении одного из московских милицейских чиновников среднего звена, что дескать «менты в общем-то юридически безграмотны, и в этом их проблема, иначе они бы давно уже поняли что опираясь на «Закон о милиции» в совокупности со ст. 318 и 319 УК РФ, они могут ходить по улицам и просто дубасить всех подряд», я задумался...

Роман Духанин

О погонах и пуговицах, об униженных и оскорбленных...

Если бы я решил написать и издать книжку с картинками «Что вы знаете об УК РФ?», то там, наверное, можно было бы прочитать что-то такое:

– Знаете ли вы, что если в ответ на вежливое приглашение сотрудника милиции проехать с ним в отделение: «Ну-ка быстро, блять! #\$\$@!!! полезай в машину! %^#\$!!!», вы ответите что-то не менее вежливое, то в довесок к паре увесистых ударов дубинкой вас могут отправить на исправительные работы сроком от шести месяцев до одного года?

– Знаете ли вы, что если вдруг, в процессе избияния вас дубинкой, у оного сотрудника отлетит плохо пришитая пуговица, то это может быть квалифицировано как «*применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти*», за что вам может быть назначено наказание вплоть до «*лишения свободы на срок до пяти лет*»?

Не знаете?

Тогда мы идем к вам!

– Откуда вы знаете, что я не в своем уме? – спросила Алиса.

– Конечно, не в своем, – ответил Кот. – Иначе как бы ты здесь оказалась?

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес

*<...> Произошла милицейская провокация, в результате которой мой отец очутился в следственном изоляторе в «Матросской тишине». К нам на квартиру пришел участковый, привел с собой так называемых свидетелей, – и после этого мы узнали, что прокуратура возбудила уголовное дело против отца по статье 318-й, часть 1-я, статье 319-й УК РФ, где он обвиняется в том, что якобы он, пожилой 66-летний человек, **сорвал у этого милиционера погон, оторвал пуговицы**, применил к нему насилие. Хотя все это происходило, в общем-то, если и происходило, за закрытыми дверями нашей квартиры. Вот вкратце такая ситуация на сегодняшний день. Сейчас он помещен в следственный изолятор и находится там¹.*

Конечно же семидесятилетний старик достоин, чтобы его поместили в СИЗО за все те зверства, которые он сотворил с беззащитным участковым!

Или, например, сообщает уважаемое информационное агентство «Регнум»:

<...> Когда к нему подошли сотрудники роты ОВО при ОВД города Ессентуки, осужденный стал оскорблять одного из них нецензурной бранью публично, в присутствии посторонних. Кроме того, злоумышленник беспричинно стал избивать руками и ногами сержанта милиции² <...>.

Так и хочется добавить: «...несмотря на все увещевания коллег избиваемого сержанта прекратить преступные действия...»

Ну и для ровного счета:

Приговором Петрозаводского городского суда Ф. был осужден по п. «б» ч.2 ст.213, ч.1 ст.318, ст.319 УК РФ.

Установлено, что в прокуратуру г. Петрозаводска поступило сообщение из Республиканской больницы о том, что в нейрохирургическое отделение госпитализирован Ф. с телесными повреждениями, заставивший, что он был избит работниками милиции.

В возбуждении уголовного дела в отношении работников милиции постановлением следователя прокуратуры г. Петрозаводска было от-

¹ <http://www.svoboda.org/programs/hr/2005/hr.041905.asp>

² <http://www.regnum.ru/news/516169.html>

казано, с чем не был согласен Ф., обратившийся в УФСБ РФ по РК с заявлением о непринятии мер к работникам милиции, на которых он указывал как на лиц, причинивших ему телесные повреждения.

Как следует из материалов дела, поводом к возбуждению уголовного дела в отношении Ф. по ч.1 ст.318 и ст.319 УК РФ явились его неоднократные жалобы в прокуратуру и УФСБ РФ по РК...³

Даже комментировать не буду. Просто скажу, что подборка подобных случаев находится по адресу <http://brutalstop.info/9/forum6.html> и если вам достоверно известно о чем-то, что прошло мимо нашего внимания – мы будем рады получить от вас эту информацию.

Дыра в законе на месте оторванной пуговицы

Я не буду заниматься сейчас подробным юридическим анализом вышеприведенных случаев. Отмечу только, что их оценка находится где-то на шкале от «беспредел» до «нелогично».

Посмотрим на другие моменты.

Статьи 319 и 318 УК РФ в совокупности со статьями 13 и 14 Закона РФ «О милиции» могут успешно использоваться для сокрытия преступлений, предусмотренных, например, статьей 114 УК РФ часть вторая: «Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление»... Исходя из тех данных, с которыми я ознакомился, можно полагать, что в отдельных случаях они именно так и используются...

В самом деле, что мешает отдубасить как следует подвыпившего гражданина, а потом оторвать себе пару пуговиц и погон? Только совесть. Только она может помешать сделать это. Но уголовное законодательство не оперирует морально-этической категорией *совесть*. Уголовное законодательство оперирует понятием *состав преступления*. И состав этот, между прочим, состоит не только из объективной стороны (того, что именно было сделано), но и из субъективной стороны (вины и умысла).

По свидетельству практикующих адвокатов, субъективной стороне состава преступления обычно уделяется в судах ничтожное внимание, а то и не уделяется вовсе. Так вот и попадает старенький дедушка в СИЗО за оторванную пуговицу...

³ http://versud.karelia.ru/bulletins1/bullkarel/bull_9_2003

Справедливость и закон

Наверное, я чересчур мнителен, ибо так и слышу смешки, которые вырываются у вас по прочтении заголовка. А мне вот не смешно. И следующий момент, на который хочется обратить внимание – это на... справедливость. Вспомним весы, которые держит Фемида.

Статья 318. Применение насилия в отношении представителя власти (оторвали погон и пуговицы).

1. Применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей – наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Статья 114.

<...> 2. Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, – наказывается ограничением свободы на срок до двух лет или лишением свободы на тот же срок.

Кстати, вы знаете, что такое «вред здоровью средней тяжести»? Это когда вас отлупят настолько сильно, что вы неделю проваляетесь не вставая плюс более трех недель на больничном. Когда вам устроят реальное сотрясение мозга и опционально сломают пару ребер... При этом вы будете счастливы тем, что не *«утратили трудоспособность на треть»*⁴ **пожизненно!!!**

Понятие же «тяжкий вред» можно охарактеризовать простой, но емкой фразой: это когда вам повезло, что вы остались живы.

А пока вы лежите дома или в больнице в полубессознательном состоянии, мент обращается в прокуратуру с пакетиком вещдоков в виде пары оторванных пуговиц и погона. И вы теперь являетесь подозреваемым по статье, предусматривающей наказание в виде лишения свободы сроком до 5 лет.

Такие вот дела, дорогие соотечественники-россияне...

Есть такое понятие *«дыра в законодательстве»*. Так вот, все вышеописанное – именно эта самая дыра и есть. Зияющая и вопиющая.

⁴ <http://tematics.best-company.ru/?links=22>

Можно было бы, наверное, порассуждать и на такую тему: чтобы «унизить честь и достоинство представителя власти», должно быть непременно соблюдено одно важное условие – они, эти самые честь и достоинство, должны у него как минимум быть. И никак иначе!

Хочется не теряя времени перейти к извечному российскому вопросу: что делать?

Мне сразу вспомнился ответ на подобный вопрос одного юриста: к нему обратилась женщина, которую сотрудники «правоохранительных органов» выдернули из роддома, где она находилась на сохранении беременности, и пристегнули наручниками к батарее. Он ей ответил: «Что делать? Революцию надо делать!» Тоже, конечно, вариант: революция – это, как минимум, весело. Весело и... очень кроваво. А насилие и так полно в текущей жизни.

К великому нашему счастью, у нас с вами есть слуги. Слуги народа. Мы ведь народ? Не так ли? Да. Мы великий народ. И у нас великие слуги – наши депутаты. Большинство из них хорошие умные люди, которые искренне хотят, чтобы мы жили хорошо. Чтобы нас не избивали люди в форме с погонами и пуговицами. Чтобы они не насиловали наших женщин. И наши слуги обладают всеми необходимыми полномочиями, чтобы изменить закон, по которому за оторванную пуговицу могут дать до 5-ти лет тюрьмы, а за череп, который был проломлен при задержании особо опасного преступника, удирающего с оторванным погоном в руке, не более 2-х лет.

Да и не в годах тюрьмы даже дело... Не только в них. Просто у Феиды немного разладились весы. Мы можем помочь ей починить эти весы. Вместе.

Преступность в России в январе – апреле 2006 года

(по данным МВД РФ)

В январе –апреле 2006 г. органами внутренних дел рассмотрено 5,6 млн заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях, что почти на треть (+32,6%) больше, чем за первые четыре месяца 2005 г. По каждому пятому сообщению принято решение о возбуждении уголовного дела. Всего возбуждено 1029,2 тыс уголовных дел, что на 24,0% превышает аналогичный период прошлого года.

В текущем году зарегистрировано 1253,0 тыс преступлений, или на 22,6% больше, чем за январь – апрель 2005 года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 79 субъектах Российской Федерации, снижение – в 9 субъектах.

Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных снизился с 32,9% за январь – апрель 2005 г. до 30,3% за январь – апрель 2006 г.

Более половины всех зарегистрированных преступлений (51,8%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 506,4 тыс (+20,7%), грабежа – 121,7 тыс (+31,8%), разбоя – 20,7 тыс (+10,3%). Почти каждая третья кража (38,0%), каждый двадцать второй грабеж (4,4%) и каждое четырнадцатое разбойное нападение (7,2%) были сопряжены с незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище.

Каждое шестнадцатое (6,2%) от всех зарегистрированных – квартирная кража. За январь – апрель 2006 г. их число сократилось на 3,4% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, по сравнению с январем – апрелем 2005 г. снизилось на 5,2% и составило 10,7 тыс. Сократилось на 10,3% количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В январе – апреле 2006 г. с использованием оружия совершено 6975 преступлений (-7,4%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Еврейском автономном округе (409), Республике Саха (Якутия) (390), Чувашской Республике (377), Республике Хакасия (279) и Удмуртской Республике (257).

По сравнению с январем – апрелем 2005 г. на 14,4% возросло число преступлений экономической направленности, выявленных правоохранительными органами. Всего выявлено 192,3 тыс преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений в общем числе зарегистрированных составил 15,3%.

Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 27,8 млрд руб.

Около трети (38,2%) в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили тяжкие и особо тяжкие преступления.

Подразделениями по борьбе с экономическими преступлениями органов внутренних дел выявлено 93,9 тыс преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 48,9%.

Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 6,6 млрд руб.

Подразделениями по налоговым преступлениям органов внутренних дел выявлено 10,4 тыс преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 5,4%.

Материальный ущерб от указанных преступлений (по оконченным уголовным делам) составил 15,8 млрд руб.

В январе – апреле 2006 г. выявлено 69,3 тыс преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 29,3% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем-апрелем 2005 г. на 28,6% возросло число преступлений, совершенных путем сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков снизился с 63,1% в январе – апреле 2005 г. до 62,8%.

В общественных местах зарегистрировано 215,1 тыс преступлений или на 66,7% больше, чем в январе – апреле 2005 г.

На улицах, площадях, в парках и скверах зарегистрировано 124,2 тыс преступлений, в том числе: 48,6 тыс грабежей (+51,5%), 29,5 тыс краж (+61,1%), 6,2 тыс разбойных нападений (+34,5%).

На дорогах и трассах вне населенных пунктов совершено 177 разбойных нападений (+22,1%), 239 грабежей (+12,7%), выявлено 44 факта незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (+10,0%).

В январе – апреле 2006 г. раскрыто 609,0 тыс преступлений (+8,2%), в том числе 260,2 тыс, следствие по которым обязательно, и 348,8 тыс, следствие по которым не обязательно.

Не раскрыто 615,6 тыс преступлений, что на 47,8% превышает аналогичный показатель января – апреля 2005 г. Из этого количества на тяжкие и особо тяжкие преступления приходится 29,8% (в январе – апреле 2005 г. – 34,2%). Остались нераскрытыми 1557 убийств и покушений на убийство (-1,3%), 4306 умышленных причинений тяжкого вреда здоровью (+8,4%), 352,6 тыс краж (+37,2%), 87,1 тыс грабежей (+49,1%), 11,5 тыс разбойных нападений (+27,0%).

Преступлений прошлых лет в январе – апреле 2006 г. раскрыто 27,5 тыс, что на 13,2% больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Наибольшее количество раскрытых преступлений прошлых лет составляют кражи (14 567) и грабежи (2387).

Выявлено 454,5 тыс лиц, совершивших преступления (+7,9%), удельный вес лиц без постоянного источника дохода снизился с 61,1% в январе – апреле 2005 г. до 60,3% в январе –апреле 2006 г., а удельный вес ранее судимых лиц – с 23,8% до 23,6%.

Более трети (29,4%) оконченных расследованием преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления, каждое шестое (17,3%) – в состоянии алкогольного опьянения, каждое двенадцатое (8,3%) – несовершеннолетними или при их соучастии.

Иностранцами гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 18,6 тыс преступлений, что на 6,3% больше, чем за январь-апрель 2005 г., в том числе гражданами государств-участников СНГ – 16,7 тыс преступлений (+4,9%), их удельный вес составил 89,8%.

В отношении иностранных граждан и лиц без гражданства совершено 4525 преступлений (+32,3%).

Общие сведения о состоянии преступности

	Зарегистрировано в отчетном периоде	
	Всего	+/- в %
Всего преступлений	1 253 008	22,6
тяжкие и особо тяжкие	379 035	12,8
причинившие крупный (значительный) ущерб, совершенные в крупном размере и сопряженных с извлечением дохода в особо крупном размере	85 765	30,4
экологические	10 305	28,5
террористического характера	1074	- 47,2
экстремистской направленности	107	174,4
убийство и покушение на убийство	9791	- 7,6
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	17 961	- 3,9
изнасилование и покушение на изнасилование	2643	13,6
разбой	20 721	10,3
грабеж	121 676	31,8
кража	506 398	20,7
мошенничество	818 48	45,0
присвоение или растрата	28 357	-
вымогательство	5514	14,0
хулиганство	9653	27,9
вовлечение н/летнего в совершение преступления или антиобщественных действий	3268	- 13,4
нарушение ПДД	6442	- 1,7
угон	13 770	9,1

Характеристика лиц, совершивших преступления

	Всего	+/- в %	Уд. вес в общем числе выявл. лиц, в %	В т.ч. н/летних	
				Всего	+/- в %
Выявлено лиц, совершивших преступления	454 491	7,9	100,0	50 068	0,3
<i>в т.ч. н/летних</i>	50 068	0,3	11,0		
женщин	68 336	21,8	15,0	4696	15,8
учащихся, студентов	39 727	7,2	8,7	28 611	5,2
лиц, не имеющих пост. источника дохода	27 3957	6,5	60,3	14 685	- 5,8
<i>из них</i> безработных	29 198	9,5	10,7	1102	- 3,9
ранее совершавших преступления	130 492	10,1	28,7	7784	0,1
Из общего числа выявленных лиц совершили преступления:					
в составе группы (всего)	101 653	- 6,4	22,4	24254	- 10,9
<i>в т.ч.</i> в составе орг. группы или преступного сообщества	3878	7,0	3,8	209	19,4
В состоянии опьянения:					
- алкогольного	92 339	4,6	20,3	6426	- 11,1
- наркотического	2356	53,7	0,5	54	- 1,8

Регионы с наибольшим удельным весом несовершеннолетних, совершивших преступления (от общего числа выявленных лиц) (%)

Сахалинская область	18,5
Республика Карелия	15,9
Камчатская область (без АО)	15,8
Челябинская область	15,4
Амурская область	15,4
Архангельская область (без АО)	15,1
Читинская область (без АО)	14,7
Еврейская АО	14,7
Приморский край	14,6
Республика Марий-Эл	14,5

Социально-криминологическая характеристика преступности

	Всего	+/- в %	Уд. вес от расследованных преступлений, %	В т.ч. тяжкие и особо тяжкие	
				Всего	+/- в %
н/летними или при их соучастии	50 382	- 0,2	8,3	18 205	- 4,8
лицами, ранее совершавшими преступления	178 818	9,9	29,4	65 727	2,0
В состоянии опьянения:					
алкогольного	105 140	6,5	17,3	33 226	- 4,6
наркотического	3453	54,5	0,6	2115	52,9

Александр Константинов

Мантия, скрывающая изъяны

Примерно год назад проходил очередной съезд судейского сообщества. Выступивший на нем президент в меру покритиковал, в меру похвалил и даже, как в былые времена, поставил задачу. Полемизируя с председателем Конституционного суда В. Зорькиным по поводу олигархических группировок, вмешивающихся в управление страной, он сказал: «Отчасти это до сих пор так, мы боремся и должны будем бороться, сделаем все, что от нас зависит, вместе с судебной системой». Гарант Конституции, видимо, забыл, что суд ни с кем не должен бороться. Суд должен судить, то есть оценивать представленные доказательства и выносить справедливое и законное решение. Никто из присутствовавших не рискнул напомнить Президенту об этом. Оно и понятно: напомнишь, а потом расхлебывай. А тут зарплату обещали поднять...

Сказал президент и по поводу судебной коррупции. «Факты взяточничества, бюрократизма подрывают не только доверие к суду, но и к государству». Может быть, президент не знает, как население оценивает судейское сообщество? Согласно социологическим опросам, судьи занимают почетное второе место среди коррупционеров, уступая пальму первенства только гаишникам.

Конечно, с судебной коррупцией бороться труднее, чем с любой другой. Судьи настолько защищены от любых попыток их проверить, а уж тем более наказать, что их иммунитету позавидуют и парламентарии. И ясно, почему судьи так пристально наблюдают за попытками некоторых политических деятелей, партий и общественных организаций хоть чуть-чуть снизить степень их защищенности.

Многие уповают на то, что если судьям повысят, причем значительно, жалованье, коррупция отомрет сама собой. Только что-то мало верится. Если сейчас, судьи в виде взяток получают в год несколько со-

тен миллионов долларов, по оценкам фонда «ИНДЕМ»¹, то после повышения им жалованья, эти несколько сот миллионов рискуют превратиться в несколько миллиардов.

Даже поверхностный анализ, проводимый некоторыми исследователями, в том числе и опросы действующих юристов из различных регионов России показывает, что при разрешении примерно 20% споров имущественного характера в арбитражных судах и судах общей юрисдикции присутствуют – в том или ином виде – коррупционные факторы². И это по самым скромным оценкам. Некоторые юристы и исследователи называют значительно более высокие цифры. Сюда же необходимо отнести и то, что государственные органы все чаще и чаще задействуют в судебных спорах административный ресурс, что нельзя не оценить как коррупционный фактор.

На прежнем уровне (после повышения зарплаты) останется и менталитет наших судей. Меньше 1% процента оправдательных приговоров, да и те по большей части отменяются кассационными инстанциями – уже одна эта цифра говорит о многом. Кстати, большинство судебных начальников почему-то гордится этим. Помню, как с британской делегацией пришлось посетить председателя курского областного суда. На вопрос одного из членов делегации об этом пресловутом оправдательном проценте, председатель с гордостью ответил, что он равен нолю целым четырём десятым процента. Англичанин переспросил у переводчика, правильно ли он понял ответ, дважды – настолько для него это было дико. «Ты заметил, – прошептал мне с усмешкой один из сопровождавших нас в этой поездке чиновников, – у англичанина аж очки от удивления запотели!». И немудрено, что запотели. От таких цифр они запотеют у любого нормального человека, а не только у англичанина. Вполне вероятно, что этот судья ранее был прокурором или милиционером, ведь процент таких «бывших» среди судей весьма высок. Это еще одна причина существующего обвинительного уклона в российских судах: бывшие прокуроры и следователи по определению не могут считать человека, попавшего в жернова «правосудия», невиновным! Презумпция невиновности – это, знаете ли, не про наших судей. Вот если «по договоренности», тогда может быть.

Среди адвокатов существует мнение, что количество «договорных» уголовных процессов составляет до одной трети от общего числа тех дел, в которых участвует наемный защитник. Вот вам и независимое и объективное судопроизводство.

¹ http://www.ng.ru/events/2006-03-17/6_vziatki.html

² <http://www.epigraph.info/articles/23947/>

Даже сами судьи порой поражаются той коррупционной волне, которая накрыла российские суды. Не кто иной, как председатель Конституционного суда как-то заявил, что «мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков в России. Судебная коррупция встроена в различные коррупционные сети, действующие на разных уровнях власти: например, в сети по развалу уголовных дел и по перехвату чужого бизнеса»³. Это мнение, естественно, было встречено в штыки большинством коллег В. Зорькина, в том числе и руководством судейского сообщества.

В начале демократических реформ, начатых при Е. Гайдаре, предполагалось, что российские суды станут независимыми, неподкупными, строго придерживающимися законов и доступными для простых граждан. Но, как отмечает один из отцов этих реформ судья в отставке С. Пашин, «демократические реформы почти не коснулись прокуратуры, органов внутренних дел и государственной безопасности, как бы ни менялись их названия... Вторая волна преобразований пришлась на начало нынешнего века. Их результатом стало, в конечном итоге, возвращение судебной системы к фактической роли придатка государственной власти... Правосудие все больше превращается в рядовую управленческую деятельность – «расправу». Уж кто-кто, а Сергей Анатольевич знает, что говорит. Он, один из лучших судей России, был фактически изгнан из судейского кресла за инакомыслие.

Реформы закончились тем, что судьи, особенно Верховного суда, намертво отгородились от граждан. Если раньше можно было попасть на прием к члену Верховного суда и хотя бы попытаться объяснить ему суть дела, то теперь – увы. Бывало, что это срабатывало. Теперь же – только письменно и только через канцелярию.

Проблема судейского корпуса состоит еще и в том, что его формированием никто не занимается. Во Франции, например, существует Национальная школа магистратуры, которая готовит судей и прокуроров. Принимают туда либо выпускников юридических вузов, либо людей, работавших в качестве юристов в течение нескольких лет. Конкурс – огромный. И вовсе не потому, что зарплата судей во Франции высока. Отнюдь нет. Судьи получают от 3 до 5 тысяч евро ежемесячно, что, конечно, немало, но, по сравнению со среднемесячной заработной платой (около 2 тысяч евро), вовсе не заурядно. А в России

³ Интервью с В. Зорькиным в «Известиях» от 25.10.2004 и <http://old.lenta.ru/russia/2004/10/28/judge>

судьям все мало. Им подавай зарплату в 3 тысячи долларов, тогда как средняя зарплата в России – меньше 300 долларов! К стати сказать, никаких льгот, имеющихся у наших судей (бесплатный проезд, санаторно-курортное лечение и куча всего прочего) у французских судей нет. Платят за все сами. И не жалуется. Причем, так устроено не только во Франции, но и во всех других приличных государствах, в компанию которых мы ломимся, но куда нам пока (хотелось бы думать, что пока) путь заказан.

Должность судьи привлекательна для французских юристов своим *статусом*. Одна знакомая французженка, имеющая непосредственное отношение к французской судебной системе, рассказывала мне, что «статус» – это все. И лишиться его ох как неприятно. Статус – это уважение сограждан. Потерять его – смерти подобно. Если бы наши судьи об этом думали, то, ознакомившись с результатами соцопросов о доверии к ним граждан, прямо всем судебским корпусом подали бы в отставку. Однако нашим судьям глубоко безразлично, что о них думают сограждане. Единственное, на что они обижаются, это на критику в СМИ, как, например, господин Лебедев, бессменный Председатель Верховного суда РФ.

Многие иностранцы, правда, с надеждой замечают, что, мол, конечно, пока еще недостатки в виде волокиты, грубости судей и тому подобного в России есть, но есть и нечто положительное. Реформа, мол, недавно началась, и нельзя ожидать быстрых результатов. Хотя не так уж и недавно. Пора бы и результатам быть. А их, за исключением суда присяжных, нет как нет. Тот же обвинительный уклон, та же грубость судей, та же волокита, та же внимание только одной стороне – прокурорской, та же вседозволенность, та же набившая всем оскомину коррупция.

Как-то спросил у одного знакомого французского журналиста, может ли их судья в заседании оскорбить подсудимого, например. Оказывается, да, такие случаи очень редко, но бывают. «Судьи ведь тоже люди», – заметил журналист. Но в зале заседаний присутствует прокурор, который может тут же возбудить уголовное дело уже против судьи. И, что интересно, возбуждает! У нас такое невозможно. Много ли вообще в России случаев, когда судей привлекали к ответственности? Единицы.

Во Франции их тоже единицы. Но, как отмечает Пьер Трюш, первый Почетный Председатель Кассационного Суда Франции, «в силу своего места в государстве правосудие стоит выше подозрений», но «интересы самого правосудия требуют осуществлять открытое и непреклон-

ное преследование магистратов (судей и прокуроров. – А.К.), совершающих проступки».

Коррупции среди судей во Франции практически не существует. «Конечно, отдельные случаи, наверное, есть, но это такая редкость, – говорит французский журналист, – лично я о таких даже и не знаю. Можно ведь лишиться статуса судьи. А это никакими деньгами не возместить». Нашим бы судьям поучиться у иностранцев, что такое «статус» и что должно значить для судьи лишение статуса и уважения со стороны общества. Но наших судей, как видно, это абсолютно не интересует. Их интересует, во сколько раз им поднимут зарплату.

С коррупцией в судах в разных странах борются по-разному же. В тех же США, которые мы раньше хотели догнать и перегнать (сейчас задача скромнее – всего-навсего догнать Португалию; можно подумать, она, дура такая, будет стоять и нас дожидаться), в большинстве штатов судьи выборные. Попробуй при развитых и представляющих различные слои общества СМИ прославиться как коррупционер! Не выберут ведь. На Кипре – по другому: отработал несколько лет в одном суде – будь добр, переходи в другой. Это чтобы они, «судьи, не создавали преступного сообщества – судья, адвокат, прокурор, председатель суда, председатель состава».

Иначе говоря, способов борьбы с коррупцией много. Было бы желание. А его-то, судя по всему, как раз и нет.

Глазами заочницы

Часто от бывших эзков приходится слышать, что не отсидевший не знает и не может понять тюремную жизнь. По-своему они правы. Я расскажу о своем опыте знакомства с тюрьмой, который мне довелось пережить несколько лет назад, когда, переписываясь с парнем, отбывающим срок в одной из колоний Архангельской области, решила, наконец, с ним встретиться. Поддерживать отношения с эзком – в каком-то смысле отсидеть вместе с ним, я думаю, меня хорошо поймут матери, жены и девушки, ожидающие своих сыновей, мужей и любимых. Постепенно происходит так, что вместе с письмами, которые он присылает, поздравлениями в открытках, аудиозаписями из тех мест, к тебе приходит дух тюрьмы, как бы проникая внутрь тебя, и этот мир становится частью твоей жизни. До боли ощущая потребность «влезть в шкуру», казалось, любимого, примерить ее на себя, ты начинаешь невольно тянуться и к его миру.

Ранним ноябрьским утром около 4 часов поезд остановился у станции назначения – Плесецкая. Когда я вышла, я толком не знала, как мне ехать дальше. Здесь уже подморозило и выпал снег, тогда как в Москве еще было довольно тепло. Смешавшись с толпой людей, которые ожидали маршрутку до города Североонежска или торговались с водителями, в конце концов, не желая больше мерзнуть, выбираю последний вариант. Мой попутчик выходит в городе, он отсюда родом. Узнав, куда я еду, он подробно объясняет, как добраться «до этой тюрьмы». Шофер, бывший ээк, слыша наш разговор, сообщает, что «спецпоезда до Озерного сейчас не ходят» и берется доставить меня до поселка примерно к обеду, минуя Управление исполнения наказаний, в которое советовал мне зайти мой друг по переписке. Эта моя вольность с подачи водителя, похоже, потом вышла нам боком. Впрочем, не знаю... и не хочу забегать вперед. Какое, действительно, Управле-

ние в пять утра, в темноте незнакомого города, да еще и в такой холод... Выходить на улицу совсем не хочется, и я остаюсь в полуразбитом автомобиле, в котором уже набросано немало наших окурков. Не без страха проезжая через холод и снег, сквозь сплошную тайгу, в течение многих часов лишь изредка вижу серые силуэты лесопогрузчиков, едущих нам навстречу. С нарастающим ощущением путешествия в иную реальность отчаянно цепляюсь за то, что меня согревает изнутри – это ожидание и предчувствие совсем уже скорой встречи с тем человеком, к которому я сейчас еду. Многочасовой путь завершается поломкой машины. Хорошо, доедем не до Озерного, как водитель пообещал вначале, а только до первого поселка, а там он договорится с водителем школьного микроавтобуса, который повезет меня дальше. Слава Богу, он хоть как-то починил машину, и мы продолжаем путь.

Примерно в 12 дня подъезжаем к Скарлахте – поселку, который в этой округе вроде центрального. Где-то здесь находится почтовое отделение, куда я адресовала письма. Первое, что вижу, – деревянное некрашеное здание с какими-то советскими лозунгами. Как узнала позже, это школа для детей персонала колоний. Мне предстояло ждать еще несколько часов, пока не закончатся занятия у учеников, приезжающих сюда в том числе и из «моей» тюрьмы.

Колония-поселение – наиболее легкий вид наказания, связанного с лишением свободы. Здесь не ходят строем в форменных телогрейках, можно перемещаться по территории, и, к счастью, ни здесь, ни дальше нет никаких заборов. Разрешены посылки, передачи, бандероли без ограничения их количества и свидания – практически без ограничения их продолжительности. Меня всегда удивляло желание, неоднократно высказанное моим другом, – «закрыться» в зону. Казалось бы, в поселке должно быть лучше, тем более, ему есть с чем сравнить. Попадают в эти поселки в основном со строгого режима. И вот теперь чуть ли не первое, что слышу от своего теперешнего водителя – зэка из Озерного, обрадованного появлением нового человека с воли, да к тому же еще и из Москвы: «Здесь можно жить года два, но если больше, то деградируешь».

Всех здешних обитателей отличает какая-то придавленность, которая ощущается и выражается даже в жестах и интонациях голоса. Тяжесть, тяжесть... вместе с каким-то противным смирением и покорностью своей доле. В этой глуши, за много километров от города, на фоне серости ветхих построек, жизнь как будто останавливается, она потеряна в другом времени или другом измерении, замирая в какой-то точке минувшей эпохи. В начале нового тысячелетия на стенах не-

достроенной, похоже, еще в довоенные годы школы (а может, полуразобранной на дрова) читаю призывы к «пионерам»: «стремиться к мечте», «учиться, еще раз учиться!». Покосившиеся деревянные конструкции чернеют на фоне белого снега. К какой «мечте» стремиться этим ребятам и чему, интересно, им здесь учиться? Вольные люди, постоянно проживающие здесь, перемешиваясь с зэками, втягиваются в тот же самый процесс. Они «сидят» здесь все вместе, среди леса, озер и болот. Разница в том, что зэки рано или поздно освобождаются, тогда как «вольные» остаются здесь, продолжая без всякого приговора отбывать свои «сроки», выращивая здесь же детей. Зэки говорят «дебилы» о местных школьниках, с малых лет употребляющих технический спирт, по слухам, привозимый с Плесецкого космодрома и называемый здесь «ракетуха». Настает время завтрака, и они выбегают на улицу, эти растрепанные полураздетые ребяташки, влезают в микроавтобус и прямо здесь начинают есть, доставая из разбросанных по полу сумок остывшие супы быстрого приготовления, жадно их поглощая грязными ложками, попутно выясняя что-то между собой по фене. «Маленькие зэки» – мелькает у меня мысль.

– На свиданку? – спрашивает меня одна девочка.

– Да...

Невольно задаю себе вопрос: «О чем думают их родители?» Что их удерживает в этой мрачной дыре (по меркам даже выдавших и не такое зэков)? Неужели собственные дети настолько им безразличны, что они вместе с ними застряли в этом болоте, обрекая их на детство среди тюремного персонала и зэков, на эту полусгнившую школу, на подготовку к урокам прямо в автобусе, да и то в лучшем случае? Понятно, учителей здесь катастрофически не хватает, и потому один преподаватель может вести несколько самых разных предметов, например математику, географию и физкультуру.

При большом количестве озер (и болот) местные жители испытывают недостаток питьевой воды. Воду сюда откуда-то привозят и экономно расходуют. Толком ни поесть, ни вымыться. Сама идея водопровода воспринимается здесь как экзотика.

Когда, наконец, отправляемся в путь до Озерного, уже начинает темнеть. Но я совсем близко к цели, к которой приходится так долго идти. Через каких-то сорок минут, может быть, через час я, наконец, увижу человека, ради которого сюда ехала. Эта мысль придает сил, заставляя забывать усталость от проделанного пути, бессонной ночи в поезде и всего увиденного здесь. Вот мы выходим, и меня ведут к начальнику колонии, предварительно перетряхнув все вещи в моей сумке с целью

«досмотра». Тут, от начальника, узнаю, что мой друг находится в изоляторе, после чего будет переведен в зону, поэтому нам не предоставят свидания. С садистским удовольствием «хозяин» мне сообщает:

– Зря вы не зашли в управление. Там бы вас сразу поставили в известность!

Дальше он начинает что-то долго говорить о том, что мой друг не хочет работать и много из себя мнит, считая себя «выше» кого-то. Предоставив «хозяину» возможность выговориться, наконец, останавливаю его словесный поток: «Я понимаю. Но это все ваши дела, я в них не разбираюсь. Я приехала на свидание к этому человеку, и я его хочу увидеть». Тогда он принимается за меня. Следуют долгие расспросы: чем я сама занимаюсь и кем прихожусь эзку. Опасаясь, что иначе нам точно не предоставят свидания, говорю, будто мы состояли в гражданском браке, хотя это не так.

– Ну вы же ему только сожительница, а не жена, – с презрением молвит начальник.

– И что?..

– Когда расписываться собираетесь?

– Мы планируем по освобождению, – отвечаю вслух, а про себя думаю: «Какое твое собачье дело?»

Пока он методично «раскладывает меня по полочкам», я за ним наблюдаю и вижу его колебания. В душе я уверена, что теперь, когда за моей спиной уже многие километры пути и часы ожидания на Скарлахте, я добьюсь свидания во что бы то ни стало.

Что мне этот жалкий алкоголик, который упивается властью в своей маленькой «епархии» в лесной глуши! Сейчас я уже могу все, устраняю все препятствия между мной и моим другом, которые так старательно создает здешний «хозяин». Я пробью эту «тюремную стену»... Вдруг он спрашивает:

– Что бы вы делали, если бы еще в Управлении узнали, что свидания вам не предоставят?

– Я бы все равно приехала сюда и поговорила с вами. Мне дорог этот человек, и я хочу его видеть!!!

Ура! Я победила! Стена рушится. Начальник говорит: «Хорошо. Выведем из изолятора на 15 минут», и предоставляет нам свидание, оговаривая следующие условия: оно будет происходить в присутствии сотрудников, в «гостинице» – это помещение для приезжающих на свидания, из которого мне запрещается выходить на территорию колонии. Рано утром будет машина до станции, на ней я должна уехать. Дальше меня передают «в распоряжение» сопровождающих сотруд-

ников и дежурного по гостинице, которые меня отводят к зданию, где мне предстоит переночевать. «Вот, – думаю, – кажется, я и попала в эски. Правда, они-то могут здесь свободно перемещаться». Через некоторое время под конвоем привели и моего друга. И тут меня ждала радостная весть: не знаю, по доброте ли начальника или по инициативе охранников, нам увеличили продолжительность свидания до 40 минут, и оно проходило наедине. Все же мы так и не поговорили толком. Хотя тогда очень радовало уже то, что мы встретились. Когда его увели, ко мне пришли эски, пообещали устроить нам второе свидание, в изоляторе. К несчастью, об этом узнал дежурный по гостинице, тоже эск, и без лишнего шума его предотвратил, отослав этих ребят, когда они пришли за мной.

Мне оставалось лишь наблюдать из окна за происходящим в колонии. Я видела вечернюю проверку перед отбоем, на которую пошел и дежурный. Честно признаться, было искушение потихоньку выбраться, пусть даже через окно (это, кажется, был первый этаж), и пройти к изолятору; но я поняла, что сама, тем более после отбоя, когда и спросить не у кого, никакой изолятор все равно не найду. Больше я ничего не могла сделать. Почти всю ночь я проговорила с дежурным, который, надо отдать ему должное, меня не только накормил, но и угостил чифиром, пробуждающим жажду деятельности (действительно, у меня тогда вновь появилось желание вылезти из окна и искать изолятор).

Только под утро я отправилась спать, а часа через два меня разбудили. Машина уже приехала. «Давай скорее, ты меня подводишь», – торопил дежурный. На улице еще темно. Вновь холод, озноб, и вдобавок ощущение собственного бессилия и разочарования от в общем-то не сбывшейся мечты. Я уезжаю не по своей воле, и сейчас от меня уже ничего не зависит. Стена вырастает вновь, и с течением времени нас будет вновь разделять все большее и большее расстояние.

Эски передают мне письма на волю, просят их отправить в городе, и еще раз подтверждают, что была бы возможность второго свидания, если бы не дежурный. Они замечают, что я «до сих пор в каком-то непонятном ступоре» – это действительно так. Машина с фантастическими «лестницами» в виде стальной цепи и привязанными к ней веревками, по которым я как-то поднимаюсь... Дорога обратно, до спецвокзала. Вот мы садимся в темный поезд, плацкартный вагон без электрического освещения, с обтрепанными полками, на которые ложатся пассажиры; отовсюду торчат их сапоги. Я занимаю боковое место, сажусь и смотрю в окно. Отъезжаем. В полной темноте появляется кондуктор с маленьким фонариком – женщина, продающая билеты.

Покупаю билет и через некоторое время проваливаюсь в сон, меня будят уже в городе. Выхожу и осматриваюсь. И вдруг у меня появляется желание поскорее уехать... скорее, скорее бежать отсюда, подальше от этих мест, где так живут люди... Спрашиваю у кого-то из прохожих: «Как пройти?..» Нахожу остановку маршруток, идущих в Плесецк... Остается совсем немного – купить билет на поезд обратно, пообедать в привокзальном кафе, и вот я уже возвращаюсь домой, в Москву...

Действительно, мне и сейчас кажется, что путь обратно я проделаю раза в два быстрее, чем туда, хотя расстояние одно и то же. На вторую поездку в зону меня уже не хватило.

Спустя несколько лет, мысленно возвращаясь к тому опыту всего лишь краткого соприкосновения с тюремной жизнью, причем, вероятно, не с худшей ее стороной, вспоминаю и пережитый тогда шок.

Восприятие тюрьмы человеком с воли, возможно, близко к тому, что испытывает заключенный, впервые оказавшийся в неволе, когда все происходящее вокруг воспринимается намного острее, пока не становится привычным, бытом, тем, что в целях самосохранения уже перестаешь замечать, относиться к этому как к чему-то само собой разумеющемуся. Тюрьма, наверное, не забывается никогда. Только какую же шкуру нужно себе «отрастить», чтобы выносить все это постоянно, в этом жить или даже постоянно сталкиваться с чем-то похожим? Теперь, участвуя в Интернет-проекте «Все о жизни в тюрьме»¹, читаю в форуме сообщения жен и девушек заключенных и порой удивляюсь, даже немного завидую их терпению, любви и вере...

Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации по состоянию на 1 апреля 2006 года

В I квартале 2006 г. в федеральные суды общей юрисдикции и мировым судьям поступило 312,0 тыс уголовных дел. Судебным производством окончено 274,6 тыс уголовных дел. К различным видам наказания осуждено 215,1 тыс человек, оправдано 2,4 тыс человек. По результатам рассмотрения в судах административных дел 847,0 тыс человек были подвергнуты административным взысканиям. Из 1,7 млн дел, поступивших в I квартале 2006 г. в суды общей юрисдикции и мировым судьям по гражданским делам, судами окончено производством 1,6 млн дел.

По состоянию на 1 апреля 2006 г. в учреждениях УИС содержалось 847,0 тыс человек, в том числе в 765 исправительных колониях – 660,8 тыс, 211 следственных изоляторах, 7 тюрьмах и 153 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов и тюрем – 171,6 тыс человек, в 62 воспитательных колониях для несовершеннолетних – 14,6 тыс человек.

Содержалось в СИЗО несовершеннолетних 8162 чел., женщин – 13 384.

ВИЧ-инфицированных в СИЗО содержалось 166 чел., из них несовершеннолетних – 1, женщин – 4.

Из СИЗО освобождено из-под стражи по различным основаниям 6461 человек.

В учреждениях содержится 55,4 тыс осужденных женщин, при женских колониях имеется 11 домов ребенка, в которых проживает 634 ребенка.

В 9 лечебных исправительных учреждениях для наркоманов содержалось 7513 чел., из них женщин – 1354. Численность больных туберкулезом составила 40 183 чел.

В 164 колониях-поселениях содержалось 54 376 чел.

В 39 колониях особого режима содержалось 10 383 чел.

За первый квартал осужденным предоставлено 1018 отпусков с выездом за пределы ИУ.

Допущено 116 тыс нарушений режима отбывания наказания, из них злостных – 4,5 тыс.

В 6 колониях, предназначенных для осужденных к пожизненному заключению и тех, кому смертная казнь в порядке помилования заме-

нена на пожизненное заключение или на определенный срок лишения свободы, содержалось 660 осужденных, приговоренных к пожизненному лишению свободы, 697 человек, которым смертная казнь была заменена на пожизненное лишение свободы, 211 человек, которым смертная казнь была заменена лишением свободы на срок в 25 лет, и 51 человек, которым смертную казнь заменили на лишение свободы на сроки от 15 до 20 лет.

В состав УИС входят также 2440 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 600,3 тыс человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Штатная численность персонала УИС составляет 356,9 тыс человек, в том числе аттестованных сотрудников – 255,0 тыс.

Производственный потенциал УИС составляют 602 различных промышленных и 69 сельскохозяйственных предприятий.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 294 вечерних общеобразовательных школы и 222 учебно-консультационных пункта, 338 профессионально-технических училищ, действуют 383 церкви, 698 молитвенных комнат.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 132 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 57 лечебных исправительных учреждений, 9 ЛИУ для больных наркоманией.

В целях улучшения медицинского обслуживания личного состава функционируют 19 лечебно-диагностических центров реабилитации и 2 санатория. В составе УИС действуют 5 высших учебных заведений (с 7 филиалами), в том числе Академия права и управления Минюста России, 2 юридических колледжа, 1 средняя специальная школа, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий с филиалами в городах Иваново, Владимир, Челябинск, 2 кадетские школы-интерната: Московский кадетский корпус юстиции и Симбирский кадетский корпус юстиции.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание» и «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Многие учреждения УИС, особенно входящие в состав лесных управлений, являются градообразующими. На их балансах находятся поселки, жилые дома, больницы, школы, детские учреждения, дома культуры, стадионы, предприятия торговли и общепита, отдельные участки железных и автомобильных дорог.

Изменения в УИК РФ

Государственная Дума РФ внесла изменения в Уголовно-исполнительный кодекс РФ. Так, статья 13 УИК РФ («Право осужденных на личную безопасность») дополнена положением о том, что меры безопасности в отношении осужденного, являющегося участником уголовного судопроизводства, осуществляются начальником учреждения, исполняющего наказание, на основании мотивированного постановления (определения) суда (судьи), прокурора, начальника органа дознания или следователя.

Согласно изменениям, которые внесены в статью 77 («Оставление осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию»), теперь можно оставлять в качестве хозобслуги в СИЗО или тюрьмах с их согласия любых осужденных к лишению свободы граждан при условии, что они ранее не отбывали лишение свободы. При этом срок наказания, назначенный судом, роли не играет (ранее можно было оставлять впервые осужденных к лишению свободы на срок до 5 лет).

В статье 85 («Режим особых условий в исправительных учреждениях») уточняются основания введения в исправительном учреждении режима особых условий. Ранее действовавшая редакция допускала его введение «в случаях стихийного бедствия, введения в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного, особого или военного положения, при массовых беспорядках, а также при групповых неповиновениях осужденных». Из этого перечня исключено неизвестное в российском законодательстве «особое положение».

В статье 128 («Колонии-поселения») снято избыточное требование раздельного отбывания наказания в колониях-поселениях осужденных за преступления, совершенные по неосторожности, впервые осужденных за совершение умышленных преступлений небольшой или сред-

ней тяжести, положительно характеризующихся осужденных, переведенных из колоний общего и строгого режима. Многие психологи считают, что совместное содержание различных категорий в целом благотворно влияет на психологический климат в тюрьме (колонии). Осужденные к небольшим срокам легче переносят наказание, соизмеряя его с продолжительным лишением свободы сокамерников. Осужденные к длительному наказанию не выпадают из коммуникативного поля, находясь в разнородной среде, не столь разъединенной со свободным миром, как, например, колонии особого режима. Отмена раздельного содержания в колониях-поселениях – первый шаг в этом направлении.

В статье 141 («Организация учебно-воспитательного процесса») снято возрастное ограничение для несовершеннолетних, которым разрешается заочно обучаться в образовательных учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Ранее это право имели только осужденные, достигшие 16 лет.

Внесены изменения в статью 88 УИК РФ («Приобретение осужденными к лишению свободы продуктов питания и предметов первой необходимости»).

Теперь осужденные имеют право расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства, заработанные ими в период отбывания наказания, а также получаемые пенсии и социальные пособия без ограничений. Уточнены также формулировки статей 121, 123, 125, 131 и 133 УИК РФ. В частности, осужденные, содержащиеся в строгих условиях содержания в ИК общего режима имеют право ежемесячно дополнительно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства (кроме заработанных в период отбывания наказания) в размере равном двум минимальным размерам оплаты труда. Осужденные, содержащиеся в строгих условиях содержания в ИК строгого режима имеют право ежемесячно дополнительно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства (кроме заработанных в период отбывания наказания) в размере равном одному минимальному размеру оплаты труда. Осужденные, содержащиеся в строгих условиях содержания в ИК особого режима, имеют право ежемесячно дополнительно расходовать на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости средства (кроме заработанных в период отбывания наказания) в размере равном 70% минимального размера оплаты труда.

Тюрьма на одной шестой части суши

Так говорит Господь:
сохраняйте суд и делайте правду

Исайя 56:1

Эволюция воровской идеи

Сторонником воровской идеи я никогда не был. Но невозможно не признать – во многом жигановские законы (в тот момент, когда они сформировались, в начале 60-х) при всей своей суровости, а иногда и жестокости, были гораздо человечнее, демократичнее законов казенных. Известно ведь, что принцип презумпции невиновности в зонах соблюдался (40 лет назад) гораздо чаще, чем в сегодняшнем «гуманном и справедливом» обществе, где можно пропасть ни за грош. В зоне, конечно, тоже можно было пропасть, но, как правило, за дело.

Имеющий право «карать и разрешать» в камере или бараке (вор, авторитет, положенец) вынужден был считаться с мнением коллектива, его представлениями о правде и справедливости, как вынужден был считаться с ними судья в традиционном обществе – старейшина, библейский судья и т.д. Вынося – у всех на глазах – справедливое решение, он укреплял свой авторитет. В отличие от него и судья советский (с заседателями-кивалами), и судья «демократической» России, вынося приговор, устанавливают авторитет государства. (Может быть, положение изменит к лучшему суд присяжных? Пока он оправдывает подсудимых в 10 раз чаще, чем федеральные судьи. Для меня это ясный довод в пользу демократии судопроизводства.)

Руководитель Санкт-Петербургского отделения Общероссийского движения «За права человека»

Примеры, которые приводит автор, взяты из писем осужденных в эту организацию.

Однако сегодня сторонники воровской идеи (как и сторонники идеи государственной) требования к самим себе сильно уменьшили.

Если раньше, скажем, вору нельзя было показаться братве пьяным, наркотики он вообще не имел права употреблять, то сейчас в порядке вещей бредущие по галеркам «Крестов» (ИЗ-47/1) пьяные или обсаженные авторитеты (видел это не раз), мирно беседующие с оперативниками. Да и не прет уже вор, как правило, на власть, будто танк, а старается жить с ней в ладу, как с окружающей его средой.

Надо сразу оговориться: Питер не является исключением, это типичная картинка для многих российских тюрем. Понятно... оперативная работа дело святое. Я твердо убежден, что большинству оперов наркотики просто необходимы: и публика управляема, и хороший приварок для семейного бюджета. Очевидно же – если бы ФСИН захотела покончить с «наркотой», то никаких серьезных препятствий к искоренению этого зла в замкнутом, контролируемом пространстве и быть не могло¹.

Когда-то вор не имел права быть прописанным, иметь в официальном пользовании машину или дачу. Он должен был быть аскетичным в быту. Сегодня такое поведение – скорее исключение. Впрочем, хватило же духу (это произошло около года назад) у одного из питерских сидельцев выколоть себе глаз, лишь бы быть вывезенным из беспредельной колонии почти в центре Питера... А Эльхам Исмаилов, облившись бензином, сжег себя в знак протеста против произвола администрации ИК-3 (Форносово).

¹ Из обращения Общероссийского общественного движения «За права человека» (сентябрь 2005 г.) к начальнику ГУФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, генерал-майору В.А. Заборовскому: *«...И все это происходит, как утверждают освобождающиеся, при почти полной наркотизации всей колонии – около 70% обитателей «Металки» являются системными наркоманами. По самым скромным подсчетам суточная доза всей колонии составляет 20 граммов героина. По утверждениям некоторых заключенных, начальник оперативного отдела УС-20/5 Голубев Д.Л. пытается бороться с «белой смертью». Но ситуация с наркотизацией колонии, видимо, выгодна нынешнему руководству <...> Наркотики чрезвычайно легко попадают в зону, в том числе через охраняемый забор, далее через руки известных администрации спекулянтов. Куда же тогда уходят бюджетные средства, отпускаемые на охрану периметра?»*

Прошло более полугода, и вот новое сообщение – в учреждении УС-20/3 (пос. Форносово, Ленингр. обл.) с января 2006 года 11 (одиннадцать?!) трупов от передозировки наркотиками. Это уже вопрос к Госнаркконтролю...

Способны ли вы на такое, если вас, всего-то навсего, заставляли бы одеть красную повязку или чистить туалет, или не платили бы зарплату, на которую жили ваша жена и малолетняя дочь?

Впрочем, события в Челябинске весной 2004 года, в Питере зимой того же года, во Льгове летом 2005-го, когда зоны поднялись, лишь бы не дать даже символически превратить себя в «капо» (зэков-надзирателей) – скорее исключение, чем правило.

Кстати, о «гвардейцах кардинала». В соответствии со ст. 111 УИК РФ, осужденные, состоящие в самодеятельных организациях, не могут наделяться полномочиями администрации и получать дополнительные льготы. Для кого эта норма писалась – непонятно. Любому, побывавшему на зоне хоть несколько дней, хорошо известны эти картинки: красноповязочники, дежурящие на вышках в центре колонии и – о ужас! – имеющие право нажимать кнопку открытия калиток локальных участков. Они могут и составлять акты и рапорты на те или иные нарушения таких же осужденных, как и они сами. И в большинстве случаев бумажкам этим администрациями колоний дается ход. Людей на подобном «законном» основании водворяют в ШИЗО (меня таким образом чуть было в СУС не упрятали), им отказывают в представлении к УДО и т. д. Активисты обладают правом, в отличие от других зэков, ходить, например, чаще в баню, посещать спортзал (да и вообще ходить по территории колонии беспрепятственно), в общем, «слаще спать и вкуснее есть». Конечно же, никто из надзирателей в жизни «не поверит» в то, что их выкормыши могут позволить себе написать фиктивную бумажку или вымогать у своих же сидельцев продукты, деньги, сексуальные услуги, избить кого-то и т. п. Они верят: те, кому оказана «монаршья милость и доверие», будут свято чтить моральный кодекс, а дежурить у вышки (и в холод, и в дождь, ночью и по праздникам) они готовы совершенно бескорыстно. Все остальное – происки врагов-правозащитников или блатных авторитетов...

Скажу честно, мне эти СДиПы, как любые другие «красноповязочники», часто напоминают кадыровцев – «раскаявшихся» боевиков, которые спустились с гор и получили от государства законное право вести себя как бандиты и террористы, лишь бы помогали обеспечивать режим...

Сетования большинства арестантов по поводу мельчания современных тюремных нравов выглядят довольно неискренними. Хочешь бороться с недостатками – начни с себя. Ведь чтобы остаться честным, верным своим принципам, надо всего лишь, когда приходит время, сказать НЕТ, короткое, но твердое. Вот тут «принципиальность» многих арестантов, сторонников «жиганской идеи», сразу куда-то уле-

тучивается. Разумеется, для оправдания своей бесхребетности находится множество причин. И главная из них – «...бесполезно, все равно ничего не изменишь».

Основная проблема в деле защиты прав заключенных – сами заключенные.

Осмелюсь заметить, что многие наши сидельцы-мученики (говорю без иронии – какие бы ни были они конформисты и приспособленцы, а жизнь периодически «гладит» их по голове немилосердно) не отличаются от среднестатистического гражданина современной России. Костеря на каждом шагу зажавшуюся и охамевшую власть, они при первом же удобном случае поступают так, как требует эта власть.

Социологи рассматривают воровской закон как особую субкультуру. Некоторые исследователи тюрьмы даже полагают, что культура эта – глубоко народна, что она хранит признаки догосударственной и раннегосударственной жизни. В том числе резкое «кастовое» деление, характерное для древних арийских племен.

В каком-то смысле воровской закон повторил эволюцию традиционных религий. «Воровской закон» 20-х–80-х – это идеология племени, на которое «наехала» империя – главное, сохраниться, устоять. Для этого нужна солидарность. Для солидарности нужен миф о высшей справедливости «своих законов». Потом империя развалилась и «племя воров» вступило в диалог с «племенем ментов». Нужда в прежней солидарности и поддержке пафоса стойкости и справедливости – отпали. «Воры в законе» разлагаются, им присущ оппортунизм перед лицом власти, при этом исчезает сам принцип воровской солидарности. Все это закономерно компенсируется ростом «фундаментализма»: ужесточением кастовости, бредом обостренной гомофобии (авторитет, отказывающийся есть из посуды, помытой представителем «низшей касты», не станет возражать против обеда в хорошем ресторане, где кто-то из персонала, заведомо известно, гомосексуалист).

Отмечу, что бешеное сопротивление совместному питанию это не иррациональное следование жигановской этике, оно имеет под собой твердый расчет: колония, где зеки согласились смешать касты, приобретет на других зонах плохую репутацию. После этого достаточно будет пригрозить переводом «в другую командировку», и зеки, понимающий перспективы своих мытарств уже на этапе, становится значительно более податлив для оперчасти.

В замкнутом пространстве не может не возникнуть проблема гомосексуализма. Можно придумывать грозные статьи в уголовном законодательстве за тюремное мужеложество, но природу ведь не обманешь...

Все человеческие пороки берутся гражданами в погонах, как и раньше, на вооружение. И это понятно, они – вроде бы – тоже люди. В учетных карточках у отрядников есть даже специальные графы – болевые точки, пристрастия, слабости осужденных. Любишь покушать или поспать, боишься боли или тщеславен – на карандаш тебя. Ущербен по натуре и хочешь власти, хоть и мизерной, – будешь председателем СДПП колонии.

Подход властей к вопросу лагерного гомосексуализма не может не раздражать. После начала прошлогодних акций протеста в Димитровградской колонии (Ульяновская область) директор ФСИН России генерал Калинин назвал *обиженных* «лицами нетрадиционной сексуальной ориентации», то есть гомосексуалистами. Это, по сути, и жестоко, и безграмотно. Известно, что «опущенные» – заключенные, ставшие жертвой прямого гомосексуального изнасилования или подвергшиеся иному «ритуалу» с гомоэротическим подтекстом. Но гомоэротика (гомосексуализм) – это всегда эротическое влечение к особям своего пола. С этой точки зрения, гомосексуалистами являются зэки, совершившие половой акт с другим мужчиной в состоянии полового возбуждения. Называть их жертв «гомосексуалистами» – значит соглашаться с «воровским законом», автоматически относящим к гомосексуалистам всех, над кем совершили акт насилия. Хотя подавляющее большинство заключенных, вынужденных играть роль сексуальных партнеров, испытывают от этого вовсе не возбуждение, а моральные и физические страдания.

Теперь о реальном тюремном гомосексуализме. Все зависит от того, насколько человеческим, мудрым окажется в регионе тот или иной «гражданин начальник». Захочет – и сделает для «обиженных» отдельный отряд (что будет способствовать их большей защищенности и сохранению остатков достоинства). А не захочет, будет пытаться насадить показушное равноправие, размещая всех зеков вместе, даже в столовой, как, например, в учреждении ЮН – 83/11 Ярославской области.

Даже в сегодняшнем «наидемократичнейшем» УИКе ни единым словом не упоминается эта весьма значительная (от 2 до 7, а то и до 10% от общего числа в каждой зоне) категория осужденных. А значит, и любая жалоба зека, уже оказавшегося (вольно или невольно, не важно) в изгоях, оказывается фактически вне правового поля. Вот дословная цитата из заявления зека, которое начальник оперчасти в Республике Коми не удосужился, выкинув его в корзину, порвать так, чтобы оно было нечитаемым: «...*Помогите мне пожалуйста гражданин начальник. ...приходят в цех пьяными и уводят под ножами ... заставляют вытворять такое что и в порнухе не увидишь...*» То есть, с одной стороны, суще-

ствуует в УИКе РФ статья 13, по которой этот бедолага (даже если он натуральный гомосексуал) вправе рассчитывать на результативную защиту. Но, с другой, у администрации свои резоны и интересы.

И что ему, начальнику, судьба какого-то *петуха*? Особенно, если тот, кто насильничает, помогает ему, гласно или негласно, поддерживать порядок в зоне. Знаю конкретный пример, когда оперативник в следственном изоляторе «Лебедевка» перевел в камеру к *петухам* из *мужицкой камеры* смазливенького парнишку, приглянувшегося (каждая камера выстраивалась для проверки на галерке) главному из «обиженных»... А незадолго до того из этой же камеры молоденького петушка, поссорившегося с «главпетухом», перевели в камеру, славившуюся лютыми нравами камерного пахана... Можно долго рассуждать об «оперативно-режимной необходимости» или о совпадениях в подобных ситуациях, но я в такие совпадения не верю.

Да и просто – лень. И «...не фиг сюда попадать!».

Конечно, любая кастовая система отвратительна, но тут необходимо отметить два фактора. Во-первых, как я описывал выше, заключенный, нарушивший «воровской закон» на одной из зон, в случае перевода в другую (и даже на пересылке) рискует стать жертвой. Таким образом, он оказывается идеальным объектом для шантажа со стороны администрации. Во-вторых, уважая чувства верующих, строго соблюдающих правила пищевых запретов, необходимо понимать, что традиции заключенных не менее «сакральны». И защищают они их не менее отчаянно, чем верующие – религиозные «табу». Поэтому, когда тюремная администрация хочет сломать этот негласный закон, она рискует столкнуться с бунтом «фундаменталистов».

О Льгове и не только...

Передачу «Человек и закон», вышедшую в эфир 23 марта 2006 года, сам я не смотрел. Но со слов тех, кто ее видел, картинка получается необычайная для подобного рода «заказух». Неблагодарные зеки, получая от администрации колонии все, что положено, тем не менее почему-то начали «беситься с жиру». Желая установить свою власть, они пошли на немислимый риск и жесточайшую конфронтацию с лагерным начальством. По мысли автора передачи, Алексея Пиманова, в этой колонии (ОХ-30/3, г. Льгов, Курской области) нашлось около трех сотен осужденных-отморозков. Настолько безбашенных, что, понимая всю провальность своей затеи (разве кто-нибудь еще со времен, например, Новочеркасских событий, сомневается, что наше государство гото-

во расправиться с любым проявлением более-менее организованного протеста), они не только смогли быстро сорганизоваться, но и продолжили «держат стойку» еще несколько дней. А большинство: Облаухов Игорь, Марченко Максим, Шатунов Алексей, Князев Виталий и другие, общим числом 300 зеков, – оказались «неадекватными» настолько, что посмели написать заявления о привлечении к уголовной ответственности своих мучителей и обратиться во всевозможные инстанции, в том числе к Уполномоченному по правам человека в РФ Владимиру Лукину. Российский омбудсман во всеуслышание заявил о правоте зеков, ставших жертвой провокаций и беспредела тюремной администрации.

Действительно, каким же это изуверством и фанатизмом надо обладать, чтобы настаивать и после подавления «бунта» на привлечении к суду тех, кто ночей не спит, заботясь о них, как о собственных детях? И чего ради?

Полагаю, что в эту версию не поверит самый отшибленный идеалист, мало-мальски знакомый с истинным отношением большинства «вертухаев» к зекам. И уж тем более никто не поверит, что матери, жены, деды и бабки заключенных приезжают в слезах, взволнованные известием об издевательствах над зеками, к воротам тюрем, получая за это мзду от воровских авторитетов. Мало у кого найдутся сомнения, с чего вдруг люди, написавшие заявления с требованием привлечь к уголовной ответственности «садистов в погонах» (цитата из одного письма), начали один за другим эти заявления забирать. На данный момент остался последний из могокан – Виталий Князев, которого избивали, жгли кипятком, отправили отбывать оставшийся срок аж в Комсомольск-на-Амуре, но заявление с требованием о привлечении к ответственности издевавшихся над ним он до сих пор не забрал...

И вот теперь авторитет России (и без того не очень большой) подвергнется очередному унижению, в Страсбурге...

Но что нашим властям обычная человеческая логика, когда у них давно уже есть своя? Безразмерная и лицемерная.

Законотворчество и сермяжная правда жизни

Когда читаешь некоторые российские уложения о наказаниях – диву даешься.

Вот, например, обязанности какого-нибудь дневального или дежурного по камере. Он должен и за сохранностью инвентаря следить, и за поддержанием порядка и чистоты в камере, и противопожарной безопасностью, докладывая об этом ежедневно тем, к кому он, по определению, не обязан хорошо относиться. А чтобы скрыть противоправ-

ный характер таких требований, воспитатели связывают наличие доклада с условием поддержания порядка или чистоты в камере. Прекрасно понимая, что первое от второго никак не зависит. Или обяывают выстраиваться в указанном администрацией месте, при передвижении держать руки за спиной, да многое что еще. Если хотя бы половину этих обязанностей зек будет выполнять, его можно будет к ордену представлять или, как минимум, отпускать домой по УДО как перевоспитавшегося еще до приговора суда. Я неоднократно на такие попытки меня «припахать» отвечал надзирателям: «Робяты, без вопросов. Одно маленькое «но» – то, что вы требуете от меня, это часть вашей работы. Тогда платите мне часть вашей зарплаты, и я буду помогать вам следить за порядком».

Вот еще один образчик «продвинутого» мышления. Пункт 2 параграфа 3 ПВР обяывает осужденных «...носить одежду установленного образца с нагрудными и нарукавными знаками». При этом «мудрые» законодатели, как всегда, не детализировали данное положение, в очередной раз дав возможность его произвольно толковать тюремным правоприменителям на местах. И нередко бывают ситуации, когда какой-нибудь начальник отряда (еще недавно – полуграмотный прапорщик) решает, что форма одежды – в любых случаях и всегда! – должна соответствовать установленному образцу. Обычная житейская логика здесь не берется в расчет как чуждая и враждебная. По убеждению такого гражданина начальника, и в быту, и в жилых помещениях зек также обяан быть одетым по форме. Ну а если он идет умываться или, простите, в туалет и поэтому одет не совсем по форме? А если одежда, выдаваемая зеку в одном экземпляре, сдается им в стирку и он переодевается в спортивный костюм (полученный или привезенный в официальном порядке), он автоматически становится нарушителем? В таком случае нарушителем неизбежно будет любой желающий соблюдать элементарную гигиену. Как произошло, например, с осужденным Александром Кузьминым чуть более полугода назад. Если же следовать этой заскорузлой логике, зеки и во время спортивных мероприятий, и в спортзале, и в комнате длительных свиданий должны пребывать в ватниках, застегнутых на все пуговицы и в кирзовых сапогах. Да и насколько целесообразна столь подробная детализация? Насколько сообразуется она со ст. 8 УИК РФ? Ведь никому не приходит в голову (слава Богу!) расписывать более подробно в ПВР, с какой стороны, к примеру, зек должен подходить к тазику в бане или какой рукой брать ложку в столовой.

Следующее противоречие. В ПВР, с одной стороны, декларируется возможность для осужденных «...распоряжаться личным временем, предусмотренным распорядком дня, не нарушая при этом установленных правил поведения... При осуществлении прав осужденных не должны нарушаться порядок и условия отбывания наказаний, а также ущемляться права и законные интересы других лиц». С другой, ПВР обязывает пользоваться телевизорами лишь в местах коллективного пользования, то есть в пэвээрке (комната политико-воспитательной работы), что не может не ограничивать права людей на получение информации или отдых. Очевидно для любого здравомыслящего – даже у двух людей может возникнуть несогласие (даже неприязнь или конфликт) при просмотре телеканалов и передач.

С одной стороны, осужденные могут общаться с другими сотоварищами по несчастью в локальном участке. С другой, им запрещено заходить в другие отряды, находящиеся в этой же локалке. Надо ли говорить, насколько подобная противоречивость и непродуманность ограничивает «права и законные интересы» находящихся за тюремным забором, а в конечном счете, озлобляет и нервирует их?

Для кого, скажем, в уголовно-исполнительном кодексе прописали такую хорошую статью, как отпуск с выездом к месту жительства? Понятно ведь – после первого же «невозвращенца» любой начальник будет игнорировать эту статью... Вот и создаются ведомственные инструкции, обязывающие, в частности, начальников колоний искать не вернувшихся беглецов за счет бюджета зоны. Таким образом, весьма гуманное и прогрессивное положение закона, направленное на социальную реабилитацию осужденных уже в тюрьме, оказывается мертворожденным. У любого «хозяина» своих проблем хватает и тратить деньги на командировочные для поиска беглецов он, конечно, не станет.

Вот еще одно из (многих) противоречий, существующих в уголовном законодательстве. Поступающие в «аквариумы» и изоляторы временного содержания граждане фактически лишены большинства законных прав подозреваемых и обвиняемых – при том, что многие из них являются всего лишь задержанными. Кормят их, как правило, раз в сутки, про матрасы, помывку в бане, радио, газеты – *«забудь, бесправное создание»* (любимое выражение одного мента по кличке Робеспьер). А камеры следственных изоляторов оборудованы унитазами, в них нормальное по сравнению с ИВС освещение, там водят регулярно в баню, да и кормят лучше. При поступлении же в колонию осужденному разрешается то, что было запрещено в СИЗО, – ношение часов, шнурков, содержание домашних животных и проч., и проч.

Иными словами, законодательно создается ситуация, при которой чем ближе человек к реальному лишению свободы, тем больше у него появляется прав.

Есть перлы и вовсе непонятные. Оказывается, ПВР СИЗО запрещают заключенным ремонтировать сантехнику или освещение без разрешения администрации. Так что если у кого-то засорится сливной бачок и при этом погаснет свет (а именно такая ситуация была у нас в камере душевой июльской ночью), то, следуя букве закона, он должен сидеть в темноте, вдыхать «ароматы», дожидаясь, пока «гражданин начальник» сможет придти. Учитывая то, что тюремщики постоянно жалуются (и небезосновательно) на недокомплект персонала, такие случаи не редкость. С одной стороны, закон стремится (хотя бы декларативно) воспитывать в зеках инициативность, стремление к порядку и чистоте, а с другой, – желает видеть в них тупое, аморфное быдло. Слава богу, не все зеки настолько законопослушны, и кое-кто из них даже помнит, что *«российские законы ужасны, единственное спасение – их не исполнять»*.

Некоторые же аспекты тюремного бытия и вовсе почти никак не закреплены на уровне федерального законодательства или же зафиксированы в нем крайне расплывчато и неконкретно. Вот и мучаются, к примеру, этапники, вынужденные вымалывать у конвойных в вагонестолыпине дополнительный вывод на оправку или кружку кипятку (а нередко и платить за то, что им положено), передвигаясь от вагона к автозаку, сквозь строй лающих овчарок, исключительно бегом, а то и на короточках. А в случае инфаркта или инсульта они могут рассчитывать (если конвой хороший) лишь на таблетку аспирина. Таким образом, заключенным приходится руководствоваться не нормами закона, но надеяться зачастую лишь на милость все того же «гражданина начальника».

Мифы и сказки

В тюремную субкультуру органически входит и тюремный фольклор.

Многие зеки свято верят в байку о том, что Президент РФ и патриарх Алексей II договорились и решили скинуть всем зекам по одному году (или одному дню – зависит от степени самокритичности рассказывающего) от срока. Понятно, что в сознании русского человека прочно затверждена вера в чудо и доброго батюшку царя... Я пытался разубедить, исходя из простой логики, что это блеф, самообман. Без особого успеха.

Многие убеждены, что можно реально уйти в побег, приделав к бензопиле винт. Попытки воззвать к памяти, вспомнить школьную физику ничего не давали. Не хотят люди верить в то, что и мощности двигателя не хватит, чтобы поднять человека в воздух хотя бы метров на пять, и конфигурацию винта нужно выверять и ковать по особой технологии, не говоря уж о том, что должен быть второй, стабилизирующий винт, уравновешивающий вращательное движение основного, несущего, чтобы человека не закрутило.

А чего стоит такая история: мумие, оказывается, получается после того, как младенца кладут в мед, и мед его (младенца) растворяет, превращаясь при этом, спустя много лет, в целебную мазь. Никого при этом не интересовали мои доводы о том, что любой белок, попав в такую сладкую среду, незамедлительно начнет по законам природы разлагаться и гнить... Ведь каждый из таких рассказчиков убежден (исходя из принципа – цель оправдывает средства) в целесообразности и человечности данной процедуры.

К чести лагерного люда надо сказать: несмотря на то, что все чаще на тюремных нарах начинают появляться несчастные поклонники РНЕ или скины, по-прежнему среди простых арестантов не существует религиозной или этнической неприязни.

Андрей В. Кудин.

Как выжить в тюрьме.

Спб.: Амфора, 2005. 317 с.

(Серия «Знаю как».)

«...Когда вы покупаете для заключенных продукты и вещи, пожалуйста, делайте это осмысленно, а не по принципу – лишь бы купить и отмахнуться. То, что на воле кажется абсолютно незначимым, может быть важным в тюремной камере, как, впрочем, и наоборот. Представьте себе хотя бы на миг, что это вы сидите за решеткой и на то, что вы купите, вам предстоит прожить ближайшие две недели до следующей передачи. Тем более что растянуть восемь килограммов на четырнадцать дней удастся далеко не всегда. Чаще всего переданных продуктов хватает на первые восемь-десять дней, затем приходится садиться на вынужденную диету. Хорошо, если все сокамерники регулярно получают передачи, а если нет? Ты ведь не станешь есть в одиночку (особенно в маленькой камере) в то время, когда друзья по несчастью с завистью будут смотреть на тебя голодными глазами. Я понимаю – ты никому ничем не обязан и никто не сможет заставить тебя отдать кому-либо то, что принадлежит только тебе. Однако ты наверняка поделишься с другими тем, что у тебя есть. Хотя бы из элементарной жалости к неимущим. Из человечности. Из неписаных законов тюремного братства, несмотря на то, что это уменьшит твой и без того скудный запас продуктов.

...Из числа выручающих в экстремальных ситуациях продуктов я бы, в первую очередь, назвал сухофрукты. Такие, как курага, изюм или чернослив, к примеру... Они не требуют какой-либо специальной обработки перед употреблением в пищу. Их удобно хранить, из них арестант может сварить компот, если, конечно, у него есть кипяtilьник и возможность вскипятить воду. Используя сухофрукты, можно приготовить различные целебные смеси на основе меда и лимонника, которые, если повезет, тюремщики иногда пропускают. Недостаток сухофруктов только в том, что они дорого стоят и не каждый может позволить себе их купить.

Обычно в передачу вкладывают сыр, орехи, одну или две упаковки масла, сухари, если позволяет вес – свежие овощи или фрукты. Мно-

гие арестанты заказывают родственникам сало и сухую колбасу, однако это уже вопрос личных пристрастий и привычек, принесенных в тюрьму со свободы. Одни люди любят одно, другие – другое.

Что касается меня, то вот уже несколько лет я не ем мясо и жалею, что не отказался от него раньше. И с физиологической, и с религиозной точек зрения употребление в пищу убитых животных ни к чему хорошему не приводит. Мой собственный опыт, как и опыт других людей, изучавших этот вопрос, окончательно убедил меня в правильности взглядов тех, кто рассматривает мясоедение как вредную генетическую привычку, приводящую к ускоренному изнашиванию и старению организма.

О свинине и вовсе разговор особый. Советую подумать как-нибудь на досуге, отчего многие религии мира категорически запрещали своим последователям употреблять в пищу свинину. Тем более что в тюрьме у нас свободного времени валом.

Ты только не подумай, что я собираюсь кого-то в чем-либо переубеждать. Не вижу ни малейшего смысла в том, чтобы вступать в спор и доказывать собственную точку зрения. Кому? Ради чего? Можно во всю глотку кричать о том, что вредно, а что нет, но до тех пор, пока человек сам этого не поймет, не почувствует внутренней потребности перестроить свой собственный организм, убеждать его – напрасная трата сил, энергии, времени.

Невозможно заставить кого-либо стать вегетарианцем насильно. Это, по меньшей мере, глупо. Вегетарианство – часть образа жизни, проявление в материальной жизни особого взгляда на мир. Если рядом с тобой в камере оказался человек, смотрящий на Вселенную по-иному, чем ты, поверь – не стоит лезть к нему в душу с расспросами, этим ты только оттолкнешь его от себя. Не навязывай ему те продукты, которые он, в силу определенных причин, не употребляет. Грубое, навязчивое поведение может быть расценено не иначе, как оскорбление. Если сосед по камере считает нужным – он поделится с тобой своими мыслями, если нет – это его право. В бытовых ситуациях многие люди, почувствовав дискомфорт, замыкаются в себе, отгораживаясь от назойливых и зачастую примитивных вопросов окружающих ничем не значащими фразами, переводя разговор на другую тему.

То, что я вегетарианец, всегда радовало моих сокамерников – им не было нужды делиться со мной салом и колбасой, но из вежливости предлагали всегда. «Поешь, хватит понты колотить. Выйдешь на свободу – будешь отказываться, а здесь условия особого рода», – убеждали меня сокамерники, зная, что в любом случае я откажусь, несмотря на то, что

(особенно в первое время) было достаточно тяжело. В тюремных условиях я еще более сузил и без того узкий круг принимаемых в пищу продуктов. Затем мой организм освоился, и я рад, что в первые месяцы заключения выдержал это, пусть и небольшое, но испытание.

В продуктовые передачи принято вкладывать растворимый кофе в пакетиках и обязательно чай. Одним больше нравится, когда передают чай россыпью в сто- или двухсотграммовых пачках – удобно заваривать крепкий чай и варить чифир. Другие предпочитают более цивилизованный вариант, когда различные сорта чая расфасованы в одноразовые пакетики. Одного такого пакетика вполне хватает на две кружки чая, а остывшие фруктовые чаи с удовольствием можно пить, как напиток. Собственно говоря, нечто подобное и продается в супермаркетах по ту сторону колючей проволоки.

В передачи часто вкладывают дешевую вермишель быстрого приготовления, судя по этикеткам, малопонятного вьетнамо-украинского происхождения. Готовить ее легко и удобно – залил горячей водой, подождал, пока вермишель набухнет, вобрав в себя воду, и жуй себе потихонечку, ворочай челюстями. Тем более что есть ее действительно можно. Особенно в тех случаях, когда ничего лучшего поблизости нет. Правда, после того как регулярно поешь ее какое-то время, начинаешь понимать, какая это, в сущности, гадость.

Вне зависимости от того, курит арестант или нет, ему передают блок или два дешевых сигарет, по возможности с фильтром. В тюрьме сигареты выполняют роль денег. За несколько сигарет с тюремщиком можно договориться погулять в тюремном дворике размером на пару метров больше положенного и несколько дольше обычного. За сигареты можно договориться с сокамерником, чтобы он постирал твои грязные вещи, заплатить ему за какую-то вещь или услугу. Сигаретами можно поделиться с приятелями, но раздавать их налево-направо не принято – тебя не поймут.

Вышесказанное вовсе не означает, что в камере нет денег. У многих на крайний случай всегда припрятана как минимум двадцатка долларов, однако никто, включая наиболее тупых пассажиров с явными признаками болезни Дауна на лице, не станут афишировать это. Если во время обыска найдут деньги, появится, прямо скажем, реальный шанс остаться без почек и провести ближайшие дни в местном карцере. Наличие у заключенных денег, часов, ножниц, одеколona и много чего еще рассматривается за решеткой как грубейшее нарушение тюремного режима, а любое нарушение влечет за собой наказание. Там, на свободе, среднестатистические граждане планеты Земля вряд ли

могут себе представить, что за такие привычные в быту мелочи могут не задумываясь покалечить, дабы другим неповадно было.

За решеткой особый мир. В тюремных камерах нет ни плиты, ни микроволновки, ни многого другого, что мы привыкли видеть дома на кухне. Время от времени заключенные пытаются соорудить некоторое подобие плиты в виде изогнутой спирали, сделанной из разобранного кипятильника. На какое-то время сие дитя тюремной фантазии облегчает процесс приготовления пищи, пока добровольно не перегорает или принудительно не изымается во время обыска, потому как из электроприборов тюремное начальство нормально воспринимает только кипятильник – вещь незаменимую в тюремном быту. При помощи кипятильника варят невозможные супы и каши в тюремной шлемке или тромбоне.

Процедура приготовления горячей пищи не отличается особой сложностью – в вышеназванную тюремную посуду заливается вода, засыпается что кому надо, туда же вставляется кипятильник – и содержимое, предварительно доведенное до кипения, варится нужное время. Процесс несложный и в некотором смысле коллективный, учитывая тот факт, что в камере розетка одна, а кушать или чайку попить хочется всем. Вот и торчит из розетки бесчисленное количество оголенных проводов. Арестанты толпятся вокруг них круглые сутки, наступая друг другу на ноги и периодически подпрыгивая от ударов тока. Тюремщики все видят, все понимают и по-прежнему упрямо запрещают передавать заключенным с воли тройники и удлинители. Арестанты, в свою очередь, упрямо проносят в камеры эти самые тройники и удлинители, добытые нелегальным путем в обход тюремных запретов.

По складу характера тюремщики – весьма любознательные существа. Их хлебом не корми – дай порыться в вонючих тюремных шмотках. Во время бесчисленных обысков (иногда по несколько раз на день) надзиратели проявляют недюжинную изобретательность, стремясь найти и отобрать у заключенных понравившиеся им предметы. Арестанты напрягают фантазию, как бы все получше спрятать (такое впечатление, словно из заключенных готовят профессиональных разведчиков для заброски на вражескую территорию). Вот так, в страстях и хлопотах, и протекает тюремная жизнь – одни ищут, другие прячут. Одним словом, все при деле».

Александр Сидоров

Фраер – это звучит гордо

Рождение русского фраера

Вообще-то, словечко *фраер* (*фрайер*) заимствовано уголовниками из немецкого языка через посредство местечкового идиша примерно в конце XIX – начале XX веков. В криминальном мире тогдашней России было значительное количество евреев. Не случайно одним из центров преступного мира считалась Одесса («Одесса-мама», как говаривали босяки), где значительную часть населения составляли евреи. Немецкое «*Freier*» значит «жених». Первоначально так проститутки и бандерши называли своих клиентов, посетителей борделей. Позднее уркаганы стали звать фраерами потенциальных жертв презентабельного вида, модно и стильно одетых, людей, далеких от преступного мира, простачков. Отсюда и *фраернуться* – попасть впросак, а также *прифраериться* – шикарно одеться.

Существовал также и криминальный «промысел», где жертва тоже называлась «фраером». Это определение подходило как нельзя лучше. Мы говорим о так называемом «*ху'песе*» (обрусевшее «*хипеш*», «*хипиш*»). Родился этот помысел в Одессе и заключался в следующем: молодая симпатичная женщина-*ху'песница* (чаще всего – проститутка) завлекала жертву-фраера на съемную квартиру якобы для занятий любовью. В самый ответственный момент, когда «любовник» находился negliже, в комнату с праведным гневом врывается разъяренный «муж». Дальше разыгрывался спектакль, целью которого было выпотрошить кошелек незадачливого простачка, будучи при этом уверенными, что он не обратится в полицию. Кстати, чаще всего *ху'песник* и *хипесница* формально действительно состояли в гражданском браке (на всякий случай)... «Хипес» происходит от еврейского «*хипэ*»: так на одесском идише назывался свадебный балдахин (на иврите – «*хупа*») или сама по себе свадьба. Во время еврейского обряда свадьбы под «*хипэ*» стояли вместе жених с невестой.

Популярность слово обрело в дореволюционной России XX века. Существовала даже забавная присказка:

Если фраер при цепочке,
Значит, фраер при «боках».

«Бока», «бочата» – так долгое время в уголовном мире России назывались часы. Присказка эта – переделка известной в свое время народной частушки про барина, которую, в частности, приводит Дмитрий Мережковский в очерке «Зимние радуги»:

Петербург все еще не европейский город, а какая-то каменная чухонская деревня. Ежели он и похож на город иностранный, то разве в том смысле, как лакей Смердяков «похож на самого благородного иностранца». Как в частушке поется:

*Если барин при цепочке,
Это значит – без часов.
Если барин при галошах,
Это значит – без сапог.*

Смысл народной частушки, таким образом, противоположен уголовному, но связь присказок про барина и фраера очевидна.

Можно вспомнить и другую известнейшую поговорку тех времен, которая дожила до сего дня и перешла в разговорную речь – **«Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал»**, то есть недолго длились счастливые деньки, все хорошее быстро кончается.

Народной стала и другая старая мудрость босяков еще дореволюционного времени – **«Бог – не фраер, он все видит»**: справедливость все равно когда-нибудь восторжествует, можно обмануть человека, но не Господа. Впрочем, почему «стала народной»? Уголовный мир вернул народу плод его же, народа, творчества. Ведь уркаганская сентенция о всевидящем Боге – не более чем переделка фольклорного малороссийского *«Бог не теля': усе бачить виттеля'»* («Бог – не теленок: все оттуда видит»).

Фраерский ГУЛАГ

После революции мир уголовников сохранил в своем лексиконе меткое словечко, но уже преимущественно только в значениях «богатая жертва», «простак», «лопух». Однако особый расцвет «фраеру» выпал в условиях сталинских лагерей. Здесь это слово не сходило с уст блатарей и вообще «сидельцев». В ГУЛАГе у слова появилось еще одно значение: так называли эзков, не имеющих отношения к профессиональному преступному миру – бытовиков и «политиков». Кликали их также и «рогатыми» прозвищами – **«олени», «черти»**.

– Тогда в лагерях еще не было слова «мужик», они назывались «фраера», «черти», – вспоминал в одном из интервью арестант гулаговских времен Лев Крапивницкий.

К тому же периоду относится и известная воровская поговорка – **«Фраера вы, фраера, по-блатному – черти».**

Фраера не считались среди уркаганов за людей. Ради справедливости надо заметить, что в определенной мере сами фраера способствовали такому отношению к себе. Люди, далекие от уголовного мира, не знающие законов тюрьмы, попадая в места лишения свободы, чаще всего держались за свой кусок, **сидор, кешар** (узлы, мешки с харчем и барахлом). Они не желали делиться ни с кем, кроме таких же, как они. Это и понятно: среди фраеров было огромное количество представителей партсовноменклатуры, которые считали себя незаконно осужденными и старались держаться подальше от «уголовного сброда». То же самое старые блатари говорили и о прижимистых крестьянах, особенно с Западной Украины, так называемых «бандеровцах». Блатной мир остро реагировал на такое поведение фраеров, жестоко спрашивая с них. Те же арестанты, которые не жадничали, находя общий язык с уголовниками и делясь с ними без напоминаний (как бы соблюдая «арестантские законы»), жили в лагерях без особых проблем с ворами. Возникло в блатном сообществе и негативное сравнение **«как жадный фраер».** А также чрезвычайно популярная до сих пор в народе поговорка – **«жадность фраера губит».** Вернее сказать, именно так говорят за «колючкой». Помните, у Сергея Довлатова в «Зоне»: *– Жадность фраера губит, – замечает валютчик Белуга.*

На воле эта поговорка звучит несколько иначе – **«жадность фраера сгубила».** Но смысл тот же.

Различались, впрочем, **битые, порченые** фраера: те, кто не принадлежит к блатному сообществу, но отлично знает уголовные и арестантские законы, умеет за себя постоять, не дает себя в обиду, имеет неплохие связи среди уркаганов. Таких блатари уважали, а порой даже побаивались. Но в основном все шло строго по блатной поговорке – **«вор ворует, фраер пашет»...**

Так продолжалось до **«сучьей войны».** Об этой войне (или войнах) рассказано довольно много. Коротко говоря, так характеризуются период с 1947 по примерно 1953 год, когда в прежде монолитном воровском мире произошел раскол. Причиной послужило то, что во время Великой Отечественной войны многие блатари ушли на фронт, в состав штрафных подразделений (рот и батальонов), чтобы «смыть свою вину кровью». Надо, впрочем, заметить, что такой патриотизм

появился в воровском мире уже ближе к концу войны, когда советские войска перешли в решительное контрнаступление и победа СССР над фашистской Германией стала очевидной. В уркаганском мире появился соблазн прорваться в Европу со штыками и хорошенько там поднажиться. Хотя, справедливости ради, скажем, что дрались блатные отчаянно и жизни своей не жалели.

Между тем после окончания войны блатари-фронтвики, не привыкшие к честной жизни на свободе, стали снова попадать в лагеря. А «воровской закон» категорически запрещает брать оружие из рук власти. Посему бывшие приятели воинов-героев сразу указали им: «Вы теперь, ребята, фраера. Кайло в руки – и пахать!». Разумеется, вору, прошедшему фронт, с этим не согласились.

Вторая причина не менее серьезна. «Сучья война» прямо связана с появлением указа от 4 июня 1947 года – указа «четыре шестых». Впрочем, будем точными: таких указов было целых два: Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении охраны личной собственности граждан» и Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Согласно этим правовым актам, сроки для прежде «социально близких» профессиональных уголовников резко повышались и доходили фактически до 20–25 лет (для рецидивистов, коими являлось подавляющее число блатных, предусматривались именно такие сроки). В результате часть «честных воров» из тех, кто не воевал, выступила за сотрудничество с администрацией (можно корчить из себя «духовитого», когда дают два-три года, а «отбить четвертак», то есть отсидеть в лагере 25 лет, – это нечто другое) с тем, чтобы усилить свою власть и занять «престижные» должности (хлеборезов, бригадиров, нормировщиков и т. д., то есть всех тех, кто назывался в ГУЛАГе «придурками»). Но сотрудничество с «ментами», равно как и работа на должностях «придуков», по воровскому закону считалось недопустимыми.

Таким образом, урки-фронтвики и сторонники сближения с «ментами» объединились. Их стали называть «суками», то есть предателями «воровской идеи». «Суки» и «честные вору» принялись резать друг друга. В этой резне «фраера» и «мужики» (работяги) склонны были поддержать «честных воров», поскольку «суки» были совершенно без «понятий» и творили абсолютный «беспредел», в том числе и по отношению к фраерскому миру.

Но так продолжалось до тех пор, пока в 1948 году всех осужденных по «политической» 58-й статье не стали изолировать в специально созданные Особлаги – систему лагерей с особо строгим режимом.

Здесь «политики» постепенно организовались в реальную силу. Этому способствовало и то, что в фряерскую массу после войны влились потоки бывших военных: пленных из фашистских концлагерей, бойцов и офицеров Советской Армии, бандеровцев, власовцев и проч. В Особлагах, а также постепенно и в других лагерях (особенно после 1953 года), эти фряера стали давать жестокий отпор блатным. Они терпели до какого-то определенного предела, а потом вставали на дыбы. Это касалось не только отношений с профессиональными преступниками. В послевоенных лагерях, набитых людьми, имевшими опыт боевых действий, обращения с оружием, рукопашного боя, партизанской войны, резко подскочило количество дерзких побегов с завладением оружием, убийством часовых. Были попытки массовых выступлений, восстаний и т. д. «Политикам» с их 25-летними сроками наказания зачастую терять было нечего.

У мужиков-«бытовиков» положение было несколько иное, и, если им создавали относительно нормальные условия работы, они тихо тянули лямку, отбывали срок. Именно в это время появилась в блатном мире поговорка *«сытый мужик лучше голодного фряера»*. Но блатари ошиблись: в середине 50-х, когда в лагерях был ослаблен режим, когда работу стали оплачивать так же, как на воле, когда в «зонах» появились коммерческие ларьки, «мужики» тоже встали на дыбы, не желая отдавать воровскому миру большую часть заработанных денег. Вспыхнули так называемые «мужицкие войны»: работяги резали и забивали воровскую «масть».

«Сучьи» и «мужицкие» войны заставили воров понять: нельзя беспрдельно издеваться над всеми этими «мужиками», «оленьями», «штымпамми», «чертями» и т. д. Нельзя безнаказанно их унижать, грабить, «дербанить» их «сидоры», «кешари» и «баулы». Именно в простом арестанте надо искать своего союзника. Именно в умы рядовых «сидельцев» следует вдалбливать «идеи» о том, что «воровской» мир строг, но справедлив, что вор никогда не обидит «честного арестанта», не позволит сделать этого и другим, защитит от «беспредела». А если подобное произошло – жестоко накажет виновного. Надо, чтобы «мужик» сам принес тебе то, что до этого ты у него вымогал.

До «сучьих войн» даже мысли об этом не было. «Фряер» существовал для того, чтобы кормить «блатного» и «пахать» на него. «Блатной» мог делать с «фряером», что захочет, – вот основное правило довоенного «босяцкого» лагерного сообщества.

Теперь же все стало постепенно поворачиваться по-иному. Тонко и умно. Теперь «вор в законе» провозгласил себя радетелем за арестантское благо, защитником и покровителем «сидельца». Простой зэк

стал замечать что-то странное. Там у старика здоровые «лбы» отняли передачу – и вот уже на глазах у всех арестантов по приказу «вора» «беспредельщиков» забивают ломami. В камере наглые «урки» издевались над слабым, не умеющим постоять за себя интеллигентом. По приходе в лагерь им отрезали головы. Но заодно выяснили, кто сидел с ними в одной «хате», и зверски надругались над всеми – чтобы неподвадно было молча наблюдать за «беспределом». Еще: вору сообщили, что у одного из «мужиков» умерла жена и на воле сиротами осталось двое малолетних детей. Через некоторое время «мужик» узнает, что его ребят одели, обули, «подогнали» немного денег на первое время... Это не пустые байки – так действительно случилось.

Конечно, подобных случаев показательного благородства было не так уж много. И все они рассчитаны на театральный эффект, передавались из уст в уста, обрастали удивительными подробностями... Но мощная, хитроумная пропаганда давала свои результаты. Они ощутимы и по сей день. И сейчас в «зоне» «мужик» в трудную минуту скорее обратится за помощью к «вору», «смотрящему», «положенцу», а не к администрации. Ему помогут далеко не всегда. Однако внимательно выслушают и скажут пару нужных слов. Добрых. Сочувственных. Особо «оборзевшего» «баклана», притесняющего арестантов, быстро «обломают». А уж если помогут «пассажиру» – об этом будет знать вся зона, и за зоной, и родственники, и знакомые.

«Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»: фраера «в законе»

В 60-е – 70-е годы «воровское» движение начинает проповедовать откровенно антисоветскую идеологию. Вспомним, что 30 – 40-е годы проходили под знаком «социальной близости» блатного мира и советской власти. Однако уже в начале 50-х в лагерях особого назначения вору и их подручные после разборок с «битыми фраерами» несколько меняют тактику. Они поддерживают забастовки и восстания «политиков», выступая с ними единым фронтом.

С конца 50-х начинается период «развода» профессиональных преступников и официальных властей. После провозглашения курса на полное искоренение преступности государство перестало считать уголовников «социально близкими». И они ответили взаимностью. С этого времени «воровской закон», арестантские «правила» и «понятия» становятся открыто антикоммунистическими. «Коммуняки» наряду с «мусорами» выдвигаются в первые ряды врагов «благородного преступного мира».

Всякий человек, открыто или тайно выступающий против советского тоталитарного режима, становится личностью, уважаемой в во-

ровском мире. С этого времени слово «политик» приобретает в уголовной среде положительный смысл, служит одобрительной характеристикой. В середине 60-х, когда власть развернула борьбу против диссидентов и стала бросать их в лагеря после показательных процессов, она все еще не понимала перемены в настроениях уголовников, по старинке считая, что те бросаются творить расправу с «антисоветчиками». Но выходило все с точностью до наоборот: «политиков» встречали с распростертыми объятиями, они становились здесь одними из самых уважаемых людей, к их словам и советам прислушивались... Тюремь и колонии стали настоящими школами антисоветского воспитания народа, университетами и академиями антикоммунизма.

Шаламов, Снегов, Гинзбург, Разгон, Фоменко, Солженицын, сотни и тысячи узников сталинского ГУЛАГа в своих мемуарах единодушно подчеркивают негативное отношение тогдашних «блатных» к «контрикам». Однако в 60-е и далее картина вырисовывается совершенно противоположная. Для иллюстрации обратимся к автобиографическому роману Андрея Донатовича Синявского «Спокойной ночи!». Напомним, что Синявский с 1959 года передавал часть своих произведений на Запад, где они печатались под псевдонимом Абрам Терц. 8 сентября 1965 года Синявский со своим другом Юлием Даниэлем был арестован. Позже, после громкого политического процесса, они были приговорены к длительным срокам наказания: Синявский – к семи годам лишения свободы, Даниэль – к пяти. И вот «Абрашка Терц» направляется этапом в Потьму, в мордовские лагеря. Далее предоставим слово ему самому:

Смотрю, проталкиваются трое. Судя по всему, – из серьезных. Независимо. Раскидывая взглядом толпу, которая раздается как веер, хотя некуда тесниться.

– Вы из Лефортова?

– Из Лефортова.

– А вы в Лефортове, случайно, Даниэля, или, там, Синявского не видали?

– Видал. Я – Синявский...

Стою, опираясь на ноги, жду удара. И происходит неладное. Вместо того, чтобы бить, обнимают, жмут руки. Кто-то орет: «Качать Синявского!» И заткнулся: «Молчи, падашь! Нашел время...»

<...> Народ грамотный, толковый. Рецидивисты. У одного четыре судимости. У другого – пять. Я один – интеллигент, «политик». Послезавтра, говорят, нас развезут, кого куда, по ветке, по лагпунктам... И мы уже не встретимся, не пересечемся. Политических с некоторых пор отделяют от уголовных. Чтобы не слилась, очевидно, вра-

*жеская агитация с естественной народной волной. Боятся идеи? За-
разы? Им виднее. У них позади – революция. Но куда еще идейнее, ак-
тивнее добрых моих уголовников и кто из нас тут, не пойму, опасный
агитатор? <...>*

Такая картина братания, взаимопонимания уголовников и «поли-
тиков» характерна и для советской эпохи последующих десятилетий.
Обратимся к свидетельствам Владимира Буковского, известного дис-
сидента, правозащитника, неоднократно репрессированного, получив-
шего в 1972 году семь лет лишения свободы с «довеском» – пять лет
ссылки. В декабре 1976 года Буковского обменяли на лидера чилий-
ских коммунистов Луиса Корвалана. Это событие тут же вошло в фоль-
клор, причем народ причислил диссидента к уголовникам:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.
Где бы взять такую блядь,
Чтоб на Брежнева сменять?!

В автобиографической книге «И возвращается ветер...» Буков-
ский пишет:

*Надо сказать, что отношение к нам уголовников тоже стало совер-
шенно иное. Рассказывают, что еще лет 20 назад называли они наше-
го брата не иначе как фашистами, грабили на этапе и по пересылкам,
угнетали в лагерях и так далее. Теперь же вот эти самые уголовники
добровольно помогли таскать на этапах мои мешки с книгами, дели-
лись куревом и едой. Просили рассказать, за что мы сидим, чего добыва-
емся, с любопытством читали мой приговор и только одному не могли
поверить – что все это мы бесплатно делаем, не за деньги. Очень их
поражало, что вот так, запросто, сознательно и бескорыстно люди
идут в тюрьму. Во Владимирской тюрьме отношения у нас с ними сло-
жились самые добрососедские: постоянно обращались они к нам с воп-
росами, за советами, а то и за помощью. Мы были высшими судьями во
всех их спорах, помогли им писать жалобы, разъясняли законы и уж,
разумеется, бесконечно расспрашивали они нас о политике.*

*В тюрьме хочешь – не хочешь, а даже уголовники читают газеты,
слушают местное радио и, может быть, впервые в жизни задумыва-
ются: отчего же так скверно жизнь устроена в Советском Союзе?
Подавляющее их большинство настроено резко антисоветски, а сло-
во «коммунист» – чуть ли не ругательство.*

Буковский абсолютно прав. Более того: ругательством считалось и
считается в «блатном» мире не только слово «коммунист», «коммуняка».
Пренебрежительно-презрительный оттенок появился в эти годы и у сло-

ва «комсомолец». Так называют в арестантском мире эзков, которые стремятся добросовестно следовать указаниям начальства, выполнять все требования режима, правила внутреннего распорядка, проявляют инициативу... «Комсомольцами» также называют уголовники людей простодушных, которых легко обмануть, которыми легко помыкать...

– Слышишь, ты меня, что, за комсомольца держишь?! – может резко бросить один уголовник другому, если тот обратится с просьбой принести ему что-то или куда-то сходить. Или при «шпилеве» (игре «под интерес»), когда игрок неудачно «исполняет вольт» (то есть шулерский прием), его противник может бросить:

– Братэлла, не ищи на «катране» комсомольцев! Я что, похож на Павку Корчагина?

(«Катран» – место для азартных игр.)

И даже слово «пионер» звучит на жаргоне издевательски, обозначая мелкого, незначущего человечка, готового на любые услуги (часто прозывают «пионэр»). Обращение вроде «Сбегай по-пионерски!» может легко быть воспринято как оскорбление именно из-за определения.

Именно в 60-е годы в уголовном мире возникает активное неприятие **красного цвета** как символа ненавистной власти. Поначалу уголовники даже могли не выйти на свидание к жене или матери только потому, что она приехала в платье красного цвета; не брали в посылках еду или предметы первой необходимости в красной упаковке и т. д. (очень быстро, впрочем, эти запреты на «взросляке» отмирают, но еще долго продолжают существовать в колониях для несовершеннолетних преступников – на «малолетке»).

В жаргоне появляется определение помощников администрации из числа арестантов – «красные». Этот эпитет стал равноценен таким, как «сука», «козел», «лохмач»... «Зоны» начинают разделяться на «красные» и «черные» (как во время «сучьей войны» – на «сучьи» и «воровские»). «Красными» зонами уголовный мир называет те, где главенствует администрация и члены самодетельных организаций осужденных; «черными» – где действуют арестантские «понятия» и «воровской закон».

В 60–70-е «уркаганы» начинают наносить себе антикоммунистические накладки, открыто бравирова этим! Во время «воровских ломок» чрезвычайно популярной становится накладка «Раб КПСС», демонстративно наносимая «урками» на лоб или на веки.

Администрация мест лишения свободы жестоко боролась с этим, заставляя врачей без наркоза вырезать надпись и сшивать строптивцам кожу на лбу. Татуировались также надписи типа «Лучше иметь

дочку-блядь, чем сына – коммуниста», «Хороший коммунист – мертвый коммунист», «Верь не в коммунизм, а в Бога» и проч.

Распространилась мода на татуировки с фашистской символикой: свастикой, Железным крестом, эсэсовскими «молниями», надписями «Gott mit uns» («С нами Бог») и «Jedem das seine» («Каждому – свое» – надпись над воротами Бухенвальда). Таким образом «блатной» мир бросал вызов официальной идеологии...

Антикоммунист, диссидент, шпион – эти люди стали своего рода героями уголовного мира. Натан Щаранский, нынешний министр труда Израиля, а в 70-е – известный лидер сионизма в СССР, вспоминает, как на этапе его случайно или намеренно втолкнули в «столыпине» к уголовникам:

Решетка сзади захлопывается, я притиснут к ней обозленными людьми. Ситуация не из приятных, и я говорю:

– Извините, ребята, так много места занимаю...

– Кто такой? Статья? – раздается чей-то требовательный голос.

– Щаранский. Шестьдесят четвертая.

– Ну-у! Так это о тебе все дни по радио говорят?

– Наверно.

– Политик! Шпион! – В этих возгласах – смесь удивления и восхищения.

– Да я всю жизнь мечтал с таким потолковать! – кричит кто-то с верхней полки, видать, пахан. – А ну дайте политику поудобней устроиться! («Не убоюсь зла».)

Подобные свидетельства можно приводить еще долго. Их достаточно, чтобы сделать вывод о том, что тезис о «невмешательстве в политику», который был одним из ведущих в старом «воровском законе», был заменен противостоянием «черной» («воровской») и «красной» («ментовской») «идей».

Итак, с начала 60-х профессиональные уголовники становятся ярыми антикоммунистами. С другой стороны, и власть использует «блатную карту» в своих интересах, нередко навязывая обывателю представление о том, что любые выступления против официальной линии – дело либо ненормальных людей, либо негодяев, работающих на иностранные разведки, либо «блатных». Шпионы и «уркаганы» официальной пропагандой часто подаются как идейные соратники, «близнецы-братья». Эта линия проводится и в искусстве: например, в детективе «Дело пестрых» агент зарубежной разведки обращается за помощью к уголовному «пахану»; позже в сериале «Ошибка резидента», «Судь-

ба резидента», «Возвращение Бекаса» сотрудник КГБ втирается в доверие к иностранному шпиону под видом уголовного Бекаса и т. д.

Массовые политические выступления тоже подавались под видом «общеуголовных». Например, новочеркасские события 1962 года, когда рабочие, студенты и другие жители города выступили с экономическими требованиями и критикой власти, а затем были расстреляны и разогнаны при помощи танков и подразделений МВД и армии, преподносились как «беспорядки, спровоцированные уголовниками». Автору этой книги приходилось беседовать в начале 80-х годов с некоторыми милицейскими чинами, имевшими отношение к подавлению новочеркасского восстания. Они совершенно серьезно пытались доказать, что в 1962 году в Новочеркасске «бунтовали» хулиганы и бандиты, а рабочие чуть ли не сидели по домам!

В общем, в результате государство и уголовники стали настолько «социально далекими», что ни о каком сближении и взаимопонимании (как это было в 30–40-е годы) не могло быть и речи.

Фраер становится «благородным разбойником»

В тот же период испытывавший серьезные удары судьбы «воровской» мир ищет новые методы работы, разрабатывает несколько измененную идеологию. Ему нужны новые легионеры, молодое пополнение. Причем теперь, в отличие от прошлого, «воры» и их подручные проповедуют «демократизм» и «широту взглядов». Первоначальная «идея» воровского мира была основана на том, что «блатные», «законники» – единственные люди, достойные уважения. По отношению друг к другу они используют самые святые принципы. Зато все остальные («штымы», «фраера», «олени» и пр.) – не более чем жертвы, не достойные ни сострадания, ни сожаления. С ними «блатной» волен поступать как угодно. «Фраер – это такое животное», – говорили «блатари».

Однако уже в 70-е портрет «идейного» уголовного вырисовывается несколько иной. Чем выше по рангу, «авторитетнее» преступник, тем сдержаннее, спокойнее, даже культурнее ведет он себя по отношению к людям, не принадлежащим к уголовному миру. Более того: он не подчеркивает своего антагонизма по отношению к законопослушным гражданам. Наоборот, часто старается выступить их защитником от беспредела, человеком, который печется о справедливости... «Честные воры» на первое место стали выдвигать идеи «защиты справедливости», «братства честных арестантов», во главе которого стоят «честные воры». Именно они пекутся о том, чтобы каждый «достойный сиделец» без помех, спокойно «отмотал» свой срок, не

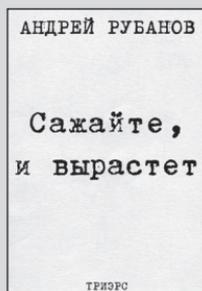
нарушая «вековых традиций» тюремно-лагерной жизни. Выковывался образ «вора – страдальца за народное дело», справедливого и мудрого человека, готового отстаивать «идею» и защищать арестантов.

– Кто такой настоящий вор? – терпеливо разъясняли «идеологи» воровского движения. – Им по благу не станешь. Вор свое звание выстрадал. Он полжизни по этапам плавал, страдал за братву, чахотку по тюрьмам зарабатывал... Он крест на шею надел. Знаешь, почему в вору крестят? Потому что он за всех арестантов крест несет! Если суки беспредельничают или, к примеру, менты на зоне несправедливость творят, то мужик может промолчать или в уголке отсидеться, а вор обязан за арестанта голос поднять! Вору скрываться по масти не положено. Он, как на зону входит, сразу объявляется! И народ знает: если это – вор, то в лагерях порядок будет! И любой спор между сидельцами он справедливо решит. Воры – это святые люди.

Созданию этого образа содействовали сами власти, работники исправительно-трудовой системы. «Воры» действительно страдали, действительно помогали арестантам (небескорыстно, львиную долю оставляя себе, паразитируя на «мужике» – но помогали!, – создав при этом «теневую экономику» и «теневое государство» внутри лагерной системы). «Законники» стали постепенно вновь негласными хозяевами зон. Иногда непосредственно, но чаще через своих «положенцев», «смотрящих» – арестантов, отвечающих за состояние дел в той или иной колонии или тюрьме.

Изменения «понятий» коснулись и аргю. Ближе к 80-м в жаргоне изменяется значение слова «фраер». Теперь «фраерами» стали называть преступников и осужденных *из числа профессиональных уголовников!* И в настоящее время «фраер» – это рядовой, пехотинец уголовного мира, его, так сказать, «вольный стрелок». «Козырный фраер», «честный фраер» – это вообще авторитетный уголовник, близкий к «ворам». Таким образом «воровское» сообщество как бы пыталось стереть резкую границу между «фраерским» и преступным миром. Кроме того, не следует забывать, что и диссиденты, «политики», «шпионы» – люди, заслужившие с начала 60-х уважение и почет в «воровском» мире – принадлежали к «фраерскому» сословию. А они зарекомендовали себя как «духовитые», то есть люди с характером, волей, куражом – теми качествами, которые ценятся в «босяцком» кругу.

Слово «фраер» завоевало достойные позиции в уголовном мире. Для обозначения простачка остались такие слова, как «штемп» («штымп»), «лох», «фуцан» и т. д. Фраера же нынче – это «благородные разбойники».

Андрей Рубанов.

Сажайте, и вырастет.

Роман. М.: ООО «ТРИЭРС», 2005. 422 с.

Дверь машины со скрипом отошла в сторону.

Я спрыгнул на бурый асфальт, усеянный многими темными пятнами плевков.

Справа и слева, совсем близко от меня, уходили вверх облупившиеся стены. Я втянул ноздрями воздух и уловил в нем влагу. Где-то неподалеку находилась река или другой водоем.

Внезапно прямо над моей головой кто-то страшно заорал, свирепо надсаживаясь, молодым звонким голосом:

– Один!!! Один!!! Девять!!!

Я повернулся вправо и влево, но никого не обнаружил. Только стены, только проемы в этих стенах, закрытые системой частых параллельных металлических полос.

– Один!!! Один!!! Девять!!!

– Говори! – донеслось издалека.

– Браток!!! Поинтересуйся!!! У Митюхи!!! Седого!!! – Тут невидимый хрипун закашлялся от усердия и натуги. – У Митюхи!!! Седого!!! Груз!!! Дома?!!

Через несколько секунд прибыл глухой ответ:

– Дома-дома, браток!!! Дома-дома!!! Как понял?!!

– Понял-понял!!! Пойдем пока!!!

Меня грубо толкнули в спину.

– Заслушался?

Некто в грязном хаки, кривоногий, черноволосый и рябой, ростом не более метра шестидесяти, показал мне резиновую палку и осклабился, обнажая мелкие коричневые зубы:

– Проходи, – велел он, кивнув на дверь в серой стене.

Внезапно из-под моего языка ушла вся слюна. Разлепив губы, я прохрипел:

– Слышь, старший! Где я? Что это за место?

– Нормальное место! – кадавр ослабился вторично. – Лучшее на свете! Вперед шагай!

– Где я? Куда попал? – настаивал я, подхватывая свои мешки.

– «Матросская тишина»¹

Между прочим, это прозвучало гордо, со щегольским апломбом, как будто речь шла о гольф-клубе.

Я вошел. В нос ударили резкие запахи мочи и казармы. В тусклом электрическом свете я обозрел ободранные стены и желтый кафель пола. Кадавр интенсивно топал сзади.

После обязательной процедуры с выяснением моей фамилии, имени, отчества и года рождения, а также статей обвинения, я очутился в отделении для шмона, где мною занялся второй кадавр – одетый более чисто. Облокотившись на обитый жестью стол, он вяло поковырялся в моем бауле, вытащил сигаретные блоки и посоветовал:

– Сигареты из пачек – вытащить!

Затем показал мне пример: ловко обезглавил одну из картонных коробочек и одним точным движением изъясил все двадцать сигарет. Рассыпал их по столу.

– Соберешь в пакет. Пачки – нельзя.

– Понял, – ответил я мрачно.

– Из «Лефоротово»?

Я кивнул.

– Давно сидишь?

– Восемь месяцев.

– Не срок, – констатировал кадавр № 2. – Хрен с тобой. Пошли. Живей, живей!

Что характерно: мой задний проход не был изучен. Это не страшный Лефортовский замок, сразу уяснил я. Тут нравы явно попроще. Тут не смотрят в задний проход.

Оказавшись в анфиладе помещений, покрашенных жидким свечением пыльных ламп, с ноздреватыми, в цементной шубе, стенами, я понял, что дом, где очутился, сам по себе есть задний проход, анус цивилизации. И запахи соответствуют, и шумы. Вся природа темно-зеленых коридоров и комнат, грязных, сырых, полутемных, заблеваных, засыпанных хлоркой, гудящих матерными окриками и топотом сапожищ, кричала о том, что именно здесь гражданское общество испражняет себя, исторгает прочь человеческие отходы.

Ныне, стало быть, оно испражнялось мною. Деловито и не без юмора. Проталкивая меня все дальше и дальше по своим кишкам.

Дойдя до конца первой из них, я вслед за конвоиром повернул налево, поднялся вверх по лестнице – широкой, словно в Университете имени Ломоносова, – на второй этаж. Здесь оказалась вторая кишка, длинный коридор, вдоль потолка тянулись металлические коробки вытяжной вентиляции; в стенах – массивные стальные двери, некогда крашенные черным, но от времени и паров дыхания многих тысяч человек краска давно облезла и сам металл местами тронулся ржавчиной. Амбразуры в дверях – все открыты настежь, и в каждой маячило бледное, любопытствующее молодое лицо, провожающее меня внимательными глазами.

Остановившись, конвоир извлек связку массивных ключей, выбрал среди нескольких нужный, вставил в замок и дважды с усилием крутанул. Потянул дверь на себя.

– Заходи, – пригласил он и зачем-то подмигнул мне шальным черным глазом.

Сжав свои мешки, я сделал два шага, оказался внутри и немедленно уперся в плотно прижатые друг к другу человеческие тела.

Так бывает, когда пытаешься проникнуть в пассажирский автобус в час пик ранним утром. Только в автобусе люди имеют на себе одежду, не курят, и среди них находятся женщины. Здесь же одежда и женщины напрочь отсутствовали.

– Куда??? – возмущенно зашумели вокруг меня несколько хриплых голосов, тут же подхваченных эхом других, более отдаленных и более многочисленных голосов.

В ответ надзиратель испустил долгую матерную тираду.

– Сколько вас? – выкрикнул он.

– Сто тридцать пять уже!

– И чего? – хохотнув, возразил вертухай. – Вон в сто девятнадцатой – сто пятьдесят, и ничего, никто не хрюкает! Отставить базар!

Дверь за моей спиной захлопнулась.

Я вдохнул, но это оказалось не так просто – вместо воздуха в легкие проникла некая гадкая субстанция. По вискам мгновенно потекли струйки пота.

Из белесого марева проступили очертания многих десятков полуголых и совсем голых людей. Непрерывно шевелились мосластые конечности. Морщилась нездоровая кожа бритых, исцарапанных черепов. Дикие, воспаленные взгляды вопросительно обратились на меня – и тут же потухли. Шум голосов усилился, прекратившееся на несколько мгновений шевеление рук и глаз возобновилось.

– Слышь... – кто-то тощий, остроносый, весь покрытый коричневыми пятнами йода, тронул меня за рукав, – слышь, ты это... вещи здесь оставь, а сам иди туда, дальше... Там – смотрящий, с ним поговори...

Повернувшись боком, я протиснулся меж тел, сделал шаг, потом второй и третий. Теснота ужаснула меня. На стальных двухъярусных лежаках, тесно прижатые друг к другу, боком лежали голые спящие существа. С потолка бесформенными сталагмитами свисали массивные связки вещей: сумки, баулы, узлы, мешки и пластиковые пакеты. На поперечно натянутых веревках сушилось серое белье. В центре пространства обнаружился длинный стол, сплошь заставленный железными кружками с облупившейся эмалью. В некоторые из сосудов были воткнуты кипятильники. Струи сизого пара рвались вверх.

Отовсюду торчали татуированные костлявые плечи, колени и локти. Кто-то проводил меня недобрый взглядом, кто-то плотоядно ухмыльнулся, кто-то поздоровался, словно со старым знакомым, – но я молча делал шаг за шагом, иногда нагибаясь, чтобы не задеть головой ноги спящих на втором ярусе. Теперь пот струился не только по вискам, но уже и по животу. Я снова попытался ухватить ртом воздух и опять понял, что процесс дыхания здесь сопряжен с трудностями, требует определенного навыка.

На третьем шаге вглубь камеры я захотел развернуться и броситься прочь. Мне стало совершенно ясно, что мое появление здесь – явная ошибка, недоразумение, недосмотр администрации; я не должен, не могу тут быть; мне надо срочно покинуть этот кошмарный зверинец и потребовать для себя особых условий. Замедлив ход, я решил, что вернуться. Мысль появилась на пятом шаге, когда впереди, из табачного кислого тумана, возникла очередная ступня спящего на втором ярусе арестанта. Человеческая конечность, пораженная язвами, наполовину желтая, наполовину зеленая, обработанная то ли фурацилином, то ли мазью Вишневского, то ли другим подобным снадобьем, с непристойно отставленным мизинцем, с полумесяцами черной грязи во впадинках между пальцами, с безобразно отросшими ногтями, вдобавок пораженными грибок, появилась прямо перед моими глазами, на расстоянии десятка сантиметров, и я остановился. Решил пойти назад, ломануться.

Я попрошу вертухая вывести меня в относительно прохладный коридор и там предложу ему любые деньги, лишь бы он отвел меня к начальству, и начальству я тоже посулю любые деньги – для того, чтобы уйти отсюда! В конце концов, я не последний человек! Я крупный преступник! Я схвачен за кражу полутора миллионов американских дол-

ларов! Я московский бизнесмен! Банкир! Я крутой, богатый, что я буду делать в этом месиве тел, в этом муравейнике, в этой выгребной яме?

Но я все же шагнул вперед.

Тут кто-то очень злой и серьезный, с худыми руками, невероятно заspanный – его сильно опухшие веки то и дело тяжело падали вниз, но тут же он снова таращил внимательные глаза, – возник передо мной и ударил кулаком по качающейся перед моим носом грязной ноге. Ткнул не сильно, но так чувствительно, что обладатель гниющего копыта подтянул ногу, жалобно застонав внутри своего яркого сна.

– Только вошел? – спросил изможденный, обратив на меня красноватые глаза. Он разлеплял сухие губы с видимым трудом.

– Да.

– Пойдем со мной.

Ловко разрезав голую толпу плечом, он вывел меня к воздуху и свету, в конец пространства. Здесь, в торцевой стене, имелись два широких длинных окна, на каждом – решетки, а за ними еще и «решнички» – длинные полосы крепкого металла, часто сваренные в раму под углом, чтобы проходил воздух, но не прямой взгляд.

Под окнами сутились несколько очень потных, грязных молодых людей в семейных трусах – негромко переговариваясь, они ловко манипулировали толстыми веревками, свисающими из окон. В простенке висел большой телевизор. Под ним, прямо на полу, на самодельной электроплитке стояла железная миска, в ней жарилось что-то малоаппетитное. Часть стены рядом представляла собой внушительный иконостас: в несколько рядов висели изображения святых.

Лики их были суровы.

Постепенно слуха достиг глухой шум сотни голосов. Изощренная брань, невеселый, каркающий тюремный смех, звяканье железной посуды, жужжанье машинки для татуировок, бульканье вскипающей воды, бормотание телевизора – нет, открывать глаза, вставать и внедряться в эту замысловатую, дикую круговерть я не хотел. Наоборот, первые несколько секунд нового утра прошли в надежде, что общая камера «Матросской тишины» окажется ночным кошмаром, а истинное пробуждение вновь, как позавчера и вчера, состоится в чистеньком, уютном боксе Лефортовского изолятора.

Двухъярусная стальная конструкция из полутора десятков спальных мест по временам тяжело колыхалась – очевидно, не выдерживая тройной нагрузки. Когда кто-нибудь запрыгивал на второй уровень, металли-

ческие полосы и трубы угрожающе сотрясались. Вдруг мне стало страшно, что железная махина обвалится, и я сел в своей узкой, нечистой тюремной постели. С высоты двух метров камера увиделась словно ковчег, как спасательный бот, переполненный жертвами кораблекрушения. Голые люди, словно шпроты в банке, на втором ярусе лежали боком, притиснутые друг к другу, – головами к стене, ногами в проход. Меж спящими пробирались, осторожно ступая, другие – им хотелось добраться до своих вещей, до сумок, мешков, кульков и пакетов, свисающих со стен и потолка. Один тянулся к хлебной пайке, другой к куску мыла, третий к зубной щетке, пятый и десятый – к прочим предметам обихода.

Ниже, на первом ярусе, жизнь скрывалась за самодельными шторками. Весь нижний этаж разделялся на так называемые купе: в них, отгородившись от нескромных глаз вертикально натянутыми кусками простыней, обитала, как я догадался, более зажиточная публика. Лица столь же бледные, как и этажом выше, но пребывающие в постоянном вялом движении челюстей. Нижние имели хоть какую-то еду.

Спать внизу – удобнее, престижнее, и воздуха здесь больше. То, что мне предложили место для ночлега на втором этаже, никак не доказывало мой высокий статус в арестантской среде. С другой стороны, я лег хоть и наверху – зато вблизи окна, рядом с зарешеченным проемом, дарующим кислород и прохладу. По взглядам нескольких бледных, тощих соседей я понял, что занимаемый мной квадратный метр есть предел их мечтаний и предмет зависти.

Все же процесс перемещения со второго этажа на первый оказался мне унижительным. Освободившись от объятий влажной рваной простыни, я встал, ударился головой о свисающие с потолка тряпичные емкости с имуществом, подобрался к краю пропасти – и обнаружил, что просто так слезть или спрыгнуть не смогу. Внизу подо мной колыхалась сплошная масса тел.

Узкое пространство меж двумя – вдоль боковых стен камеры – спальными конвейерами занимал длинный стол, исполненный заедино с деревянными, в железной оправе, лавками. Здесь теснились вплотную. Сидели боком, утвердся хотя бы половиной ягодицы. Кто-то, смачно чавкая, жрал что-то непотребное, кто-то хлебал прозрачный чай, кто-то тачал ржавой иглой дичайшие, бесформенные тапочки; не менее трех групп одновременно резалась самодельными картами в стос; отдельная парочка, при группе болельщиков, передвигала фигуры по шахматной доске.

– Эй, – позвал я вежливо. – Эй, слышь! Брат! Это! Типа! Я спрыгну!

Два или три десятка полудиких нездоровых глаз вопросительно свернули снизу. Белки у одних – желтые, яркие, у других – красные, мут-

ные; зрачки же разноцветные – голубые, серые, зеленые – славянские, лиловые и коричневые – азиатские, угольно-черные – кавказские. Лица перекошенные – нервным напряжением, голодом и недосыпом.

– Слышь! – настойчивее обозначился я. – Дайте слезть!

Наконец один сместился вправо, двое других – влево. Обнажилась часть скамьи, величиной с половину блюда. Изловчившись, я аккуратно спрыгнул.

Адаптация на новом месте прошла быстро, в три дня. Я даже слегка возгордился тем, насколько быстро освоился и привык к тому, что вижу, слышу и обоняю. А чему удивляться? Во-первых, я себя морально подготовил давно – еще в бытность совместного проживания со старым уркой Фролом. А во-вторых, в разное время в разных местах, в городах и селах своей великой Родины я множество раз видел и загаженные, заблеваные помещения, и вшей, и перекошенные физиономии, и гнилые струпья на человеческих конечностях, и синие, сожженные героинном вены. Другое дело, что только в следственном изоляторе «Матросская тишина» все вышеперечисленное оказалось рядом в ужасном избытке, смешано в один гниющий ком. Сто тридцать пять сокамерников – это не один, не двое, как в пятизвездочном Лефортовском замке. На централье «Матросская тишина» жизнь была ключом. Сидела – сплошь молодежь. Национальные окраины Империи были представлены обильно. Узбеки, казахи, туркмены, чеченцы и ингуши, грузины, армяне, молдаване, чукчи и якуты варились в одном супе. В разных углах, на разных уровнях маленькой вселенной под названием «общая хата» слышался жареный, щелкающий говор, образовывались и распадались компании, группы, коалиции и анклавов, вспыхивали ссоры.

Ежедневно по пять-семь человек исчезали из камеры: получив срока, они отъезжали на этап. Одновременно заходили новички. Наиболее грязные, опустившиеся еще до тюрьмы новоселы тут же направлялись в специальный отсек под названием «вокзал», где их собратья обращали неофитов в арестантскую веру: стригли, выдавали мыло. Дальше «вокзала» они не продвигались. Соседние кубометры пространства населяли те, кто желал трудиться – стирать чужое белье, шить наволочки и шлепанцы, чинить одежду – в обмен на сахар, чай или сигареты. Те, кто трудиться не желал или не мог найти работодателя из числа немногочисленных богатых сокамерников, образовывали угрюмую, все время вздорно переругивающуюся, пораженную чесоткой, поедаемую вшами массу «пассажира». Эти люди от голода, недосыпания и постоянной необходимости стоять вертикально становились наполовину

невменяемыми. Они вели свою медленную жизнь – искали приятеля с лишним куском рафинада, воевали между собой ради возможности несколько минут посидеть за столом или часами глядели поверх десятков голов в экран телевизора. Здесь полуграмотные крестьяне спали бок о бок с обладателями столичных институтских дипломов, убийцы играли в шахматы с квартирными ворами, христиане делили хлеб с последователями замысловатых языческих культов. Все это пульсировало, страдало, смеялось и плакало. Разноцветная и разноплеменная масса из ста тридцати живых существ, стиснутая на пространстве едва ли больше, чем школьный класс, выживала как умела и как могла.

Право, справедливость, сострадание
За права человека

125009, г. Москва,
Малый Кисловский пер., дом 7,
строение 1, помещение 21
Общероссийское общественное
движение «За права человека»
тел./факс (095) 202-22-24,
E-mail: info@zaprava.ru;
<http://www.zaprava.ru>

Уставной целью Общероссийского движения «За права человека» является становление правового государства и развитие гражданского общества в России.

Движение защищает права граждан на эффективное правосудие; контролирует законность деятельности судебных канцелярий по гражданским и уголовным делам; регулярно направляет наблюдателей на судебные заседания, на общественнозначимые процессы; собирает материалы для выпусков «Черной книги российского правосудия»; подает жалобы на чиновников, вредящих своими незаконными действиями; помогает составлять жалобы в Европейский суд.

Марианна Садовникова

Как работает ювенальная юстиция во Франции

Историческая справка

Первый ювенальный суд во Франции появился в 1914 г. Была создана автономная система судов для несовершеннолетних, которая включала не только институт единоличного судьи, но также суд присяжных по делам несовершеннолетних. Сам процесс внедрения ювенальной юстиции во Франции достаточно необычен: если в большинстве стран Европы пропагандой ювенальной юстиции занимались педагоги и психологи, то во Франции большой вклад внес инженер Эдуард Жюлье, побывавший в США и по возвращении на родину, в феврале 1906 г., сделавший в парижском социальном музее доклад на эту тему.

Постепенно во Франции была разработана модель, которая учитывала и национальный опыт, и национальную правовую систему. Надзор за несовершеннолетними обвиняемыми поручался специальным чиновникам судебной полиции. Следственный судья, с согласия прокурора, мог оставить несовершеннолетнего в семье или поместить его в специальное воспитательное учреждение. Одновременно стали создаваться опекунские советы, которые занимались несовершеннолетними, изъятыми из юрисдикции уголовного суда, то есть детьми до 12 лет. Эти советы вошли в систему гражданской судебной юрисдикции.

Особенность ювенальной юстиции во Франции и в том, что с самого начала ее возникновения ювенальные суды стали действовать в строгом соответствии с уголовно-процессуальными нормами.

Современную систему ювенальной юстиции во Франции регулирует Закон № 45-174 от 2 февраля 1945 года о правонарушениях несовершеннолетних. Закон устанавливает, что воспитание (ресоциализация) подростка, совершившего правонарушения, важнее, чем уголовные санкции, и признает право малолетних правонарушителей на воспитание.

В соответствии с этим Законом задачами ювенальной юстиции во Франции являются:

- восстановление социальных связей молодых людей;
- борьба против детской преступности;
- эффективная защита молодежи, находящейся в группе риска;
- социальное сопровождение молодежи и несовершеннолетних для улучшения ресоциализации.

Так как целью этого закона было включение молодежи в жизнь общества, то воспитание под наблюдением исправительных административных служб с тех пор является особым направлением деятельности министерства юстиции. Оно видит свою задачу в том, чтобы закрепить приоритет воспитания несовершеннолетних перед их наказанием.

Вслед за тем Закон от 23 декабря 1958 года, касающийся детей группы риска, установил, что возможность вмешательства судей и института судебной защиты распространяется на всех детей, чье здоровье, безопасность или нравственность находятся под угрозой и чье воспитание находится в опасности. После такого решения Управление Воспитания Несовершеннолетних, находящихся под надзором (кураторством), получило название – Судебная Защита Молодежи (СЗМ).

Сегодня судья ювенального суда Парижа (район Сенсети) Софи Уэт, у которой я брала интервью, полагает, что «с 1945 года произошло множество изменений в законодательстве, и можно сказать, что в настоящее время к несовершеннолетним правонарушителям осуществляется более жесткий подход, чем, например, 20 лет назад. Такие изменения связаны, прежде всего, с реакцией общества, которое стало жестче относиться и к преступности в целом, и к несовершеннолетним, в частности. Такого взгляда придерживаются и политики, считая, что несовершеннолетних нужно наказывать. Хотя судебское сообщество старается не забывать о Законе от 2 февраля 1945 года, который закрепил приоритет воспитания перед наказанием...»

Согласно французскому уголовному праву, принята следующая классификация правонарушений: *простое правонарушение, проступок, преступление*. Им соответствуют и три вида детских судов: судья (магистрат) для детей; ювенальный трибунал; ювенальный суд присяжных. Кроме этого, учитывается признак персональной подсудности – только по достижении возраста 16 лет дела несовершеннолетних могут рассматриваться ювенальным судом присяжных.

На каждого судью возлагается миссия защиты детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и рассмотрения дел несовершеннолетних правонарушителей. Не допускается передача дела несовершенно-

летнего в суд общей юрисдикции. Все виды правонарушений несовершеннолетних подсудны только и исключительно ювенальным судам.

Единоличным ювенальным судьей в менее официальной обстановке (в кабинете судьи) рассматриваются дела детей до 13 лет в рамках оказания воспитательной помощи, дела о правонарушениях несовершеннолетних, а также дела по отдельным преступлениям (кроме тяжких). Такое правосудие получило название «кабинетное правосудие».

Детский судья назначается каждые три года с правом возобновления срока полномочий. Количество судей в разных регионах Франции различно. Так, например, в самом крупном суде Парижа (район Сенсе-ти) рассматривается половина всех дел несовершеннолетних в регионе. За год одним ювенальным судьей рассматривается до 600 дел (уголовных и гражданских). В суде работает 12 судей, но в скором времени их будет 14, так как нагрузка на каждого судью слишком велика.

Дела несовершеннолетних, обвиняемых в тяжких преступлениях, а также совершивших преступление повторно, рассматриваются в зале судебных заседаний. При этом все заседания по делам несовершеннолетних считаются закрытыми. Участвовать в них может только воспитатель СЗМ, который работал с несовершеннолетним и его семьей на стадии следствия. Участие адвоката обязательно.

Ювенальная юстиция во Франции охватывает все стадии правосудия – от следствия до исполнения воспитательной меры или контроля за исполнением наказания в отношении несовершеннолетнего. Факт задержания в полиции несовершеннолетнего, совершившего правонарушение, сообщается ювенальному прокурору (такая должность имеется при больших ювенальных судах) или обычному прокурору (в небольших судах). Прокурор встречается с несовершеннолетним и связывается с ювенальным судьей, чтобы решить дальнейшую судьбу подростка: изъять его из семьи, поместить под воспитательный надзор или во временное заключение. Все допросы несовершеннолетнего фиксируются на видеокамеру, присутствие адвоката обязательно. Судья на этой ознакомительной стадии приглашает несовершеннолетнего к себе в кабинет, беседует с ним, изучает его жизненные обстоятельства. Для этого при суде существует специальная воспитательная служба (СЗМ). Таким образом, в Министерстве юстиции есть две структуры: ювенальные суды и СЗМ, которая исполняет решение судьи. СЗМ имеет необходимые материальные, организационные и человеческие ресурсы, чтобы качественно исполнять решения суда. СЗМ отвечает за подростков, которые совершают правонарушения, а также за всех несовершеннолетних группы риска.

Воспитательная Служба при суде

Воспитательная служба при суде – это структура СЗМ. Например, в воспитательной службе СЗМ в районе Сенсети работает 9 воспитателей, все они – сотрудники Министерства юстиции. По закону эта служба обязана заниматься детьми, по которым принято решение о задержании до суда. Но на практике сотрудники воспитательной службы встречаются со всеми детьми, даже если им не назначено предварительное заключение. Воспитатели знакомятся с ребенком до его встречи с судьей. Они не только выясняют обстоятельства правонарушения, но и изучают социальное положение правонарушителя в целом. Воспитатели при суде получают задания от судьи и информируют его о результатах работы. Родители и несовершеннолетние обязаны подчиняться их решениям, при этом воспитатели наблюдают за поведением несовершеннолетнего до суда, а их отчеты влияют на решение по делу. Такие воспитатели оказывают подросткам реальную помощь.

Воспитатель может предложить судье **социальное сопровождение** несовершеннолетнего на длительный срок, если становится известно, что у подростка есть проблемы в семье. Если судья поддерживает такое решение, то до суда социальное сопровождение ребенку оказывает воспитательная служба при суде, а далее – другие структуры, которые определяет судья, но чаще всего это социальные службы по месту жительства подростка. В районе Сенсети есть восемь Воспитательных центров помощи несовершеннолетним дневного пребывания. Воспитатели ходят по домам, встречаются с детьми, с их родителями, а сам подросток посещает Центр дневного пребывания. Как обязательное социальное сопровождение предоставляется только в том случае, когда подросток впервые попал в поле зрения юстиции. Если подросток отказывается от воспитательных мер, к нему могут быть применены более строгие санкции вплоть до лишения свободы. До принятия окончательного решения судье важно определить, будут ли эффективны воспитательные меры.

Когда ювенальный судья принимает решение о предварительном заключении, воспитательная служба обычно предлагает альтернативные меры (эту работу можно сравнить с работой адвоката, но в данном случае речь идет не о юридических тонкостях, а о воспитательных). Однако окончательное решение принимает судья. По мнению Софии Уэт, «...судья ювенального суда должен обладать достаточными знаниями в области детской психологии и педагогики, но оставаться судьей, не превращаясь ни в суперпсихолога, ни в супервоспитателя, действовать строго в рамках закона – и в этом гарантия соблюдения прав человека...»

Альтернативные меры включают не только помещение подростка в воспитательное учреждение, но там, где это возможно, – сохранение его связи с семьей, в том числе совместное проживание. Например, если пострадавший живет в одном районе с несовершеннолетним правонарушителем, то для его защиты судья может вынести решение о переезде правонарушителя к родственникам, проживающим в другом районе.

В структуре СЗМ есть и отдельные воспитатели, и специальные учреждения. Воспитатели СЗМ могут работать и в государственных структурах, и в НПО, имеющих лицензию на этот вид деятельности. Наказание осуществляют только государственные учреждения.

В системе ювенальной юстиции существуют учреждения разного профиля:

- учреждения, в которые помещают детей, совершивших преступления;
- учреждения для детей, которым нужен полный отрыв от среды (когда известно, что негативное воздействие семьи или окружения не прекратится, если подросток останется в своем районе);

а также несовершеннолетних могут вывезти за границу (на срок от 3 до 6 месяцев).

Например, их отправляют в Африку с гуманитарной миссией, где подростки под надзором воспитателя строят школу, колодец и т.д.

Меры воздействия, применяемые к несовершеннолетним

Это могут быть меры, применяемые к несовершеннолетним правонарушителям, и меры, применяемые к несовершеннолетним группы риска или молодежи, находящейся в опасности. Судья может применить: кураторство (надзор) за несовершеннолетним в семье; помещение в учреждение для несовершеннолетних; помещение в тюрьму.

Что касается возраста **несовершеннолетних правонарушителей**, то любой подросток, независимо от возраста, может предстать перед ювенальным судьей; но только по достижении им тринадцати лет ювенальный судья может назначить ему наказание или другую альтернативную меру. До тринадцати лет ювенальный судья до недавнего времени назначал только воспитательные меры. В марте 2002 года вышел новый закон, согласно которому к несовершеннолетним в возрасте от 10 до 13 лет можно применять наказательные меры (так называемые *воспитательные санкции*).

Если **воспитательные меры** предполагают возвращение к родителям, выговор, возмещение вреда, кураторство, воспитательную опе-

ку, назначение судебной протекции, помещение в учреждение и др., то **воспитательная санкция** – это, например, возмещение убытков или оказание помощи пострадавшим, запрет на посещение отдельных мест или общения с определенными людьми и др.

По отношению к несовершеннолетним старше 13 лет суд может назначить **наказание**: срок лишения свободы с отсрочкой или без отсрочки, штраф, общественные работы (для несовершеннолетних старше 16 лет). Средний срок лишения свободы для несовершеннолетних составляет 1 месяц.

Приведу пример: несовершеннолетний разбил лампу в метро. Проводится расследование, и при изучении обстоятельств становится известным, что в семье ситуация неблагоприятная (разногласия, нет контакта между родителями и ребенком). В этом случае назначается представитель, который приходит в семью несовершеннолетнего. Он может до суда назначить восстановительную меру – подросток, его родители и представитель службы метро встречаются, обсуждают ситуацию и принимают решение, что подросток должен починить лампу. Если окажется, что для него этого недостаточно, то может быть принято решение о направлении его в какую-либо общественную организацию для выполнения общественных работ.

Когда подросток в возрасте от 13 до 18 лет совершил кражу впервые, его только предупреждают. Ювенальный судья должен принять все меры, чтобы избежать наказания. Семья и несовершеннолетний должны возместить ущерб, что зависит и от суммы убытков, и от возможностей семьи. Если у родителей есть страховка по гражданской ответственности, платит страховщик. Все решается индивидуально в каждом случае, но с 13 лет подросток должен сам нести ответственность и возмещать ущерб.

Ситуацию вновь поясняет Софи Уэт: «...бывают случаи, когда подростку дают первое предупреждение и больше его никто не видит в системе юстиции, но, к сожалению, сейчас во Франции нарастает тенденция к ужесточению мер. При этом закон не ограничивает в количестве предупреждений, которое можно дать до того, как перейти к более жестким мерам – это ответственность судьи». Наказание же судья не может назначить сам. В том случае, когда наказание по статье превышает семь лет лишения свободы, дело рассматривается перед трибуналом: ювенальный судья и ассессоры. С 2004 г. во Франции предусмотрена должность ювенального судьи, который исполняет наказание. Ранее это был общий судья и для детей, и для взрослых... С 2003 г. в СИЗО, в тюрьмах (в отделениях для несовершеннолетних)

работают воспитатели СЗМ совместно с воспитателями пенитенциарных учреждений.

После освобождения несовершеннолетнего СЗМ назначает ему другого воспитателя, который контролирует его поведение и поддерживает связь со всеми учреждениями, с которыми несовершеннолетний должен вступить в контакт...

Вообще, тюремная санкция сегодня не является особо эффективной. По замечанию Софи Уэт, много ситуаций, когда просто не знаешь, что делать с несовершеннолетним: «Тюрьма не является способом воспитания, в ней нельзя стать лучше, и теперь, когда условия содержания в тюрьме достаточно хорошие, у ребенка даже не возникает страха перед тем, что он попадет туда снова».

Ювенальные структуры, входящие в Службу Защиты молодежи (СЗМ) Министерства юстиции Франции¹

- Воспитательные службы при суде

Следят за выполнением воспитательных мер в открытой среде (когда подросток находится в семье, но за семьей устанавливается кураторство). Осуществляют кураторство и в случае тюремного заключения. Также предоставляют консультации несовершеннолетним и членам их семей.

- Общежития и воспитательные Центры

Принимают под опеку молодых правонарушителей. Чаще всего имеют около 12 жилых мест. Предлагают конкретные решения в каждой трудной ситуации, возникшей у несовершеннолетнего.

- Центр усиленного воспитания

Структура, в которой на протяжении 2 или 3 месяцев молодые люди живут под присмотром воспитателей (на 1 воспитателя 2 несовершеннолетних, всего в Центре 6 воспитателей). В Центре разрабатывается программа по возвращению несовершеннолетнего в активную жизнь, для чего создаются условия – занятия спортом, общественные работы, привлечение интереса к определенным профессиям, к продолжению образования и т.д.

¹ Глава по ювенальным структурам Франции подготовлена по материалам «Каритас-Франции».

- Центр срочного размещения

В эти центры в любой момент могут принять молодых людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в основном правонарушителей. Их принимает команда из воспитателей различного образования: психолог, директор, повар и т. д. Жизнь организована внутри Центра, выход в город контролируется, и молодых людей на прогулках сопровождают воспитатели. В Центре они находятся 3–4 месяца, до тех пор, пока не будет разработана программа их возвращения в активную жизнь.

- Воспитательные центры в открытой среде

Занимаются сопровождением и наблюдением за семьей и несовершеннолетним с целью оказания помощи магистрату (судье) в принятии правильного решения. Они работают как с несовершеннолетним, так и с его семьей и с ближайшим окружением подростка.

- Центры дневного пребывания

Предназначены для реализации программ в открытой среде. Они предлагают воспитательные, образовательные программы и профессиональное обучение. Занимаются ликвидацией безграмотности.

- Закрытые воспитательные Центры

Эти Центры отличаются от тюрем. В них может проживать около 10 несовершеннолетних под строгим контролем, но с возможностью выхода за пределы учреждения. Пребывание обычно длится 6 месяцев и может быть продлено один раз. Для несовершеннолетних, проживающих в этих Центрах, разработаны специальные программы. В том случае, если несовершеннолетний не соблюдает правил, установленных Центром, или совершает побег, он может быть переведен в специальное отделение тюрьмы.

- Общественный сектор, уполномоченный государством на такую деятельность

Почти две трети несовершеннолетних правонарушителей берутся под опеку общественным сектором. Несовершеннолетние, которым еще не исполнилось 13 лет, чаще всего попадают именно в такие учреждения.

Они предлагают:

- общежития, интернаты или фостерные семьи, которые берут под опеку детей;

- службы сопровождения.

В этих службах занято около 25000 человек.

Центр усиленного воспитания для молодежи при неправительственной организации «Лэскаль»²

Центр усиленного воспитания для молодежи при неправительственной организации «Лэскаль» («Пристанище») имеет государственную аккредитацию и лицензию для работы с несовершеннолетними правонарушителями, финансируется Министерством юстиции Франции.

Во Франции неправительственная организация наравне с государственными структурами может подать заявку в префектуру, где специальная комиссия рассматривает проекты и отбирает лучшие. Каждые 5 лет конкурс возобновляется.

В число программ «Лэскаль» входит Центр усиленного воспитания для молодежи. Решение о помещении в этот Центр выносит судья ювенального суда. Сюда помещаются несовершеннолетние, несколько раз нарушившие закон, или те, кто совершил тяжкие преступления.

Этот Центр работает по программе «Цирк». Несовершеннолетнему предлагают в качестве воспитательной меры поработать в передвижном цирке (шапито). Такого рода цирки распространены на юге Франции, в течение года они кочуют вдоль морского побережья с гастрольями.

Судья использует для воспитания «фактор неожиданности»: представитель Центра забирает подростка прямо из зала суда (авиабилеты приобретены заранее) и мчится с ним на юг Франции, в цирк, не давая даже зайти домой. Если подросток зайдет домой за одеждой, пообщается с семьей, воспитателю будет сложнее влиять на него.

Кочевые цирки – это семейные предприятия, где у каждого есть свое место, каждый заинтересован в результатах работы, существует атмосфера взаимного уважения. В работе Центра есть принцип, своего рода договоренность, контракт с ребенком – мы предоставляем тебе жилье, работу, общение, интересный круг людей и дружбу, а ты должен работать и выполнять свои обязательства. Но несовершеннолетний может отказаться на свой страх и риск. Хотя в цирке подросток находится в постоянном контакте с воспитателем, он имеет возможность убежать. Правда, в истории этого Центра побегов не было.

На одного воспитателя в Центре приходится два воспитанника. (В обычном воспитательном центре на 1 воспитателя – 8 детей.) И воспитатели, и воспитанники работают в цирке, ведь только в совместной работе можно достичь доверия. Этот центр рассчитан на прием 16 несовершеннолетних.

² Из беседы с Кароль Роген, директором Центра усиленного воспитания (проект «Цирк» НПО «Лэскаль»).

В цирк принимают и юношей, и девушек (с девушками работают женщины-воспитатели). 10% правонарушителей – девушки.

Для таких детей важна двигательная и эмоциональная активность, но принцип «работа для работы» здесь не подходит, цель – показать, что можно жить по-другому, что существует интересная творческая работа, можно честно зарабатывать деньги... Подросток остается здесь 3 месяца, но может задержаться еще на 3 – решение принимает судья. Работая в цирке, подросток получает заработную плату – 20% от минимальной зарплаты во Франции, то есть примерно 200 евро, а также полное содержание и социальную страховку. Он получает сертификат о стажировке, то есть эта работа учитывается как стаж.

Несовершеннолетним приходится покидать цирк даже в том случае, когда они хотят остаться. Это происходит довольно часто, так как подросток не уверен в своем завтрашнем дне, в том, что ждет его по возвращении, а здесь ему комфортно.

Воспитатели тоже работают в цирке. Для возврата подростка к нормальной жизни нужны сильные личности – авторитетные взрослые. Это самое главное в ресоциализации, ведь у этих детей не было рядом значимых для них взрослых. Найти воспитателей, которые согласятся и работать в цирке, и воспитывать несовершеннолетних правонарушителей не так просто. Они работают здесь 150 дней в году (в других Центрах – 200 дней), заработная плата составляет примерно 2500 евро в месяц, на 40% больше, чем в других центрах. Они работают 14 дней круглосуточно, потом 12 дней отдыхают. В это время другие воспитатели занимаются подростком. Всего Центр имеет контракты с 8 цирками на юге Франции. Зимой, когда цирки закрыты, используются другие виды ресоциализации, например лыжные базы. В одном месте на горнолыжной базе был организован ресторан быстрого питания, в другом месте есть манеж с лошадьми...

Средний возраст воспитателей – 30 лет, как правило, это мужчины (женщинам сложнее, так как надо жить в палатках, постоянно передвигаться). Воспитатели имеют высшее педагогическое образование по специальности «ресоциализационная педагогика».

В других подобных Центрах используются морские программы – работа на корабле в качестве юнги (отсюда сбежать невозможно); экологические программы; работа с животными, поездки за рубеж и др.

Когда подросток покидает Центр, за ним продолжают наблюдать...

В нашем разговоре судья Софи Уэт заметила: «Еще Платон, Августин говорили о преступлениях среди несовершеннолетних. И уровень

жестокости был всегда одинаков, но уровень СМИ (а значит, получение информации населением) был другой. Во Франции мы не принимаем детскую преступность, а ведь без этого невозможно создать общество. Я работаю 13 лет судьей для несовершеннолетних и сейчас вижу, что, как и раньше, в суд попадают несовершеннолетние в одних и тех же ситуациях, но во Франции есть тенденция к тому, чтобы любой проблемный вопрос решать через суд. Если раньше конфликты в школе решали самостоятельно, то теперь обращаются в суд, что, конечно, влияет на статистику.. Изменился взгляд на ребенка. Раньше считали, что подросток имеет право на ошибку – сейчас его начинают перевоспитывать...»

Центр фостерной семьи

Один из самых эффективных центров реабилитации подростков во Франции – это Центр фостерной семьи (государственное учреждение, входящее в СЗМ). В нем три структуры:

- служба фостерной семьи;
- сеть мини-квартир для подростков;
- общежитие для подростков, совершивших правонарушение;

Обычно несовершеннолетние (от 15 до 21 года) приписаны к Центру в течение 6 месяцев с возможным продлением еще на 6 месяцев – и так до двух лет. В то время как подросток находится в Центре, с его семьей проводится работа. Воспитатели анализируют, можно ли возвращать подростка домой или еще рано. Есть случаи, когда судья налагает на родителей подростка обязательство финансировать его проживание вне дома.

Общежития и квартиры входят в состав Центра с 1993 г., служба фостерной семьи открыта с 1998 г. Сейчас создается новая служба – фостерные семьи для несовершеннолетних с психическими отклонениями, ее задача – вернуть подростков домой, предварительно улучшив условия их жизни и адаптации. Ведь у несовершеннолетних растет процент психических отклонений, и надо искать выход из этой ситуации.

Фостерные семьи принимают на жительство детей-правонарушителей. В штат Центра входят воспитатели, которые работают с несовершеннолетними, и воспитатели, которые оказывают поддержку фостерным семьям. Организуются подготовительные курсы для тех, кто готов принять правонарушителей. В настоящее время в Центре зарегистрировано пятнадцать фостерных семей. Сначала семей было только семь, но они рассказывали другим о своем опыте, и число желающих

возросло. Фостерные семьи – это обычные семьи, в них могут быть и собственные дети (не более трех).

В фостерные семьи несовершеннолетние могут попасть с 13,5 лет, но в особых случаях и с 11 лет, и могут оставаться до 18 лет или даже до 21 года – это определяет судья. В среднем срок пребывания в такой семье – один год, минимальный срок – 48 часов, максимальный – 2,5 года.

Каждая семья заранее получает представление о подростке, которого хочет принять, после чего может и отказаться. В Центре хорошо знают «свои» семьи и, в зависимости от интересов подростка и его образования, предлагают наилучший вариант.

Такие семьи получают финансовую поддержку на содержание подростка – 26 евро в день, за те дни, когда несовершеннолетний присутствует в семье (если он сбежал, то содержание не платят). Но заработной платы они не получают, напротив, часто они берут на себя дополнительные расходы (например, покупают подростку одежду, проездной для поездок в школу и т. д.). Речь о доходах с этого «промысла» не идет, это не бизнес.

Фостерная семья – не просто удобное место жительства, здесь подросток устанавливает новые положительные эмоциональные контакты, вступает в общение. Со своей стороны, воспитатели следят, чтобы принятые в семью несовершеннолетние не были слишком требовательны в финансовом отношении. Отчет за средства, полученные на содержание подростка, от семьи не требуют, но сотрудники Центра наблюдают за ситуацией и делают выводы...

Контроль за ситуацией в фостерных семьях осуществляют воспитатели Центра: они ходят по домам, а в определенные дни и семья, и воспитанник приходят в Центр. Обычно воспитатели работают в паре (двойной контроль): с несовершеннолетним общается один воспитатель, семью посещает другой. Потом они вдвоем обсуждают проблемы подростка и семьи и принимают решения. Если, по их мнению, семья не справляется или есть риск нанести вред интересам подростка, то его изымают из семьи. Если сама семья считает, что не может больше заниматься несовершеннолетним, то, с разрешения судьи, его переведут в другую семью.

Фостерные семьи ищут с помощью объявлений, но чаще помогают сами фостерные семьи – люди делятся со своими друзьями и соседями и тем самым вызывают интерес, появляются новые семьи, которые хотят помочь неблагополучным детям.

Если не запретит судья, подросток имеет право встречаться со своей родной семьей (в выходные дни). Сотрудники Центра встречаются с

родной семьей подростка, если ему разрешено посещать родственников. Фостерная семья и семья подростка не встречаются друг с другом.

Есть примеры, когда несовершеннолетний, уже став взрослым и самостоятельным, продолжает общаться с фостерной семьей, например, снимает рядом квартиру. Но, к сожалению, чаще подростки отказываются жить у «чужих» и предпочитают идти в тюрьму...

Я рассказала более подробно лишь о некоторых формах работы с подростками, совершившими правонарушения во Франции. Существуют еще и так называемые центры срочного размещения, и закрытые воспитательные центры (порой – альтернатива тюрьме), различные центры обучения молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, центры, где подростку пытаются помочь интегрироваться в общество, приучить к тому или иному виду труда... Вся эта микросеть контроля призвана «нормализовать» подростка.

Конечно, здесь возникает множество вопросов. И, может быть, самый главный – о новых, более продуманных и более тонких методах контроля над личностью подростка. Вопрос о благе и зле такого пристального общественного надзора.

Во Франции пошли по пути разнообразия форм и методов воздействия на юных правонарушителей. Сегодня здесь считают, что такой подход может помочь им познать себя и найти свое место в жизни.

Мать и дитя в неволе

«Амнистия! Амнистия!»

На всю страну их всего 700 – «мамочек», лишенных свободы. Тех, кто родил в заключении. Или собирается родить. И всего десять колоний, имеющих Дома ребенка. То есть десять колоний, куда могут отправиться «для исполнения наказания» грешные мамы со своими маленькими детьми. Понятно, какие жуткие этапы предстоит выдержать этим женщинам и их новорожденным детям, чтобы добраться до места. Иногда ехать приходится за тысячи километров.

Казалось бы, о чем разговор – всего 700? Чуть больше 1% всех женщин-заключенных. Как подсчитали специалисты Центра содействия реформе уголовного правосудия, «это в три раза больше всех женщин-заключенных в Норвегии и почти равно женскому тюремному заключению Польши». Россия, конечно, не Норвегия и не Польша, но если соотнести наших «мамочек» с женским тюремным населением страны, а также со всем ее населением, все равно получится, что мы чемпионы.

По этому самому уязвимому контингенту тюремной системы можно наиболее точно судить о ней в целом. О ее бесчеловечности и жестокосердии.

Зоны гудят – кому можно рассчитывать на амнистию. Многие надеются на милость властей...

Дума с помпой отметила свое столетие. В том числе и амнистией. Кстати сказать, в развитых странах подобного действия не существует, чтобы под какую-нибудь дату выпускали заключенных. Там просто стараются не лишать свободы тех, кого можно не лишать. У нас же выпускают враз толпу зеков – к юбилею дома Романовых, Октябрьской революции и вот сейчас Думы. Справиться на воле с проблемами такого количества вышедших на свободу власти не могут. Вот и возвращаются многие за решетку, совершив повторные преступления. Впрочем,

нынешняя амнистия будет малочисленной. Коснется она лишь несовершеннолетних и пенсионеров, беременных женщин и женщин, имеющих маленьких детей. Но при этом не совершивших тяжких преступлений. Казалось бы, таких вообще не надо лишать свободы...

В колонии № 1 Владимирской области уже точно известно, что уходит домой по амнистии Гречина Света из городка Валдай. И я этому очень рад. Одной женщиной с ребенком будет в колонии меньше. Дома ее ждет мама и муж, а также друзья-знакомые, которые, как я понял, ничуть ее не осудили за содеянное, а, наоборот, только жалели.

Когда мы начали с ней разговор, я все время вглядывался в ее лицо и не мог представить себе, какое же преступление она могла совершить. Очень хорошее лицо. И хорошие глаза. Оказалось... убийство.

Проверяя ее рассказ, я заглянул в приговор суда: все совпало. Случилась трагедия, когда девушке было семнадцать лет. Отец ее спивался, и она люто ненавидела его друзей-собутыльников. Раз поздно вечером вернулась домой и застала привычную картину: отец выпивал с двумя дружками. Она стала их выгонять из дома. Один, которому было далеко за тридцать, схватил Свету и потащил в другую комнату. Там стал разрывать ее одежду. Он душил Свету, явно намереваясь изнасиловать. Она была беременна. И, не помня себя, стараясь защититься от насильника и защитить своего ребенка, схватила со стола нож и ударила его в грудь. Удар оказался смертельным. Сама же вызвала милицию и «скорую помощь». На суде отец убитого сказал, что не имеет к ней никаких претензий. Сын его пьянствовал, бомжевал, безобразничал.

Слава Богу, суд посчитал, что убийство было совершено в состоянии аффекта. Учел и несовершеннолетний возраст Гречиной, и ее беременность. Но все-таки приговорил к реальному сроку заключения под стражу. А ведь закон вполне позволял дать девушке условный срок наказания.

Исходя из ситуации, можно было бы вполне применить статью о необходимой обороне. Но защитник справедливо посчитала, что судья непременно сочтет «превышение предела» этой обороны, что уже будет считаться тяжким преступлением. Тогда бы Света рассчитывать на амнистию не смогла. Состояние же аффекта влекло за собой статью «средней тяжести». Что и позволило ей подпасть под амнистию...

Надо сказать, что свою свободу Света пыталась заслужить в колонии изо всех сил. Участвовала почти во всех секциях: досуга, дисциплины, даже пожарной. За благодарность бесплатно работала подсобницей, хотя деньги ей, как понимаю, были очень нужны.

Похоже, что амнистии заслужила в отряде «мамочек» она одна, хотя кандидатов на освобождение из ее отряда шесть человек. Правда, все

остальные – под большим вопросом. Дело в том, что большинство «мамочек» осуждены за особо тяжкие (25 человек) и тяжкие преступления (28). Совершивших же преступления «средней тяжести» всего 8. Но среди них есть имеющие и повторные судимости, и «ненадлежащее поведение в колонии». Это тема особого разговора: часто выговор за курение в неположенном месте или даже непришитая пуговица оборачиваются выговором, а значит, рассчитывать на снисхождение невозможно.

Всего в отряде «мамочек» 63 заключенных. Вроде бы ничтожная часть женского населения колонии № 1, что располагается в поселке Головино Владимирской области (всего – около тысячи). Рожденные ими младенцы проживают в Доме ребенка, что расположен рядом с зоной. Стоит дом в лесу, колючкой, слава Богу, не обнесен. Но забор высокий и, естественно, охрана. Мамочки имеют право видеться со своими чадами по два часа в день. Кормящим удается чаще: у них свидание с младенцами через каждые четыре часа.

Когда ребенку исполнится три года, его придется отправлять домой. Если очень повезет, вместе с освободившейся «мамочкой». Если просто повезет, к родным. Большинство же прямой дорогой направляется в детские дома. Бывает, что после освобождения мать забирает ребенка из детдома к себе. Но такие случаи редки.

Условное безусловное наказание

Надо отдать должное судам: сегодня они чуть помягчили к беременным. И к тем, у кого на руках грудные младенцы. Стараются не арестовывать до суда, оставляя до поры до времени на подписке о невыезде. Судят обычно быстрее, чем всех прочих, не растягивая процессы на месяцы и годы. И если преступление совершено впервые и не особо тяжкое, часто дают условные сроки наказания. Но вот ведь закономерность какая! Большинство вскоре получают реальные сроки вместо условных, а подписка о невыезде завершается арестом.

Настоящего института «условного наказания» у нас не существует. Осужденный условно предоставляется сам себе. Только раз в месяц «условники» обязаны отмечаться у участкового.

Суды чаще всего не предписывают условия такого наказания. Скажем, непременно работать. Или учиться. Если потребуется, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании и пр. Очевидно, не делается это потому, что судьи – реалисты. Прекрасно понимают утопичность подобных требований. В европейских странах имеются специальные службы многочисленных и хорошо оплачиваемых специалистов, которые ведут надзор за своими подопечными. А главное, помогают им выполнить условия, по-

ставленные судом. Например, стремятся к тому, чтобы их подшефные покинули круг криминальных друзей, нашли себя в иной среде. Кстати, министр юстиции России Ю. Чайка вышел с законодательной инициативой ввести в обиход электронные браслеты. Благодаря электронике человек, преступивший закон, но не посаженный за решетку, будет под постоянным надзором. В Европе это уже давно и успешно применяется.

Итак, наши грешницы и грешники, к которым проявлено снисхождение, должны регулярно «отмечаться». Участковый, таким образом, становится ключевой фигурой. От его взаимоотношений с подопечными зависит многое. Осужденная Лена К. рассказывала мне, что посорилась со своей участковой. Та требовала – что поделаешь, работа такая, – чтобы Лена стала ее секретным сотрудником, то есть сексотом. Проще, стукачом. Лена отказалась. Тогда участковая пригрозила передать дело в суд «для изменения меры пресечения». В ответ на это Лена стала просто пропускать дни своей обязательной явки. И, конечно же, оказалась за решеткой. Случай, конечно, редкий. Чаще «условники», предоставленные сами себе, совершают повторное преступление. И оказываются в заключении.

Большинство беременных до суда находятся на свободе – по подписке о невыезде. Но бывает и так, что суд сразу решает поместить будущую мамашу в СИЗО. И, как я убедился, просматривая дела, далеко не всегда на то есть серьезные причины.

Про питерский изолятор мои собеседницы вспоминают тепло: там для них отдельные комнаты, ежедневный душ, общая кухня. А вот в Псковском изоляторе, как рассказала Нина О., она сидела в общей камере на 10 человек. Кровати в два яруса, в камере курят, помыться можно раз в неделю и пр. Понятно, что для беременной женщины это пытка. А для будущего ребенка – вред.

Но вот, наконец, долгожданный этап.

Кто они? Куда их гонят?

Согласно закону и приговору суда, они – преступники, совершившие чаще всего серьезные преступления. Торговлю наркотиками в крупных размерах, грабеж, разбой и даже убийство.

Как уже говорилось, в России всего десять колоний, которые имеют Дома ребенка. Теперь представьте себе, как добираются до своих узилищ несчастные «мамочки». Имея шестимесячный срок беременности, а то и вообще на сносях. Ничуть не легче, когда на руках грудничок. Этап и для молодого мужчины тяжелое испытание. А для беременной или кормящей женщины? Добро бы везли прямой дорогой, а

то ведь приходится «ради экономии» делать немислимые петли и загогулины. Во Владимирскую губернию везут из Мурманска, Ханты-Мансийска, сибирских городов. Приведу несколько цитат из интервью.

Ксения Г. из Питера. Меня везли до Владимира две недели. Моему Никите был месяц. Хорошо, что молоко пропало, а то ведь полная антисанитария: грудь не помыть. Ребенка кормила «детской смесью», которую, к счастью, во время забросили родные. Нам же давали «сухой паек». Тушенка и крупа. Что с этой крупой в вагоне делать? Нас на этап дернули внезапно, не успели даже сообщить родным, чтобы срочно подвезли передачку. В купе тюремного вагона ехало четверо: одна беременная и нас трое мамаш с детьми. У двух мам дети уже ходили. Им было по два годика. Мальчик Кирилл Панков в пути заболел – острейшая диспепсия. Его даже возили на остановке в городскую больницу, хотели задержать этап. Хорошо хоть воды давали вволю – пей, сколько влезет.

Настя Е. из Рыбинска. На этап пошла, когда моей Лене было три месяца. Я ее кормила грудью и сейчас кормлю. Кипяченую воду давали раз в сутки. А так обходишься, как знаешь. Хранить воду не в чем. Стеклянная посуда не разрешена, а пластмассовой не догадалась разжиться. Хорошо хоть добирались недолго – всего три дня.

Луиза из Санкт-Петербурга. Ехали два месяца, «по кругу». Там не приняли – переполнено, там отказали – карантин. В купе набралось к концу пути 16 человек. Три девочки добирались из Томска, одна из Омска... В туалет выводили через четыре часа. Думаю, не по злобе или лени конвойных. Но когда вагон переполнен, чаще, видно, не получается. Ну а беременные, понятно, часто испытывают желание справить нужду. Вот и мучились.

Надежда Ч. из Иваново. Нас везли сначала на Вологду, потом в Ярославль, Киров, Владимир. Почему так сложно, не знаю. От Иваново до Владимира 150 км, не больше. А вот из Владимира в зону домчали вмиг. На этапе очень хотелось есть. Беременные ведь едят много. Девочки (не беременные) отдавали нам свой хлеб, делились последним...

Я не знаю, как решить эту проблему. Строить вблизи зон больше Домов ребенка? Но ведь это же абсурд! Значит, надо меньше сажать «мамочек». Только когда они действительно представляют опасность для общества. Таких я в 11 отряде не встречал.

Преступление и наказание

Для скептиков скажу сразу – все исповеди я проверял по документам. Иногда не сходилось, чаще же женщины говорили правду.

Надежда Ч. из Иваново. Я была предпринимателем. Мелким, а может, средним. Арендовала отдел в магазине, имела палатку. При всем при этом курила марихуану. Я водку, например, не пью. А этот наркотик, считаю, послабее водки. Как-то запаслась впрок полукилограммом травки. Рассчитывала, что хватит на месяц и на Новый год останется. Однажды в магазине ко мне подошел мой давний знакомый. Сказал, что у него ломка, попросил дозу. Я знала, что он давно сидит на героине, так что и помочь ему я не могу. Он клянчил: ну дай хоть травки. Пошли ко мне домой, я отсыпала ему стакан и ушла в соседнюю комнату к ребенку. Он в дверь, а навстречу оперативники. Смотрю, а на столе лежит 600 рублей. Оказались мечеными. Выложила им весь свой запас. Вот и посчитали, что я храню марихуану с целью сбыта. Посчитали даже попыткой сбыта. До суда была десять месяцев на подписке. Вела себя безупречно. Характеристики отличные. Курить травку совсем перестала – все время занимал ребенок и работа. Я еще училась заочно на юридическом... Но меня все-таки осудили. Правда, дали ниже низшего предела – 3,5 года. И отправились мы со своим малышом в места не столь отдаленные. (См. выше, как они добирались до этих мест. – Г.Ц.). Не понимаю, почему не дали отсрочку исполнения приговора...

Я, честно сказать, тоже не понимаю. Эта мера применяется крайне редко. Ясно, что «друг» Надежды, наркоман, попал в зависимость к органам правопорядка. И покупал свою свободу, участвуя в провокации. Ну а милиции для отчетности было выгодно изловить «крупную торговку наркотиками». Вот и изловили. Приговор суда вроде бы щадящий, но вмененная статья очень тяжкая. Стало быть, амнистии не подлежит.

Тюрьма в принципе не для женщин. По крайней мере, наша тюрьма. Физиология, психология женщины абсолютно в расчет не берется. Колония № 1 была сначала мужской, потом ее объявили женской. А когда построили Дом ребенка, стали завозить сюда «мамочек». Представьте себе огромную комнату, в которой размещено 60 кроватей. Это общежитие в зоне. На всю колонию (1000 человек) одна комната личной гигиены, да и та находится в промзоне. Женщинам приходится делать свой интимный туалет публично. Деталь: гигиенические пакеты дают лишь по праздникам. Если из дома не прислали, женщины в критические дни пользуются разным тряпьем. Помыться можно лишь два раза в неделю. Продолжать эту тему можно еще долго. Судебная власть, облакающая женщин на неволю, в подобные «детали», естественно, вникать не хочет.

Материнские чувства сами не возникают

Мать и дитя в неволе. Само это словосочетание – противоестественно.

Так совпало, что я был в колонии № 1 вместе со специалистами Региональной общественной организации инвалидов «Ковчег» – социологами, психологами, логопедами. Работая над проектом «детям – счастливое детство», они выбрали для изучения и помощи именно этих детей, «рожденных в неволе». Результаты обследования поразили. Оказалось, что дети почти отвечают всем необходимым стандартам развития. И вполне сопоставимы с детьми в обычных детских садах. Персонал о них заботится, не жалея сил. Но почти без участия мамочек. Вся ответственность на главвраче – он опекун всех малышей. В этом и заключена главная проблема.

Как уже говорилось, мамам позволено навещать своих чад по два часа в сутки. И делается это не по злой воле администрации, а в силу необходимости строго соблюдать режим дня. Дети должны вовремя ложиться спать, купаться, есть и пр. Святое дело! У мамочек тоже режим. Словом, не получается. А между тем, ключевая проблема, как считают специалисты «Ковчеха», воспитание в этих грешных женщинах настоящего материнского чувства. Оно может перевернуть душу, коренным образом изменить их жизнь.

Среди мамочек отряда примерно треть имеет первого ребенка. У остальных на воле есть дети. Как правило, они в детских домах и интернатах. И чаще всего попали туда до последнего ареста мамы. Можно, конечно, перечислить десятки причин (тягот нашей жизни), которые толкнули матерей на преступление. Но главная из них, уверен, ослабленный материнский инстинкт.

Характерно, что в Дом ребенка большинство мамаш бежит бегом. Как сказала начальник отряда Ольга Юрьевна Симонова, женщины в массе своей осуждают тех, кто не стремится к своему дитяти. Такая вот доминирующая ценностная ориентация. Не случайно детоубийцам приходится на зоне очень плохо. Значит, надо использовать это на всю катушку. И позволить матерям жить со своими детьми постоянно. Только так они смогут прикипеть к ребенку сердцем.

Утопия? Но в женской колонии Мордовии уже несколько лет идет эксперимент совместного проживания матерей с детьми. Там не Дом ребенка, а Дом матери и ребенка, помещение вне зоны по типу мало-семейного общежития. Медицинский и прочий персонал бдит: опекает неумелых мамаш, помогает им. И в руководстве ФСИН, и в руководстве Владимирской женской колонии много сторонников этой идеи. Дело за деньгами. И не столь уж огромными, чтобы их нельзя было найти. Уменьшив рецидив, мы вернем эти деньги сполна.

Когда специалисты «Ковчега» завершат «Анализ положения детей заключенных матерей, помещенных в Доме ребенка», и дадут свои рекомендации, не исключено, дело сдвинется с мертвой точки – владимирские власти, как я понял, готовы отнестись к ним со всей серьезностью.

«На свободу с чистой совестью»

Понятно, что выйти на свободу мечтают все. Сейчас колония буквально кипит в связи с амнистией. Сотня женщин, допустим, выйдет. Что их ждет? Что ждет в особенности тех, кто выйдет на свободу, ведя за ручку ребенка, только что научившегося ходить?

Я расспрашивал многих. Кто-то собирается жить со своими родителями (меньшинство), кто-то с родственниками (дядей, тетей), кто-то рассчитывает на приют у знакомых... И очень скоро выяснится, что в неволе многим было жить легче.

В европейских странах, как уже говорил, специальная, причем мощная, служба «ведет» арестанта с первых дней неволи. Выясняются все житейские проблемы, оставшиеся в прошлой жизни, которые не терпят отлагательства. И специалисты службы пытаются их решить. Скажем, занимаются «спорной квартирой», чтобы не были ущемлены интересы осужденной. А за полгода до конца тюремного срока уже ясно, где вышедшие на свободу будут жить, где работать и пр. Поверьте, там считают деньги не хуже, чем у нас. Такая затратная вроде бы забота многократно окупается.

Некоторый сдвиг в эту сторону наблюдается и в нашей системе. В колонии, где мы были, введены три штатных единицы социальных работников. Подобрали пока одну сотрудницу. Ей бы успеть всем выправить паспорта, на другое сил и времени не остается.

С этим же напрямую связано условно-досрочное освобождение – УДО. Казалось бы, матери с маленькими детьми могут претендовать на УДО в первую очередь. Но администрация колонии и суд, который решает это, прекрасно понимают, что большинству освобождаться просто некуда. Ребенок обречен на детдом, мать – на повторное преступление. Такой вот получается опасный парадокс: держать в заключении людей ради их же блага.

Может, пойдем наконец, что скупой платит дважды?

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой **проект по социальному сопровождению** несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительская работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

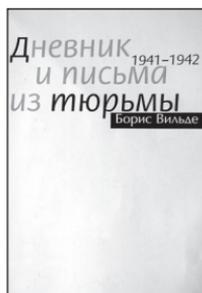
Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России, не считая заключенных.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию: о тюремных нравах и обычаях, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте опубликованы подробные разъяснения в связи с вступившими в силу в декабре 2003 года новыми поправками в УК, УПК и другие законодательные акты, направленными на смягчение уголовного законодательства.

Борис Вильде.

Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942.

Перевод с франц. М.А. Иорданской.

М.: Русский путь, 2005.

В рамках программы МИДа Франции «Пушкин».
160 с.

Алексей Мокроусов

Личное сопротивление Бориса Вильде

В истории мировой литературы есть несколько знаменитых текстов, созданных в заключении и порой – накануне ожидаемой казни. Тюремная литература, представленная самым широким набором имен, от Уайльда и Грамши до Фучика¹ и заключенных сталинских застенков, является отражением трагического и уникального опыта, сотканного не только из идеологического противостояния (как правило, в застенках оказывается более свободный), но также из умения это противостояние литературно осмыслить.

Список «тюремных текстов» пополнился изданным в 1988 году по-французски, а теперь переведенным и на русский дневником Бориса Вильде (1908–1942). Имя этого ученого, сотрудника парижского Музея человека, уже давно вписано в историю Франции. Вильде издавал подпольную газету «Resistance» («Сопротивление»). Согласно апокрифу, он первым и употребил сам термин «сопротивление» – соавто-

¹ Появившаяся в последнее время информация о том, что «Репортаж с петлей на шее» был создан уже после смерти Фучика, не влияет на ценность текста. Напротив, предполагаемое отсутствие подлинности лишь подтверждает значение самого жанра тюремных записок в глазах современников.

ром его считается Анатолий Левицкий, научный сотрудник того же Музея человека, русский по происхождению.

Русским был и Вильде. Он родился в Петербургской губернии, в 1917 году переезжает в Тарту (тогда еще Юрьев), где оканчивает русскую гимназию и поступает затем на физико-математический факультет университета. Став членом Юрьевского Цеха поэтов, Вильде симпатизировал Советской России и даже попытался однажды пересечь на лодке эстонско-советскую границу. Задержанный пограничниками, Вильде заплатил настолько большой штраф, что денег на дальнейшее образование просто не хватило. Но тут подоспели и проблемы с властями. За изучение жизни ливов, народности в Латвии, лидеры которого отличались склонностью к повышенному национальному самосознанию, его арестовывают и судят. И хотя дело кончается ничем, то есть хорошо, Вильде уезжает в Германию, а в 1932 году – в Париж. Поначалу он живет на квартире Андре Жида, вскоре обзаводится друзьями в литературной эмигрантской среде. Печатается в главном журнале «молодых» – «Числа», участвует в работе объединений «Круг» и «Кочевье». Стихи у Вильде хоть и искренние, но все же раздражительные. Зато куда успешнее складывается его карьера ученого. Еще будучи студентом Сорбонны (историко-филологический факультет и Этнологический институт при ней, а также Школа восточных языков), он стал сотрудником только что открывшегося Музея человека, участвовал в создании отделов Арктики и культуры угро-финских народов. Вильде женился на Ирен Лот, дочери известного французского историка и русской эмигрантки М. Бородиной, сотрудницы журнала «Путь».

После начала войны Вильде уходит на фронт. Из плена он бежит, возвращается в Париж, где организует подпольную группу, занятую, в частности, организацией переправки людей в свободную от нацистов зону Франции. Среди спасенных таким образом был философ и публицист Георгий Федотов.

Газету «Resistance» Вильде начинает выпускать вместе с Левицким в декабре 1940 года. Когда Левицкого арестовывают, Вильде специально возвращается из Тулузы в Париж, чтобы продолжить выпуск газеты и тем отвести подозрения от друга. В результате и сам Вильде вместе с группой, связанной с Музеем человека, оказывается в марте 1941 года за решеткой. После судебного процесса семеро участников, несмотря на выступления в их защиту Франсуа Мориака и Поля Валери, были расстреляны, остальные либо оправданы, либо приговорены к тяжелым работам.

Деятельность группы Музея человека стала предметом не только многочисленных научных исследований, но и публицистических и даже художественных описаний. В 1982 году в Москве вышла книга Риты Райт-Ковалевой «Человек из Музея человека». А в Париже в середине 90-х появился роман Макса Галло, сюжетно связанный с деятельностью группы Вильде (впрочем, русские эмигранты не стали в тексте Галло главными персонажами).

Если Райт-Ковалева собирала архивные материалы и воспомина-ния родных и близких Вильде, то к моменту публикации Галло уже был опубликован его тюремный дневник. По форме это скорее разрозненные записи, фиксирующие как малоподвижное течение тюремной жизни, так и мысли и наблюдения автора. Вильде необычайно много занимается в тюрьме. Ему не мешают ни трудности с получением литературы, ни атмосфера камер с их заплесневелым бытом и нерегулярным светом. «...Я наслаждаюсь внутренним миром, несмотря на все неприятности тюрьмы, – утверждает он в письме к жене 15 сентября 1941 года. – Это не покорность, а принятие. Я, как всегда, ищу выгод в беде. Дорогая моя, благодарю за все заботы: за белье, фрукты, книги. Условия действительно идеальны для серьезного чтения, я занимаюсь грамматикой с огромным удовольствием и прилежанием».

Читает он, такое ощущение, все подряд – Клоделя и Спинозу, Монтеня и Валери, канадскую романистку и труды по цивилизации Европы. Он изучает в тюрьме японский и санскрит, всерьез обращается к индуизму («Нет никаких сомнений в том, что Индия превосходит нас в области мысли».)

Сквозным сюжетом его записок и писем становится тема смерти. Это была излюбленная тема младшего поколения эмиграции, тех, кого обычно относят к так называемой «парижской ноте». Этим понятием авторы «Чисел», а с ними и Вильде, попытались выразить собственное мироощущение (именно мироощущение, а не эстетическую программу). Первым это выражение использовал (в контексте, а вовсе не как термин) Борис Поплавский. Адамович развил и утвердил определение как термин, как некий пароль для целого литературного поколения, где не возраст является пропуском, но – мировоззрение, некое ощущение мира, близкое к философии «конца света». В стихах поэтов этого скорее направления, чем школы, присутствует ощущение конца, финала. То была смерть, растянувшаяся на десятилетия. «Числа», пожалуй, как никакой другой журнал, опалены ее дыханием. Георгий Федотов даже прочитал доклад «О смерти, культуре и «Числах». Журнал его тут же напечатал.

В какой-то момент Вильде решил отказаться от литературного творчества, сосредоточившись на занятиях наукой. Но в тюрьме он вернулся к стихам, и в этом возвращении есть некая связь и с темой смерти, которой полны его дневники. В последнем письме к жене, 23 февраля 1942 года, он подводит итог своим размышлениям: «По правде говоря, я уже так далеко продвинулся на пути к смерти, что возврат к жизни представляется мне в любом случае слишком сложным, если не сказать невозможным».

Можно в этих строках увидеть попытку успокоить жену, придать ей сил в новой, одинокой жизни. Но есть в них и отражение стоического взгляда на мир – не зря «Мысли и размышления» императора Марка Аврелия казались Вильде столь близкими: «Пленительный и возвышенный стоицизм, но мне слишком хорошо известно, откуда он берется: пренебрежение земными радостями, благожелательное безразличие к людям. Строжайшие ограничения во всем, убийственная умеренность – и все ради того, чтобы справиться с сомнениями и болью. Обоожествление морали. Глубоко печальная, но прекрасная в своем стремлении к тишине книга».

Сначала все арестованные по делу Музея человека рассчитывали на относительно мягкие приговоры, в любом случае, надеялись на сохранение им жизни. Рассчитывал на это и Вильде, наполнявший страницы дневника размышлениями скорее о радостной, а не о вечной любви: «Не так важно, что мы любим (совершенная любовь охватывает все, но даже самая жалкая и бедная любовь несет печать божественности), это прежде всего *душевное состояние*. Любовь не может быть безнравственной, поскольку она превосходит нравственность. Понять значит простить – не вполне верно. Понять – значит стать причастным».

Любовь заставляет страдать, всякое новое познание – это новое страдание. Но муки любви драгоценнее блаженств веры.

Надежда не имеет к любви никакого отношения. Скорее отчаяние. Познавший любовь способен понять отчаяние. И наоборот».

Год спустя после казни Де Голль наградил Вильде медалью Сопротивления. В Тарту на здании бывшей Русской гимназии на ул. Мунга, где Вильде учился, ему установили мемориальную доску. В конце 1990-х годов доску сняли.

Герои обретают свои награды сами. В диалогах, которые Вильде вел сам с собой в тюремном дневнике, есть такая запись: «У тебя не было миссии, но и тебе следовало «исполнить» свою жизнь, осуществить ее смысл. И я уверен, что ты сделал это и что тебе нечего добавить к жизни. Известно ли тебе, в чем смысл твоей жизни? Оглянись назад, ты увидишь, что твоим становлением было твое очеловечивание».

При жизни Вильде многим казался персонажем не столь интересным, быть может, в своих литературных опытах, сколько объемным и впечатляющим как личность. Но именно дневники его показывают, насколько мыслитель, пусть стихийный, имманентный, определял течение его жизни, не оборвавшейся в день казни.

ВСЕ О ЖИЗНИ В ТЮРЬМЕ

Авторские материалы Виталия Лозовского
и не только ...

Сайт «Все о жизни в тюрьме» на www.tyurem.net был создан на основе интернет-рассылок Виталия Лозовского «Как выжить и провести время с пользой в тюрьме», «Жизнь и психология тюрьмы» и «Взгляд из тюрьмы». Первая состояла из воспоминаний самого автора о недавней трехлетней отсидке в тюрьмах и зонах России и Украины, во второй публиковались материалы о жизни в неволе других авторов (А. Кудин, А. Павлов, С. Параджанов, О. Уайльд, В. Майер, Э. Зейналов). Третья была составлена из писем автору и ответов на них. Сейчас появилась четвертая рубрика – «История пыток, тюрем, казней и наказаний». Общее количество подписчиков – 14 тысяч.

Сайт открыт для авторов, готовых рассказать о жизни в тюрьме.

Для правозащитных организаций, адвокатов, юристов мы можем создать отдельные субдомены. Наша цель – создать полноценный портал, который будет в состоянии помочь нашим гражданам, а также поднимать большие вопросы сегодняшней пенитенциарной и правоохранительной системы.

Тюрьма в Священном писании

При чтении Библии невольно обращаешь внимание на то, что в ее сюжетах часто упоминаются тюрьмы, наказания и другие атрибуты пенитенциарной системы. Немудрено, ведь пророки, апостолы, вожди племен, цари находились всегда в средоточии политической и духовной жизни и либо сами попадали в места лишения свободы, либо отправляли в них своих политических противников.

Поэтому по тексту Библии мы можем составить представление об эволюции такого важного общественного института, как пенитенциарная система, и о ее особенностях на Ближнем Востоке в библейские времена.

Уже в первой книге Ветхого завета – «Бытие» – кульминация сюжета происходит в тюрьме египетского фараона.

Описываемый в эпизоде с Иосифом период – 2000–1500 годы до н. э. В это время в Египте сложилось государство с развитыми институтами власти, в том числе местами принудительного содержания.

Головокружительная карьера Иосифа началась именно в тюрьме: «И взял Иосифа господин его, и отдал его в темницу, где заключены узники царя. И был он там в темнице. И Господь был с Иосифом, и простер к нему милость, и даровал ему благоволение в очах начальника темницы. И отдал начальник темницы в руки Иосифу всех узников, находившихся в темнице, и во всем, что они там ни делали, он был распорядителем. Начальник темницы и не смотрел ни за чем, что было у него в руках: потому что Господь был с *Иосифом*, и во всем, что он делал, Господь давал успех» (Быт. 39; 20–23).

Как видно, уровень несения службы в египетских тюрьмах был невысоким, и произошло то, что зачастую происходит в местах лишения свободы, – энергичный заключенный стал неформальным лидером и фактически начал руководить учреждением.

Кстати, тюрьма, в которую был посажен Иосиф, была в Фивах – тогдашней столице Египта, и в нее сажали не только простолудинов, но и придворных.

Когда в тюрьме оказались опальные придворные – главный виночерпий и главный хлебодар фараона, Иосиф начал прислуживать им, а также продемонстрировал им свой талант толкователя снов.

«После сего виночерпий царя Египетского и хлебодар провинились пред господином своим, царем Египетским. И прогневался фараон на двух царедворцев своих: на главного виночерпия и на главного хлебодара. И отдал их под стражу в дом начальника телохранителей, в темницу, в место, где заключен был Иосиф. Начальник телохранителей приставил к ним Иосифа, и он служил им. И пробыли они под стражею несколько времени» (Быт. 40; 1–4).

После окончания опалы виночерпий вернулся ко двору фараона. Через два года, когда фараону понадобилось истолковать странный сон, виночерпий вспомнил об Иосифе, и тот покинул тюрьму и вскоре занял видное место при дворе.

«Поместил под стражу Иосиф и своих братьев, прибывших в Египет» (Быт. 42; 19).

Несмотря на отсутствие прямых упоминаний, контекст этой библейской истории наводит на мысль, что Иосиф поместил своих братьев под стражу не только для получения гарантий возвращения третьего, но и для того, чтобы они поняли, что довелось испытать ему.

Описание этих событий позволяет указать несколько противоправных деяний, которые служили основанием для лишения свободы. Это, в терминах современного уголовного права, изнасилование (по этому обвинению Иосиф был помещен в тюрьму), прегрешения перед монархом (хлебодар и виночерпий), шпионаж (братья Иосифа).

Подтверждение того, что евреи подвергались тюремному заключению в период пребывания в Египте, содержится, в частности, в «Книге Премудрости Соломона» (глава 18; стих 4): «Ибо те достойны были лишения света и заключения во тьме, потому что держали в заключении сынов Твоих, чрез которых имел быть дан миру нетленный свет закона».

После исхода из Египта, кочуя в Синайской пустыне, евреи, естественно, не могли практиковать такие виды наказания.

Исключение делалось только для членов племени, в отношении которых возникало подозрение, что они больны инфекционными заболеваниями. В связи с этим они проводили определенное время, находясь фактически на карантине, вдали от своего поселения.

Так, в период странствия от Синая до Моава, Мариам заболела проказой. Соплеменники стали требовать ее изгнания. Однако Господь сказал Моисею: «...пусть будет она в заключении семь дней вне стана, а после опять возвратится» (Числа 12; 14– 15).

Очевидно поэтому тюремное заключение как способ исполнения наказания не упоминается в законе Моисеевом. Оно может быть реализовано только при оседлом образе жизни. Наказания того периода были проще – выражение презрения со стороны единоплеменников, побивание камнями, изгнание.

Однако члены племени, обвиняемые в совершении преступлений, лишались свободы на некоторое время до решения, которое принимал вождь, являвшийся одновременно и верховным судьей племени. Где содержали обвиняемых – из текста Священного писания не ясно. А вот как проходили следствие, суд и исполнение наказания, видно из следующего эпизода, изложенного в книге Левит:

«И вышел сын одной Израильтянки, родившейся от Египтянина, к сынам Израилевым, и поссорился в стане сын Израильтянки с Израильтянином; хулил сын Израильтянки имя *Господне* и злословил. И привели его к Моисею; и посадили его под стражу, доколе не будет объявлена им воля Господня. И сказал Господь Моисею, говоря: выведи злословившего вон из стана, и все слышавшие пусть положат руки свои на голову его, и все общество побьет его камнями. И сынам Израилевым скажи: кто будет злословить Бога своего, тот понесет грех свой. И хулителю имени Господня должен умереть, камнями побьет его все общество. Пришлец ли, туземец ли станет хулить имя *Господне*, предан будет смерти» (Лев. 24; 10–16).

Переселение на землю обетованную повлекло переход евреев к оседлому образу жизни и формированию государственности с присущими ей атрибутами – армией, законодательством, местами принудительного содержания.

Учитывая, что места содержания под стражей имели примитивные запоры, охрана была вооружена только копьями и мечами, колючей проволоки и служебных собак не было и в помине, приходилось ограничивать возможность для побега путем наложения на заключенных оков, забивания их в колодки. При этом заключенные находились в оковах до тех пор, пока не выносилось судебное решение. «Если Он пройдет и заключит кого в оковы, и представит на суд, то кто отклонит Его?» (Иов 11; 10).

За публичные упреки, ущемлявшие достоинство царя Иудейского Асы, находившегося в условиях дипломатического и военного поражения, был лишен свободы и Ананий прозорливец:

«В то время пришел Ананий прозорливец к Асе, царю Иудейскому, и сказал ему: ...Безрассудно ты поступил теперь. За то отныне будут у тебя войны. И разгневался Аса на прозорливца, и заключил его в темницу, так как за это был в раздражении на него; притеснял Аса и *некоторых* из народа в то время» (2 Пар. 16; 7–10).

Сын царя Асы, Иосафат, в гневе велел лишить свободы пророка Михея, предсказавшего гибель союзника Иосафата в войне с Сирией: «И сказал царь Израильский: возьмите Михея, и отведите его к Амону градоначальнику и к Иоасу, сыну царя. И скажите: так говорит царь: посадите этого в темницу, и кормите его хлебом и водою скудно, доколе я не возвращусь в мире» (2 Пар. 18; 25–26).

Освободили ли пророка Михея из-под стражи, больше нигде не сообщается.

В Книге Ездры (период правления царя Артаксеркса) дается перечень уголовных наказаний, существовавших в персидском законодательстве в указанный период.

«Кто же не будет исполнять закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть производят суд, на смерть ли, или на изгнание, или на денежную пеню, или на заключение в темницу» (Ездра 7; 26).

Тюремные мотивы неоднократно упоминаются и в псалмах Давидовых. В минуту отчаяния призывает Господа царь Давид:

«Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них; я заключен, и не могу выйти. Око мое истомилось от горести; весь день я взывал к Тебе, Господи; простирал к Тебе руки мои» (Пс. 87; 9, 10).

«Выведи из темницы душу мою, чтобы мне славить имя Твое. Вокруг меня соберутся праведные, когда Ты явишь мне благодеяние» (Пс. 141; 7).

«Да будут славословия Богу в устах их, и меч обоюдоострый в руке их. Для того, чтобы совершать мщение над народами, наказание над племенами, заключать царей их в узы, и вельмож их в оковы железные. Производить над ними суд писанный» (Пс. 149; 6–9).

Частое и эмоционально насыщенное упоминание тюрем в псалмах царя Давида наводит на мысль о том, что автору псалмов, возможно, довелось побывать в застенках в качестве заключенного.

Кроме того, частота упоминаний и их контекст свидетельствует, что во времена царя Давида и его сына Екклесиаста на территории современной Палестины сложились государства с развитыми институтами власти, в том числе местами принудительного содержания. При этом в них содержались не только осужденные, но и обвиняемые в совершении преступлений до решения суда.

Однако намеков на презумпцию невиновности в Библии не усматривается, и люди, заключенные под стражу, сразу теряли свой социальный статус и опускались на социальное дно. В этом смысле интересно сравнение, содержащееся в Книге Екклесиаста: «Лучше бедный, но умный юноша, нежели старый, но неразумный царь, который не умеет принимать советы. Ибо тот из темницы выйдет на царство, хотя родился в царстве своем бедным» (Эккл. 4; 13–14). Пророк этим хотел показать, что юноша, выходящий из темницы, стартует с самой нижней ступени общества.

Наличие значительного количества людей, содержащихся под стражей, безусловно влекло за собой проблемы обеспечения порядка в тюрьмах и требовало значительного финансирования.

Стремясь решить эти проблемы, власти организовывали труд заключенных. Примером тому может служить известная библейская история с Самсоном. Филистимляне имели дом узников в Газе, куда и был заключен Самсон, долго воевавший с филистимлянами и убивший «великое их множество». Чтобы восполнить нанесенный ущерб, практичные филистимляне использовали богатыря для молотбы собранного на их полях урожая зерновых.

Ну а чтобы не было соблазна убежать – выкололи ему глаза и заковали в цепи.

«Он пробудился от сна своего, и сказал: пойду, как и прежде, и освобожусь. А не знал, что Господь отступил от него. Филистимляне взяли его, и выкололи ему глаза, привели его в Газу, и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников» (Суд. 16; 20–21).

Характерным примером является судьба пророка Иеремии, который пытался покинуть Иерусалим, когда к нему приближалось халдейское войско. «Князья озлобились на Иеремию и били его, и заключили его в темницу, в дом Ионафана писца, потому что сделали его темницею. Когда Иеремия вошел в темницу и подвал, и пробыл там Иеремия много дней, – царь Седекия послал и взял его; и спрашивал его царь в доме своем тайно, и сказал: «нет ли слова от Господа?» Иере-

мия сказал: «есть», и сказал: «ты будешь предан в руки царя Вавилонского». И сказал Иеремия царю Седекии: чем я согрешил перед тобою и перед слугами твоими, и пред народом сим, что вы посадили меня в темницу? и где ваши пророки, которые пророчествовали вам, говоря: «царь Вавилонский не пойдет против вас и против земли сей»? И ныне послушай, государь мой царь, да падет прошение мое пред лице твое; не возвращай меня в дом Ионафана писца, чтобы мне не умереть там. И дал повеление царь Седекия, чтобы заключили Иеремию во дворе стражи и давали ему по куску хлеба на день из улицы хлебопеков, доколе не истощился весь хлеб в городе. И так оставался Иеремия во дворе стражи» (Иер. 37; 15–21).

Тюрьма находилась при резиденции Седекии: «Тогда войско царя Вавилонского осаждало Иерусалим, и Иеремия пророк был заключен во дворе стражи, который был при доме царя Иудейского» (Иер. 32; 2).

Кстати, Иеремия, несмотря на то, что был лишен свободы, не находился в полной изоляции. Он имел возможность общаться с родственниками, заключать гражданско-правовые сделки. Он купил за серебро у своего двоюродного брата Амнеила поле, «которое в Анафофе, в земле Вениаминовой», принадлежавшее их роду. Покупка была оформлена в установленном порядке «...по закону и уставу... в глазах свидетелей, подписавших эту купчую запись, в глазах всех Иудеев, сидевших на дворе стражи...» (Иер. 32; 6–17).

Места заключения располагались возле мест постоянного пребывания монархов, правителей областей по одной простой причине. Этим лицам, как правило, принадлежала высшая исполнительная, законодательная и судебная власть. Поэтому они могли, не выезжая за пределы резиденции, и судить, и приводить приговоры в исполнение.

Кроме того, в отдельной тюрьме надо было держать отдельный наряд стражи, что приводило к распылению и без того ограниченных сил гарнизона. Если тюрьма находилась в башне, крепостной стене, в подвале резиденции правителя, то караул мог совмещать функции по охране арестантов и охране города или правителя.

Санитарным состоянием помещений для арестантов власти пренебрегали. Тот же пророк Иеремия, когда выяснилось, что он не только сам пытался покинуть Иерусалим, но и призывал к этому народ, по приказу царя Седекии был помещен в глубокую яму с толстым слоем грязи на дне: «Тогда взяли Иеремию и бросили его в яму Малхии, сына царя, которая была во дворе стражи, и опустили Иеремию на веревках; в яме той не было воды, а только грязь, и погрузился Иеремия в грязь» (Иер. 38; 6).

Правом лишать людей свободы в Иудее обладали не только представители светских властей, но и лица духовные: «Когда Пасхор, сын Еммеров, священник, он же и надзиратель в доме Господнем, услышал, что Иеремия пророчески произнес слова сии, то ударил Пасхор Иеремию пророка и посадил его в колоду, которая была у верхних ворот Вениаминовых при доме Господнем. Но на другой день Пасхор выпустил Иеремию из колоды...» (Иер. 20; 1–3).

Это, кстати, еще один пример того, что людей зачастую даже не помещали в тюрьму, а просто лишали свободы передвижения, если они входили в конфликт с законом.

Ограничивали возможность передвигаться во избежание побега и для военнопленных и захваченных в рабство.

«Слово, которое было к Иеремии от Господа, после того как Навузардан, начальник телохранителей, отпустил его из Рамы, где он взял его скованного цепями среди прочих пленных Иерусалимлян и Иудеев, переселяемых в Вавилон» (Иер. 40; 1).

Новый Завет дает нам множество примеров того, что пенитенциарные учреждения к началу новой эры стали частью государственной машины.

Римляне были первым народом, сумевшим создать такую организацию общества, при которой правили законы, а не люди. Это позволяло совершенствовать методы работы, совершенствовать законодательство. Римляне, имевшие большой опыт содержания под стражей больших масс военнопленных, рабов, гладиаторов, значительно усовершенствовали организацию работы мест заключения, режим содержания, охрану.

При этом на территории Италии, Испании и других колонизированных римлянами стран Средиземноморья осуществлялось прямое правление. Власть принадлежала назначенным императором легатам и прокураторам. В этих провинциях существовали тюрьмы, которые функционировали как специализированные государственные учреждения.

Однако восточное Средиземноморье упорно не поддавалось латинизации. Римляне были гибкими политиками, поэтому оставляли определенный объем властных полномочий местным правителям, присягнувшим на верность римскому народу и императору. При этом верхние слои общества присоединенных земель интегрировались в римский правящий слой.

Примером может служить апостол Павел, происходивший из семьи потомственных фарисеев, но уже получившей римское гражданство, а также традиционное теологическое и классическое античное образование.

На территории Палестины в I веке имелось несколько полунезависимых государств: Галилея, Иудея и Самария, Десятиградье. Соответственно, у правителей этих территорий имелся определенный объем властных полномочий в гражданской, административной и, зачастую, в уголовной сферах. Как уже упоминалось, определенные полномочия были и у представителей религиозных конфессий.

Для обеспечения контроля за полунезависимыми царьками и князьками римляне направляли на такие территории один-два легиона, которые фактически выполняли жандармские функции (специализированных формирований, таких, как современные итальянские карабинеры, французская жандармерия или российские внутренние войска, еще не было), в том числе несли службу по охране тюремных помещений и исполнению наказаний. Как известно, бичевали Христа и распинали Его именно римские легионеры.

Учитывая разный объем прав у различных категорий населения, необходимо отметить, что на территории Святой земли римские законы действовали лишь в отношении римских граждан и лиц, совершивших государственные преступления.

Цари Иудеи имели юрисдикцию над своими подданными в сфере общеуголовной, а руководители религиозных течений (упоминаемые в Евангелии фарисеи, саддукеи) имели право контролировать чистоту веры, в том числе и уголовно-правовыми мерами. В результате тюремным заключением наказывались и религиозные преступления. Так, Иоанн Предтеча, предсказывавший приход в наш мир Сына Божия, очень быстро оказался в тюрьме. «И когда окончил Иисус наставления двенадцати ученикам Своим, перешел оттуда учить и проповедывать в городах их. Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Матф. 11; 1–3).

Ученики Христа неоднократно попадали в тюрьмы в различных странах, где они проповедовали Его учение. «Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу. Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведши их, сказал: идите и, ставши во храме, говорите народу все сии слова жизни» (Деян. 5; 17–20).

Будущий апостол Павел, в тот период, когда он еще был Савлом и ярым гонителем христиан, помещал всех адептов новой религии в тюрьмы: «А Савл терзал церковь, входя в дома, и, влача мужчин и женщин, отдавал в темницу» (Деян. 8; 3).

Несмотря на заметный прогресс в области организации деятельности тюрем и развитие римского права, тюрьмы финансировались по остаточному принципу, специализированные тюремные здания не строились, а для содержания арестантов использовали приспособленные здания и помещения. Темницами служили стены городов, подвалы башен, дворцов, административных зданий, пустые цистерны (цистернами называли подземные резервуары для воды), колодцы или ямы.

Но, самое главное, несмотря на прогресс в развитии государственных институтов и в организации тюремной службы, практически не менялось отношение к заключенным. Оно оставалось таким же варварским.

В частности, в эпоху римского владычества во избежание побегов одну или обе руки преступника приковывали к руке солдата, который стерег его, а у особо важных преступников заковывали обе руки.

«В то время царь Ирод поднял руки на некоторых из принадлежащих к церкви, чтобы сделать им зло, и убил Иакова, брата Иоаннова, мечом; видя же, что это приятно Иудеям, вслед за тем взял и Петра, – тогда были дни опресноков, – и, задержав его, посадил в темницу и приказал четырем четверицам воинов стеречь его, намереваясь после Пасхи вывести его к народу. Итак Петра стерегли в темнице; между тем церковь прилежно молилась о нем Богу. Когда же Ирод хотел вывести его, в ту ночь Петр спал между двумя воинами, скованный двумя цепями, и стражи у дверей стерегли темницу» (Деян.12; 1–6).

Из данного текста видно, что апостола Петра стерегли 16 стражников. Можно предположить, что двое из них были скованы с Петром цепями. Перековывать цепи даже один раз в сутки было длительной и дорогостоящей процедурой. Поэтому двое стражников непрерывно находились скованными с преступником. Остальные 14 осуществляли наружную охрану. Один, очевидно, был начальником караула, еще один – его помощником, трое стражников постоянно находились на наружных постах.

Следует отметить, что дисциплина у того караула, что охранял Петра, была, видимо, низкая. Когда явился ангел, освободивший его из темницы, оба стража спали так крепко, что даже не слышали, как ушел Петр и как цепи упали с его рук.

Был закован в цепи и апостол Павел, когда он начал проповедовать в Иерусалиме: «Весь город пришел в движение, и сделалось стечение народа; и, схвативши Павла, повлекли его вон из храма, и тотчас запорты были двери. Когда же они хотели убить его, до тысяченачальника полка дошла весть, что весь Иерусалим возмутился. Он, тотчас взяв воинов и сотников, устремился на них; они же, увидевши тысяче-

начальника и воинов, перестали бить Павла. Тогда тысяченачальник, приблизившись, взял его и велел сковать двумя цепями, и спрашивал: кто он, и что сделал» (Деян. 21; 30–33).

Очевидно, что заковывание в цепи, связывание рук и ног было не только ограничением способности передвигаться и снижало вероятность побега и ухода от правосудия. Для в большинстве своем неграмотного населения это было символом того, что человек находится в сфере уголовной юстиции, со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями как для арестованного, так и для лица, пытающегося оказать ему какую-либо помощь.

С той же целью в ряде случаев заключенного забивали в колоду – орудие, состоящее из двух бревен с отверстиями для ног, рук или шеи. Так поступили с пророком Иеремией:

«Когда Пасхор, сын Еммеров, священник, он же и надзиратель в доме Господнем, услышал, что Иеремия пророчески произнес слова сии, то ударил Пасхор Иеремию пророка и посадил его в колоду, которая была у верхних ворот Вениаминовых при доме Господнем» (Иер. 20; 1–2).

Эта же мера пресечения (и одновременно наказания) сохранилась спустя почти семьсот лет. Апостол Павел и его спутник Сила, изгнавшие в Филиппах беса из служанки, «одержимой духом прорицательным», от пророчеств которой ее хозяева имели приличный доход, были ввергнуты в темницу и посажены в колоду. «Тогда господа ее, видя, что исчезла надежда дохода их, схватили Павла и Силу, и повлекли на площадь к начальникам, и, приведши их к воеводам, сказали: сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять. Народ также восстал на них; а воеводы, сорвавши с них одежды, велели бить их палками и, давши им много ударов, ввергли в темницу, приказавши темничному стражу крепко стеречь их; получив такое приказание, он ввергнул их во внутреннюю темницу и ноги их забил в колоду» (Деян. 16; 19–24).

Однако для глубоко веровавших ранних христиан колодки не были препятствием для проповеди учения Христа: «Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога; узники же слушали их» (Деян. 16; 25). Кончилось тем, что ангел небесный освободил Павла и Силу, страж темничный уверовал и принял крещение.

Известный библейский персонаж – Иов, многострадальный, ставший символом смирения перед волей Божией, уподобляет свои мучения страданиям колодника: «Не сорванный ли листок Ты сокрушаешь, и не сухую ли соломинку преследуешь? Ибо Ты пишешь на меня горькое, и вменя-

ешь мне грехи юности моей, и ставишь в колоду ноги мои, и подстерегаешь все стези мои, – гонишься по следам ног моих. А он, как гниль, распадается, как одежда, изъеденная молью» (Иов 13; 25–28).

«А Он нашел обвинение против меня и считает меня Своим противником; поставил ноги мои в колоду, наблюдает за всеми путями моими» (Иов 33; 10–11).

Необходимо отметить, что в I веке, так же как и ветхозаветные времена, посещение заключенных в тюрьмах было не таким ограниченным, как в настоящее время.

Так, говоря на горе Елеонской о втором пришествии, Иисус предсказывает, какие слова скажет при этом Царь небесный: «...алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25; 35–36).

К апостолу Павлу в темницу приходила первомученица Фекла.

«Фекла сидела в темнице с Павлом, как дочь с отцом своим, слушая его, как многоценное сокровище... Лишь спустя довольно долгое время узнали, что она сидит около Павла и, как бы прикованная, с величайшим смирением слушает его наставления» (Св. Димитрий Ростовский, свят. Жития святых. Сентябрь. СПб., 1997. С. 469–470).

Так апостол Павел благодарит Онисифора, который прибыл в Рим и сделал все, чтобы облегчить ему жизнь в заключении: «Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих...» (2 Тим. 1; 16).

Апостол воздает хвалу и христианам из евреев, что они сострадали узам его, принимали участие в других, находящихся в таком же положении: «То сами среди поношений и скорбей служа зрелищем *для других*, то принимая участие в других, находившихся в таком же состоянии; Ибо вы и моим узам сострадали, и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее» (Евр. 10; 33–34).

Евангельские сюжеты дают нам возможность узнать, как содержали обвиняемых в совершении преступлений под стражей не только в Палестине, но и в других частях Римской империи.

Христиане того периода, как носители и пропагандисты учения, нарушавшего сложившийся уклад жизни, неизбежно подвергались репрессиям и неоднократно попадали в места лишения свободы.

Апостолы Петр и Иоанн, исцелив хромого от рождения, собиравшего милостыню у дверей Красного храма, проповедовали слово Божие и были взяты под стражу: «Когда они говорили к народу, к ним приступили священники и начальники стражи при храме и саддукеи, досадуя на то, что они учат народ и проповедуют в Иисусе воскресение из мертвых; и наложили на них руки и отдали их под стражу...» (Деян. 4; 1–3).

Вскоре апостолов повторно лишили свободы после смерти Анании и Сапфиры, а также совершения множества знамений и чудес. «Первосвященник же и с ним все, принадлежавшие к ереси саддукейской, исполнились зависти, и наложили руки свои на Апостолов, и заключили их в народную темницу. Но Ангел Господень ночью отворил двери темницы и, выведши их, сказал: идите и, ставши во храме, говорите народу все сии слова жизни. Они выслушавши вошли утром в храм и учили. Между тем первосвященник и которые с ним, пришедши, созвали синедрин и всех старейшин из сынов Израилевых и послали в темницу привести *Апостолов*. Но служители пришедши не нашли их в темнице и возвратившись донесли, говоря: темницу мы нашли запертою со всею предосторожностью и стражей стоящими перед дверями; но отворивши не нашли в ней никого» (Деян. 5; 17–23).

Использование Евангелистом Лукой, автором Деяний апостолов, термина «народная тюрьма» может свидетельствовать о том, что в Иерусалиме имелась тюрьма, подчинявшаяся местным властям, а не римскому прокуратору.

Во время миссионерских путешествий апостолы Павел и Сила также подвергались аресту – в Филиппах (ранее приведенный пример с заключением в колодки), где, несмотря на то, что они были римскими гражданами, они подверглись бичеванию.

В темнице апостолы молились и славилы Бога. В полночь началось сильное землетрясение, стены тюрьмы зашатались, цепи и колодки ослабли, узники освободились.

Ночевали Павел и Сила в доме у тюремного стражника. Утром сам стражник и его семья приняли крещение.

Наутро городские власти попросили апостолов покинуть город.

Однако в Римской империи правили законы, а не люди. Вчерашний колодник Павел потребовал извинений от городских властей. Испуганные воеводы вынуждены были извиниться: «Темничный страж объявил о сем Павлу: воеводы прислали отпустить вас; итак, выйдите теперь и идите с миром. Но Павел сказал к ним: нас, Римских граждан, без суда всенародно били и бросили в темницу, а теперь тайно выпус-

кают? нет, пусть придут и сами выведут нас. Городские служители пересказали эти слова воеводам, и те испугались, услышавши, что это Римские граждане, и, пришедши, извинились пред ними и, выведши, простили удалиться из города» (Деян. 16; 36–39).

Самое долгое время под стражей апостол Павел провел у себя на родине – в Палестине, куда приехал помочь иерусалимским христианам. По обвинению в том, что он ввел неевреев в Храм, он предстал перед синедрионом. Однако как римский гражданин он должен был быть судим римским правителем. Павла отправили в город Кесарию, где располагалась резиденция правителя Феликса.

Павел провел два года под стражей, так как Феликс медлил с принятием решения. При этом все время заключения апостол провел закованным в цепи.

Как видно из текстов Деяний апостолов, в описываемый период в римском праве были подробно разработаны уголовно-процессуальные нормы, а представители римской администрации вплоть до простого воина были хорошо осведомлены о них.

В то же время в законах имелись значительные пробелы, позволявшие держать под стражей длительное время даже римских граждан. Условия же и порядок содержания под стражей оставались почти без изменений со времен библейских пророков.

Все это время Павел регулярно беседовал с Феликсом, царем Агриппой, внуком Ирода. Они убедились, что апостол невиновен, и могли бы освободить его. Но было поздно. Как римский гражданин Павел потребовал суда у императора и должен был быть, выражаясь современными терминами, этапирован в Рим.

Видимо, таким образом апостол надеялся попасть в столицу Империи, чтобы проповедовать там – пусть даже находясь в заключении.

Деяния дают нам возможность узнать, как осуществлялось в середине I века этапирование арестантов.

Конвоирование по суше, очевидно, осуществлялось самым простым способом – скованные арестанты шли под охраной воинов. Авторы называют их по-разному: воины, стражи.

Трудно сказать, имелась ли в Палестине в те времена специальная тюремная стража. Скорее всего это были легионеры-ветераны, которые использовались для гарнизонной и караульной службы.

Для перевозок по морю нанимались корабли. Так, сотник по имени Юлий, возглавлявший охрану группы арестантов, в которую входил и апостол Павел, погрузил их на корабль, на котором они добрались до Мир Ликийских. Затем «конвой» перешел на другое судно, которое

следовало в Италию, но по пути потерпело кораблекрушение у берегов Мальты.

Через три месяца стражи вместе с арестантами погрузились на корабль, который следовал из Александрии в Путеолы и по Аппиевой дороге благополучно прибыли в столицу империи.

В Риме сотник Юлий передал арестантов префекту телохранителей императора Буррию.

Как видно, принципы организации конвойной службы мало изменились за последние две тысячи лет.

Необходимо отметить, что стражники, осуществлявшие конвоирование, относились к своим подопечным гуманно. В Деяниях не говорится о каких бы то ни было притеснениях или избиениях арестантов. Более того, перед отбытием из Кесарии Павлу было разрешено посетить друзей, при спасении у берегов Мальты с севшего на мель корабля стражники не стали пунктуально выполнять инструкцию, требовавшую убивать арестантов в подобных ситуациях.

Кроме того, Евангелист Лука отзывается о префекте Буррии как о человеке мудром и человеколюбивом. «Он был весьма добродетельным и благородным римлянином и обращался с Павлом с большим вниманием и дружелюбием», а Павлу было «позволено жить особо с воином, стерегущим его». Очевидно, что апостол не помещался в тюрьму, так как был римским гражданином и добровольно высказал желание прибыть на суд императора.

Несмотря на то, что Павел продолжал оставаться в узах, то есть скованным одной цепью со стражником, он не находился в условиях изоляции. Апостол жил в гостинице и имел возможность общаться с представителями иудейской диаспоры в Риме и христианами, а также имел возможность проповедовать. В назначенное время «очень многие пришли к нему в гостиницу; и он от утра до вечера излагал им учение о Царствии Божиим, приводя свидетельства и удостоверяя их о Иисусе из закона Моисеева и пророков».

«И жил Павел целых два года на своем иждивении и принимал всех приходивших к нему, проповедуя Царствие Божие и уча о Господе Иисусе Христе со всяким дерзновением невозбранно» (Д. Ап. 28; 30–31).

Как видно, развитая в правовом отношении Римская империя знала различные меры пресечения, не только содержание под стражей, но и, выражаясь современным языком, подписку о невыезде. Однако возникает вопрос: неужели в течении двух лет Павел был скован со стражником? К сожалению, ответа на него в письменных источниках найти не удалось.

На этом заканчивается канонический текст. Известно, что в 63 году апостол был освобожден. До нас, однако, не дошло сведений, было ли его дело заслушано императором или нет; нам также неизвестно, как происходило его освобождение. Боговдохновенный писатель сообщает нам о том, что «жил Павел целых два года на своем иждивении», однако он не говорит, что же происходило по истечении этих двух лет, был ли апостол приговорен или освобожден. Долгое время это оставалось неразрешимым вопросом. Определенный ответ могут дать лишь так называемые пасторальные письма.

Ныне повсеместно принято предполагать, что Павел к тому времени был на свободе и несколько лет путешествовал, пока вторично не был взят под стражу.

Некоторые составители истории склонны думать, что апостол был арестован в Никополе, где он хотел перезимовать, и затем был доставлен в Рим в узах. Другие же придерживаются той точки зрения, согласно которой апостол перезимовал в Никополе, посетил вышеупомянутые места, а затем по собственной воле прибыл в Рим, где во время гонения на христиан во дни императора Нерона был схвачен и брошен в тюрьму.

Мы, однако, не имеем определенных сведений о том, откуда поступили жалобы на апостола, которые привели его ко второму заключению. Возможно, он был схвачен просто на том основании, что был христианином, потому что в те времена повсеместно начались ожесточеннейшие нападки на христианство вообще. Дело касалось уже не вопросов соблюдения закона, как тогда, когда Павел находился на попечении человеколюбивого Буррия. С ним уже обращались как со злодеем и разбойником. Он сам говорит об этом во втором послании Тимофею: «Я страдаю даже до уз, как злодей». Как сильно отличается его второе пленение от первого, когда он мог жить в своем доме на своем иждивении!

Апостол некоторое время содержался под стражей, только евангелист Лука был с ним.

О течении допроса Павла мы не знаем ничего. Весьма возможно, что это было весной 66 или 67 года. Павел использовал свое заключение и суд для того, чтобы проповедовать Евангелие перед высшими чиновниками Рима, а возможно, и перед императором Нероном: «...дабы чрез меня утвердилось благовестие, и услышали все язычники...» (2 Тим. 4; 17). Император и сенаторы, вожди и знаменитости должны были услышать славную проповедь Евангелия благодати Бога.

По единодушному свидетельству древних летописцев, Павел терпел мученическую смерть во время страшного гонения на христи-

ан при императоре Нероне, весьма возможно – в 67 году. Поскольку он был римским гражданином, то не был распят, а также не был предан другим видам чудовищных мучений, но был обезглавлен. Он пострадал, подобно своему Господу, «вне врат». Он принял мученическую смерть на улице Остии, немногим менее часа ходьбы от стен города.

Необходимо отметить, что в Римском государстве даже в периоды массовых репрессий, каковыми являлись гонения на христиан в эпоху Нерона, обеспечивалось соблюдение установленных законом прав римских граждан, пусть даже в отношении способа казни.

Завершая разговор о теме тюрьмы в Библии, можно сделать вывод, что за те две тысячи лет, которые описаны в Священном писании институт содержания под стражей и исполнения наказаний претерпевал такую же эволюцию, что и общество, в котором он функционировал. При этом происходили изменения не только в техническом оснащении тюрем, но и совершенствование организации их работы. На примере библейских событий, пусть даже косвенно, мы можем увидеть, как появлялись законы, которые хоть в какой-то степени защищали людей, содержащихся под стражей, предоставляли им какие-то права.

Места принудительного содержания всегда были, есть и, видимо, будут средоточием людских страстей и страданий. Очевидно, что нравственный долг людей, занимающихся правозащитной и правоохранительной деятельностью, избавлять людей, находящихся в этих местах от излишних страданий, утверждая там принципы, которым учит нас Священное писание.

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ГОСМИЛОСТЬ

**Постановление Государственной Думы
Федерального собрания Российской Федерации
от 19 апреля 2006 г. N 3043-IV ГД
Об объявлении амнистии в связи со 100-летием учреждения
Государственной Думы в России**

*Опубликовано 21 апреля 2006 г.
Вступает в силу с момента публикации*

В ознаменование 100-летия учреждения Государственной Думы в России, руководствуясь принципом гуманизма, в соответствии с пунктом «е» части 1 статьи 103 Конституции Российской Федерации Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации постановляет:

1. Освободить от наказания:

1) осужденных к лишению свободы на срок до пяти лет включительно за преступления, совершенные в возрасте до 16 лет;

2) осужденных к лишению свободы на срок до пяти лет включительно за преступления, совершенные в возрасте от 16 до 18 лет, и ранее не отбывавших наказания в воспитательных колониях;

3) осужденных к лишению свободы на срок свыше пяти лет за умышленные преступления, совершенные в возрасте до 18 лет, отбывших не менее половины назначенного срока наказания.

2. Освободить от наказания осужденных к лишению свободы на срок до пяти лет включительно и ранее не отбывавших наказания в исправительных учреждениях:

1) женщин, имеющих несовершеннолетних детей;

2) беременных женщин;

3) женщин старше 55 лет;

4) мужчин старше 60 лет.

3. Освободить от наказания осужденных к лишению свободы за преступления, совершенные по неосторожности в возрасте до 18 лет, не подпадающих под действие подпунктов 1 и 2 пункта 1 настоящего Постановления, а также женщин, имеющих несовершеннолетних детей, беременных женщин, женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет, осужденных к лишению свободы за те же преступления, не подпадающих под действие пункта 2 настоящего Постановления, отбывших не менее одной четверти назначенного срока наказания.

4. Освободить от наказания за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет, условно осужденных, условно-досрочно освобожден-

ных от оставшейся неотбытой части наказания до дня вступления в силу настоящего Постановления, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и осужденных женщин, отбывание наказания которым отсрочено.

5. Освободить от наказания женщин, имеющих несовершеннолетних детей, беременных женщин, женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет, условно осужденных и условно-досрочно освобожденных от оставшейся неотбытой части наказания до дня вступления в силу настоящего Постановления, а также женщин, имеющих несовершеннолетних детей, беременных женщин, женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

6. Прекратить находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов уголовные дела о преступлениях, совершенных до дня вступления в силу настоящего Постановления, в отношении:

1) подозреваемых и обвиняемых в совершении в возрасте до 16 лет преступлений, за которые предусмотрено наказание не свыше пяти лет лишения свободы;

2) подозреваемых и обвиняемых в совершении в возрасте от 16 до 18 лет преступлений, за которые предусмотрено наказание не свыше пяти лет лишения свободы, ранее не отбывавших наказания в воспитательных колониях;

3) женщин, имеющих несовершеннолетних детей, беременных женщин, женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание не свыше пяти лет лишения свободы, и ранее не отбывавших наказания в исправительных учреждениях;

4) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в возрасте до 18 лет, а также подозреваемых и обвиняемых женщин, имеющих несовершеннолетних детей, беременных женщин, женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет, если за преступления, в совершении которых подозреваются или обвиняются указанные лица, предусмотрено наказание, не связанное с лишением свободы.

7. По уголовным делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание свыше пяти лет лишения свободы и которые совершены до дня вступления в силу настоящего Постановления лицами, не достигшими на момент совершения преступления возраста 16 лет, а также лицами в возрасте от 16 до 18 лет, ранее не отбывавшими наказания в воспитательных колониях, суд, если признает необходимым на-

значить наказание до пяти лет лишения свободы включительно, освобождает указанных осужденных от наказания.

8. По уголовным делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание свыше пяти лет лишения свободы и которые совершены до дня вступления в силу настоящего Постановления женщинами, имеющими несовершеннолетних детей, беременными женщинами, женщинами старше 55 лет и мужчинами старше 60 лет, ранее не отбывавшими наказания в исправительных учреждениях, суд, если признает необходимым назначить наказание до пяти лет лишения свободы включительно, освобождает указанных осужденных от наказания.

9. Не распространять действие настоящего Постановления на:

1) осужденных за преступления, предусмотренные статьями 64, 65, 66, 67, частями первой и второй статьи 672, статьями 69, 701, 71, 72, 74, 77, 771, 772, 78, 79, 86, 87, 102, 103, 108, 117, 121, 1251, 1252, 1261, частью третьей статьи 144, частями второй и третьей статьи 145, статьей 146, частями второй и третьей статьи 147, статьей 1472, частями третьей, четвертой и пятой статьи 148, частями третьей и четвертой статьи 1481, статьей 173, частью второй статьи 176, статьей 1762, частью второй статьи 180, статьей 188, статьями 1912, 1915, частью третьей статьи 206, статьями 2132, 2133, частью первой статьи 218, статьей 2181, частями первой и второй статьи 224, статьей 2241, частью второй статьи 2242, частью второй статьи 225, частью второй статьи 2251, статьей 2261, пунктами «б» и «в» статьи 240, статьей 242, пунктом «в» статьи 244, пунктами «б» и «в» статьи 260 Уголовного кодекса РСФСР;

2) осужденных за преступления, предусмотренные статьями 105, 111, частью второй статьи 117, частью третьей статьи 122, статьей 126, частью третьей статьи 127, статьями 1271, 1272, частью второй статьи 128, статьями 131, 132, 134, 135, частями третьей и четвертой статьи 150, частями третьей и четвертой статьи 158, частями третьей и четвертой статьи 159, частями третьей и четвертой статьи 160, частями второй и третьей статьи 161, статьей 162, частями второй и третьей статьи 163, статьей 164, частями третьей и четвертой статьи 166, частью второй статьи 172, частями второй, третьей и четвертой статьи 174, частями третьей и четвертой статьи 1741, частью третьей статьи 175, частью третьей статьи 178, частью второй статьи 179, частью четвертой статьи 183, статьями 186, 187, частями второй, третьей и четвертой статьи 188, частью третьей статьи 189, статьей 190, частью второй статьи 191, частью второй статьи 199, статьями 205, 2051, 206, 208, 209, 210, 211, частями первой и второй статьи 212, частью второй статьи 213, частью третьей статьи 2152, статьей 221, частями второй и

третьей статьи 222, частями первой, второй и третьей статьи 223, статьями 226, 227, частью второй статьи 228, статьями 2281, 2282, 229, частями второй и третьей статьи 230, частью второй статьи 231, статьей 232, частью третьей статьи 234, частями второй и третьей статьи 240, частью третьей статьи 241, статьями 2421, 275, 276, 277, 278, 279, 281, 282, 2821, 2822, 290, 295, частью четвертой статьи 296, статьями 299, 300, частями второй и третьей статьи 301, частью второй статьи 305, частью третьей статьи 306, частью четвертой статьи 309, частью третьей статьи 313, статьей 317, частью второй статьи 318, статьями 321, 329, частью второй статьи 333, статьями 335, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360 Уголовного кодекса Российской Федерации;

3) осужденных более двух раз к лишению свободы за умышленные преступления, а также на осужденных за умышленные преступления, ранее осуждавшихся к лишению свободы за преступления, предусмотренные статьями Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации, указанными в подпунктах 1 и 2 настоящего пункта;

4) осужденных, признанных в соответствии с Уголовным кодексом РСФСР особо опасными рецидивистами или совершивших преступления при особо опасном рецидиве в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации;

5) осужденных, освобождавшихся после 1993 года от наказания в порядке помилования или в соответствии с актом об амнистии и вновь совершивших умышленные преступления;

6) осужденных, вновь совершивших умышленные преступления в местах лишения свободы.

10. Не распространять действие настоящего Постановления на осужденных, злостно нарушающих установленный порядок отбывания наказания.

11. Настоящее Постановление вступает в силу со дня его официального опубликования и подлежит исполнению в течение шести месяцев.

Председатель
Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
Б. Грызлов

**Постановление Государственной Думы
Федерального собрания Российской Федерации
от 19 апреля 2006 г. N 3046-IV ГД**

**О порядке применения постановления Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации
«Об объявлении амнистии в связи со 100-летием учреждения
Государственной Думы в России»**

Опубликовано 21 апреля 2006 г.

Вступает в силу с момента публикации

1. Возложить применение постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи со 100-летием учреждения Государственной Думы в России» (далее – применение акта об амнистии) на:

1) исправительные учреждения и следственные изоляторы – в отношении осужденных к лишению свободы, приговоры по делам которых вступили в законную силу.

Исполнение постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об объявлении амнистии в связи со 100-летием учреждения Государственной Думы в России» (далее – постановление об амнистии) в отношении указанных осужденных производится по утвержденному прокурором постановлению начальника исправительного учреждения или начальника следственного изолятора. К постановлению о применении к осужденному акта об амнистии прилагаются личное дело осужденного, справка о поощрениях и взысканиях, другие необходимые документы;

2) органы дознания и органы предварительного следствия – в отношении подозреваемых и обвиняемых, дела и материалы о преступлениях которых находятся в производстве этих органов;

3) суды:

в отношении лиц, дела о преступлениях которых находятся в производстве этих судов и не рассмотрены до дня вступления в силу постановления об амнистии, а также в отношении лиц, дела о преступлениях которых рассмотрены, но приговоры судов не вступили в законную силу;

в отношении условно осужденных и осужденных женщин, отбывание наказания которым отсрочено. Вопрос о применении акта об амнистии в отношении указанных осужденных решает суд по представлению уголовно-исполнительных инспекций, осуществляющих контроль за их поведением;

в отношении осужденных к наказанию в виде штрафа, если штраф не взыскан до дня вступления в силу постановления об амнистии. Вопрос о применении акта об амнистии в отношении указанных осужденных решает суд, вынесший приговор;

в отношении осужденных, к которым до дня вступления в силу постановления об амнистии применено условно-досрочное освобождение, и осужденных, которым до дня вступления в силу постановления об амнистии неотбытая часть наказания заменена более мягким видом наказания. Вопрос о применении акта об амнистии в отношении указанных осужденных решается тем же судом, который вынес постановление о применении условно-досрочного освобождения или замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

4) уголовно-исполнительные инспекции – в отношении лиц, отбывающих обязательные работы, исправительные работы, лишенных права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

2. Решение о применении акта об амнистии принимается в отношении каждого лица индивидуально. При отсутствии необходимых сведений об этом лице рассмотрение вопроса о применении акта об амнистии откладывается до получения дополнительных документов.

Учреждения и органы, на которые возложено исполнение постановления об амнистии, вправе запрашивать у соответствующих учреждений документы, необходимые для принятия решения о применении акта об амнистии. Такие запросы исполняются незамедлительно.

3. Решения о применении акта об амнистии, принятые исправительными учреждениями и следственными изоляторами, органами дознания, органами предварительного следствия, органами внутренних дел, уголовно-исполнительными инспекциями, утверждаются прокурором. Со дня утверждения прокурором указанных решений отбывание наказания прекращается.

4. Под действие постановления об амнистии подпадают лица, совершившие преступления до дня вступления его в силу, и осужденные, отбывающие наказание на территории Российской Федерации.

5. Разъяснить, что при применении акта об амнистии:

1) отбытая часть срока наказания, предусмотренная подпунктом 3 пункта 1 и пунктом 3 постановления об амнистии, исчисляется на день его вступления в силу;

2) подпадают под действие постановления об амнистии женщины, имеющие несовершеннолетних детей, которым на день вступления в

силу постановления об амнистии не исполнилось 18 лет, если они не лишены родительских прав;

3) беременные женщины подпадают под действие постановления об амнистии, если они имеют беременность на день принятия решения о применении акта об амнистии;

4) женщины старше 55 лет и мужчины старше 60 лет подпадают под действие постановления об амнистии, если им на день вступления в силу постановления об амнистии либо в период действия постановления об амнистии исполнилось соответственно 55 и 60 лет.

6. Акт об амнистии не применяется в отношении осужденных по совокупности преступлений, если одно из них предусмотрено статьями Уголовного кодекса РСФСР и Уголовного кодекса Российской Федерации, указанными в подпункте 1 или 2 пункта 9 постановления об амнистии.

7. Осужденные по совокупности преступлений за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет, подпадающие под действие подпунктов 1 и 2 пункта 1 и пункта 3 постановления об амнистии, освобождаются от отбывания наказания, если общий срок наказания не превышает пяти лет лишения свободы.

8. Осужденные по совокупности преступлений, совершенных в возрасте до 18 лет, подпадающие под действие подпункта 3 пункта 1 и пункта 3 постановления об амнистии, освобождаются от отбывания наказания при отбытии ими не менее половины назначенного срока наказания, если общий срок наказания превышает пять лет лишения свободы.

9. Лица, подпадающие под действие постановления об амнистии, не освобождаются от административных наказаний и обязанности возместить вред, причиненный в результате совершенных ими противоправных действий.

10. При применении акта об амнистии в отношении лиц, срок наказания которым был ранее сокращен в порядке помилования или в соответствии с актом об амнистии, следует исходить из срока наказания, установленного соответствующими актами.

11. Ограничения, установленные для осужденных пунктом 9 постановления об амнистии, распространяются также на подозреваемых и обвиняемых, дела и материалы в отношении которых находятся в производстве органов дознания и органов предварительного следствия.

12. Лицами, злостно нарушающими установленный порядок отбывания наказания, следует считать:

1) осужденных, которые в течение одного года два и более раза подвергались взысканиям в виде водворения в дисциплинарный изолятор

или штрафной изолятор, а также в помещения камерного типа и единые помещения камерного типа, если указанные взыскания не сняты в порядке, установленном пунктом «и» части первой статьи 113 и частью восьмой статьи 117 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации;

2) осужденных, содержащихся в колониях-поселениях и направленных в исправительные колонии других видов, если после вынесения постановления судьи о направлении указанных осужденных в исправительные учреждения они находились под стражей менее одного года на день принятия решения о применении акта об амнистии. Срок наказания исчисляется со дня заключения осужденного под стражу;

3) осужденных к исправительным работам, которым за злостное уклонение от отбывания наказания неотбытый срок исправительных работ был заменен судом наказанием в виде лишения свободы, если они находились под стражей менее шести месяцев на день принятия решения о применении акта об амнистии; осужденных к исправительным работам, совершивших новые преступления до постановки на учет в уголовно-исполнительных инспекциях;

4) осужденных, совершивших умышленные преступления до вступления приговора в законную силу, а также совершивших преступления во время отбывания наказания;

5) осужденных, совершивших преступления в течение установленного судом испытательного срока, в период отсрочки отбывания наказания либо в течение оставшейся неотбытой части наказания после применения условно-досрочного освобождения или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания;

6) осужденных, которым судом отменены условное осуждение или отсрочка отбывания наказания, если после вынесения постановления судьи о направлении указанных осужденных в исправительные учреждения они находились под стражей менее одного года на день вступления в силу постановления об амнистии;

7) лиц, которым судом отменены условно-досрочное освобождение, исполнение неотбытой части наказания, а также лиц, которым неотбытая часть наказания заменена более мягким видом наказания, если после вынесения постановления суда о направлении в исправительные учреждения они находились под стражей менее одного года на день вступления в силу постановления об амнистии;

8) осужденных, не уплативших без уважительных причин штраф в установленные законом или судом сроки.

13. Материалы о применении акта об амнистии к отбывающим наказание осужденным, которым в установленном порядке применено

обязательное лечение от алкоголизма, наркомании или токсикомании, а также к осужденным, не прошедшим полного курса лечения венерических заболеваний, рассматриваются после завершения указанными осужденными полного курса лечения. Основанием для признания осужденного завершившим курс лечения от алкоголизма, наркомании или токсикомании, а также венерического заболевания является медицинское заключение.

14. Материалы о применении акта об амнистии к отбывающим наказание осужденным, больным туберкулезом, отнесенным к I группе диспансерного учета, рассматриваются после завершения указанными осужденными интенсивного курса лечения и прекращения ими бактериовыделения, подтвержденного медицинским заключением.

15. Для организации необходимой медицинской помощи больным туберкулезом, отнесенным к I или II группе диспансерного учета, освобожденным из мест лишения свободы, исправительные учреждения должны незамедлительно сообщить соответствующим органам местного самоуправления и органам здравоохранения об освобождении указанных лиц.

16. Предложить Правительству Российской Федерации:

1) осуществить совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации систему мер, обеспечивающих трудовое и бытовое устройство лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а также их медицинское обслуживание;

2) сохранить штатную численность уголовно-исполнительных инспекций в течение одного года со дня окончания срока исполнения постановления об амнистии.

17. В случаях, если вопрос о применении акта об амнистии возникнет по истечении шести месяцев со дня вступления в силу постановления об амнистии, оно исполняется в порядке, установленном пунктом 1 настоящего Постановления.

18. Настоящее Постановление вступает в силу со дня его официального опубликования.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации
Б. Грызлов

Александр Константинов

Депутатское милосердие

Госдума в очередной раз решила заняться своим «имиджем». Известно, что уровень доверия граждан к нашим законодателям ниже низкого. По мнению россиян, думцы если и проявляют заботу, то в первую очередь о себе: заоблачные зарплаты, различные льготы, пенсии, премии... Список можно продолжать очень долго. А вот амнистия прекрасно демонстрирует мнимую заботу депутатов о своих согражданах. И пользуются этим способом вовсю. С 1994 года это уже 13-я амнистия.

«Мы амнистируем лиц, не представляющих большой общественной опасности», – так обычно объясняют любую амнистию. Но тогда возникает резонный вопрос: если эти граждане не представляли собой «большой общественной опасности», то зачем их вообще нужно было сажать? Ведь существуют иные уголовно-репрессивные меры.

Попробуем подсчитать (раз уж думцы, вот хотя бы тот же бывший эспээсовец, а ныне единоросс Крашенинников, этим себя не утруждают), во что обходится содержание этих «не представляющих большой общественной опасности» лиц государству, а если точнее, гражданам-налогоплательщикам.

Меньше шести месяцев у нас никто не сидит. Это значит – 180 дней. Если брать даже по минимуму, предположим, один доллар в день на питание и один доллар на другие расходы (зарплата охраны, следственные действия, автозаки, охраняющие овчарки, всякие официальные бумаги, эксплуатация охранных систем и т.д., и т.п.), то получается, что на одного амнистированного уже потрачено 360 долларов. Под амнистию, как правило, подпадает не менее десяти тысяч осужденных. Итого – 3 миллиона 600 тысяч долларов. Но шесть месяцев у нас редко кто сидит, обычно – не меньше года. Да и под амнистию подпадает поболее, чем 10 тысяч.

«В первую очередь решение Госдумы коснется осужденных и находящихся под судом или следствием беременных женщин, а также пожилых людей (женщин старше 55 лет и мужчин старше 60 лет), женщин с малолетними или нетрудоспособными детьми на руках. Но они освобождаются от уголовной ответственности лишь в том случае, если не совершили тяжких или особо тяжких преступлений и срок наказания у них не больше 5 лет. Всего граждан, подпадающих под амнистию, по самым скромным подсчетам, около 14 тысяч», – сообщил Павел Крашенинников. Если же конкретнее, то амнистия распространяется на осужденных за преступления, совершенные в возрасте до 16 лет, к лишению свободы на срок до пяти лет включительно; осужденных за преступления, совершенные в возрасте от 16 до 18 лет, к лишению свободы на срок до пяти лет включительно и ранее не отбывавших наказания в воспитательных колониях; осужденных за умышленные преступления, совершенные в возрасте до 18 лет, к лишению свободы на срок свыше пяти лет, отбывших не менее половины назначенного срока наказания; женщин, имеющих несовершеннолетних детей; беременных женщин; мужчин и женщин пенсионного возраста, но только тех, кто не совершал тяжких и особо тяжких преступлений. Итого, как сказано выше, амнистировано будет не менее 14 тысяч человек. Но если они совершили преступления, то почему их надо прощать?

Мне возражат: это же гуманизм! А я думаю, что гуманнее было бы сразу применить к ним иные меры, а не лишение свободы.

Могут возразить и так: человек исправился, и его надо амнистировать. Да, конечно, человек может и исправиться, и глубоко раскаяться, и... да мало ли что еще может с ним произойти. Но ведь существует институт помилования, когда та же амнистия применяется по отношению к конкретному человеку – Петрову, Иванову, Сидорову. Никто не мешает президенту миловать таких людей.

Кроме помилования, существует еще и институт условно-досрочного освобождения. Веди себя хорошо и через определенное время тоже будешь освобожден раньше срока. И это, кстати, широко практикуется.

Для сравнения: в 2003 году во Франции было помиловано 909 человек (1,2 % от общего числа освободившихся), а амнистировано всего 10. В тот же период в России было помиловано президентом всего 152 человека (0,1 % от общего числа освобожденных), то есть в абсолютных цифрах почти в шесть раз меньше, чем во Франции, и более чем в десять раз меньше в процентном отношении к общему числу освободившихся. Надо также учитывать, что общая численность заключенных во Франции меньше, чем в России, раз в пятнадцать.

Иначе говоря, французы исповедуют индивидуальный подход. И это правильно.

Вполне понятно, почему еще лет пять назад Минюст ратовал за чуть ли не ежегодные амнистии. Численность зеков была такова, что они не только не умещались во всех колониях и следственных изоляторах, но их было трудно охранять, кормить, одевать... Сейчас же наполняемость СИЗО почти не превышает норм, а наполняемость колоний составляет примерно 80 процентов. Перенаселенности нет.

Хотя численность заключенных все равно огромная и уменьшать ее надо. Но не таким путем.

Вероятно, народным представителям следовало бы пристальнее изучить практику «посадок», проблему почти полного отсутствия оправдательных приговоров, а также поинтересоваться, почему так много обращений в Европейский суд по правам человека направляется из РФ. Не меньшее значение имеет и следственная практика, и персональный состав судейского корпуса и надзирающих структур.

Кстати, члены Общественного совета при Минюсте предлагали более обширную амнистию, которая должна была коснуться 20–30 тысяч человек. Однако Госдума не поддержала идею, дав законопроекту отрицательное заключение, смысл которого, по словам члена Московской Хельсинкской группы Валерия Борщева, сводился к одному слову – «нецелесообразно». Думцы все-таки поняли, что освобождать 20–30 тысяч не самых законопослушных граждан – не лучший путь для снижения преступности. И хотя рецидив среди амнистированных, как правило, ниже, чем среди освобождающихся обычным путем, тем не менее он есть.

Хотелось бы, чтобы при объявлении таких вот думских инициатив учитывалось и мнение пострадавших от преступлений. Но кому это интересно?

Нельзя забывать и о том, что частые амнистии, в особенности предусматривающие освобождение от уголовной ответственности широкой категории граждан, девальвируют их политико-правовую значимость, формируют в общественном сознании чувство вседозволенности и безнаказанности.

Наум Ним

И мне бы

Если бы кто-то взялся соорудить для человека такое место, где все вокруг него кричало бы, вопило и хохотало: «Оставь надежду, недоумок! мразь! Забудь!..», если бы нашелся такой талантливый садист-архитектор или сдвинутый психолог, то ничего лучше нашей тюрьмы он бы не придумал. И тюрьма (сама тюрьма, лагерь или этап – не важно) воню и ором, бранью и лаем обминает и обдирает арестанта до кожи; изгрызает его мечты и надежды до мечтаний о лишней конфетке к лишней кружке чая, а неистребимую веру в чудо изъедает до мольбы о сигаретном чинарике в промозглом тюремном карцере...

Но все бесполезно.

Мечты можно обгрызать и раздербанивать – низводить до дрожащего колготения за мелкие крохи жизни, но снова и снова наступает время, и любой арестант ускользает в реальность своей личной мечты из вонючей действительности тюремного мира. Мечты эти пугливы, как маленькие паучки. Так же, как паучки, они явной приметой будущего счастья греют исковерканные души несчастных бедолаг и так же, как паучки, шарахаются от любого внезапного вторжения. Резкий звук, чужое движение и – только смутное ощущение, как подрагивание тонких паутинок – не ухватить. А еще мгновение, и – совсем ни следа...

Поэтому чаще всего мечты оживают ночью.

На неощупной черте между невыносимой реальностью и мертвым забытием они материализуются, невпродых забывая душный объем тюремных застенков. Воздух, и без того испитый и вязкий, превращается в плотную массу, которую с трудом раздвигают бодрствующие в очередь или не спящие случайно горемыки. Муха, если бы только она выжила в этой среде, ничем не смогла бы пролететь сквозь толчею оживающих мечтаний по ночной хате или ночному бараку – только ползком...

Даже ангел-хранитель, появляясь здесь снова и снова, воплем-призывом, которому никак нельзя отказать, – даже он не может в этой атмосфере расправить белоснежные крылья и вывести отсюда за руку своего личного подзащитного. Так и стоит среди других ангелов и сказочных мечтаний, утешая глядящего на него горемыку печалью, практически не отличимой от надежды. Но это и к лучшему, потому что если бы он расправил... если бы вывел, то сразу услышал бы такие вопли и просьбы, что все его перья стали бы дыбом и больше бы ему никогда уже не взлететь...

Мечты арестанта (речь о мечтах, а не про дурашные фантазии Емельяна-печи) сокровенны, интимны и захоронены так, что никому до них не докопаться. И это – благо для людей, потому что обвалились только они на нас, и нам всем тоже – не взлететь...

И только одна мечта позволена каторжанам для публичного любования и утешения – это мечта об амнистии. Образованные и интеллектуально развитые зеки, если доводится им оказаться в перехлестах таких коллективных мечтаний, скептически кривятся недоверчивыми губами, но и они чутко слышат все резоны, с трудом усмиряя колотящую изнутри надежду: «А вдруг! А вдруг и правда... и меня...»

Об амнистии зеки могут гомонить бесконечно. Примеры, факты, достоверная информация («гадом буду!») и подтверждающие аргументы – невероятны и фантастичны, но чем невероятней очередное предположение, тем сильнее оно подкрепляет сумасшедшие фантазии...

– Знаете ли вы, кореша, что Путин к юбилею победы приказал объявить поголовную амнистию, как в 45-ом? Уже и белые флаги на тюрьмы завезли, да только козлы в Думе перетрухали – они же знают, что ни один зек за них не проголоснет, – вот и замотали...

– А белые флаги зачем?

– Да ты, лапоть, земля... Когда тюрьма пустеет, на ней всегда белые флаги вывешивают...

– А вот у Жириновского сёлета юбилей был...

– Не у него – у партии евоной...

– Так я и говорю. Подготовил он к этому делу хитрую амнистию. Если кто согласен в его партию – того на волю. Так против него – все на дыбы. Оно и понятно: у Жирика бы тогда самая большая партия была...

– Главную амнистию патриарх готовит. Всем православным. Там жаж на воле, считай, православных совсем извели. Одне инородцы...

- Так чего он ждет?
- Вот, наверное, как церква соединится – тогда уж и объявит.
- С кем соединится-то? С папой?
- Какой тебе папа?.. Со староверами и с заграницей. Тогда будет нам, православным, большой праздник. И вот к нему..

Ах, как ждут зеки таких праздников! И юбилеев... И всенародных торжеств... И круглых дат...

Но с еще большей страстью они ждут какого-нибудь государственного горя и траура. Вот если бы Путин склеил лапы – тогда бы точно...

Мы, вольняшки, например, даже не знаем, какую грандиозную амнистию готовил Андропов в честь смерти Брежнева. Потому его и грохнули тюремные генералы. И Горбачеву устроили путч по той же причине. Когда он накнокал, что популярность его падает, – он сразу же схватился за амнистию, но – не судьба...

Чего стоят рядом с этой сумасшедшей верой все разумные резоны о нецелесообразности института амнистии?!

Кто-то, например, берется считать, что, если можно амнистировать, то можно бы и совсем не сажать и тем уберечь народные деньги. Счетоводы занюханые! Множат себе зеков на доллары, и кажется им, что полученные в производстве миллионы можно сберечь. Но любому понятно, что ни гроша от тех долларов никто и не подумает отдать в сдачу, если даже и случится вдруг за колючкой зековский недобор. А если бы и на самом деле расчеты тюремным генералам шли за количество зеков – они бы всю страну засунули в свои застенки для повышения бюджета и благополучия...

Да и неважно, какими резонами всякие умницы объясняют нам неразумность амнистии. Потому что амнистия и на самом деле – неразумна.

Неразумное милосердие среди хаоса неразумных злодейств – вот что такое амнистия. Так чего же начинать борьбу за разумность с устранения именно неразумного милосердия?! Начните лучше с какой иной тюремной неразумности, которых там столько накопилось, что только счесть их – никакого разума не хватит...

И вот там, за колючками тюремных оград и среди колючек неразумных зверств, не самые лучшие мои соотечественники (в том числе и самые худшие) точно знают, что в мире есть милосердие. Ах, если бы и я мог поверить в это, столь же оголтело и непоколебимо...

Регулярные амнистии – мизерные и издевательские – снова и снова очередным доказательством обоснованности поддерживают эту спасительную веру. Но она могла бы жить и без таких подтверждений. И питает ее не только неистребимая в человеке надежда на чудо. Основной ее источник – жажда справедливости...

Только уверенность в справедливости жизненного устройства – этот всемирный закон человеческого притяжения, – только это удерживает страны и государства от распада в гибельные метеоритные дожди отдельных и непримиримых правд. Законы, правила, нормы и традиции – все они либо изгибаются, подчиняясь этому притяжению справедливости, либо разносят общество в распыл. И если даже законы и традиции давно уже преодолели притяжение справедливости, то долго еще сама вера в справедливость – жажда ее – одной лишь инерцией своего существования удерживает страну от распада.

Справедливость – это все превосмогающий центр тяжести для вечного Ваньки-встаньки нашего Отечества. И как бы сами правители не выгибали страну своими алчными и властными истинами – этот центр пока еще не сковырнуть...

А что если идея справедливости жива у нас только неистовой верой тюремных туземцев?! В массе своей, отступив в чем-то большом или мелком от этой идеи – качнув свои жизни в сторону от справедливости... остановленные в этом вираже (неловкой судьбой или ловкими ментами), они попали в мир, куда более далекий от торжества справедливости, чем даже все их прошлые несправедливые мирки личных страстей, проступков и преступлений. И теперь эта раскачка поселила в них такую веру в справедливость, такую жажду ее, что, может быть, этой их веры хватает всему нашему миру для удержания от гибельного оползня?!

Ведь что-то нас держит и спасает.

Точно ведь, что это не правители наши с их откровенно циничными представлениями о справедливости...

И точно ведь, что это не я, потому что мне не наскрести этой веры и на горчичное зерно...

Так, может, и вправду это они – арестанты – спасают нас? У них веры в справедливость столько, что ей можно бы и горы сдвигать. Вот ведь побуждают они одной этой верой наших законодателей (не имеющих совсем никакого отношения ни к справедливости, ни к милосердию) чуть ли не ежегодно подписывать какие-то грошовые амнистии...

Ах, если бы и мне, хоть на чуток...

Александр Муленко

Амнистия

Стремилась ввысь душа твоя.
Родишься вновь с мечтою,
Но если жил ты, как свинья –
Останешься свинье-ою...

Владимир Высоцкий

Шняга первая. Амнистия

Весною 2005 года в апреле месяце в звукоцвет молодой, но уже матерый ээк Муха проснулся и крякнул:

– Аб-бал-деть!..

Ему приснился удивительный сон – амнистия! На воле в пивной он отчитывается перед корешами за годы, проведенные в тюрьме.

– Я – мужик! – рассказывает Муха. – Я видел жизнь!..

И внимают ему кореша-приятели, и подливают они ему водочки в посудину, и тянут они к нему руки поочередно, чтобы хотя бы на миг прикоснуться к великомученику, принявшему крест..

– Муха – герой!.. Муха не сотрудничал с администрацией колонии!.. Честь ему и слава!..

В действительности же было хуже...

В помещении старой сырой казармы, где он находился, под потолком на полке, небрежно сколоченной из серых плохо оструганных и пахнущих плесенью досок, надрывался телевизор времен развитого социализма. Шла передача об амнистии, посвященной шестидесяти-

летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Со второго яруса коек Мухе хорошо было видно диктора.

– Косматый!..

Динамик хрипел и хрустел – речь телеведущего временами казалась нечленораздельной. Муха смачно выругался, прислушиваясь... Но тщетно – одышка астматика уже несколько лет тиранила избитый со всех сторон ящик. Осужденный быстро скатился со шконки на пол и, на ходу застегивая черные эсковские брюки, помчался к экрану, чтобы лучше внимать завораживающему голосу диктора. До белизны затертые на ягодицах места светились, подпрыгивая в такт стремительному полету Мухи...

Слишком мудро рассказывал диктор. Собрав свою волю в кулак, Муха подложил его под нижнюю челюсть, как Мыслитель и, сидя на табуретке, начал сверлить глазами землю, стараясь осмыслить малые крохи информации, полученные им извне.

– Сто пятая, сто одиннадцатая, сто восемнадцатая – пополам?.. И домой!.. Неужели это правда?..

Информация об амнистии доходила тяжело. Нужную ему сто пятьдесят восьмую статью осужденный не услышал. От скорого переутомления мозги у Мухи вспотели и замкнули накоротко. Яркая вспышка безумия ослепила беднягу – голова закружилась, и горькая изжога ударила ему в нос карамельной брагой.

– Это тепловой удар!.. – зэк отрыгнул и очнулся. – Надо поменьше думать... Череп – он уже наверняка в курсе всех событий... Он и растолкует мне, что и почему...

Его друг носился взад и вперед по коридору, догоняя и даже перегоняя свои фантазии...

– Ты про амнистию слышал? – спросил у него Муха.

Человек остановился, как вкопанный...

– Всех тяжелостатейников выпускают!.. А?.. Череп?..

– Ты чего это, Муха?..

Глаза в орбитах у Черепа ворочались со скрипом, источая сомнение.

– Душегубов на волю!..

– Не может быть!..

Но Муха кипел и радовался:

– Ты ничего не понимаешь!..

На лысине у Черепа в гневе неистово заиграли сразу все желваки и мышцы. Уши у него оттопырились, как бицепсы, и зашевелились – он туго соображал.

– Этот козел, как сорока...

– Заткнись!.. – оборвал его Череп.

Но Муха слюнявил дальше, орошая соседа.

– Неужели домой?.. Дождались! – Изрисованный с ног и до головы наколками, он нетерпеливо отплясывал около молчаливой и одухотворенной глыбы – своего соседа. – Я же говорю тебе – тяжелостатейники! Значит, мы освободимся ранее!..

Муха заглядывал приятелю в лицо в надежде на поддержку своих конструктивных соображений по этому поводу.. Череп медленно водил глазами вокруг, но мельтешащий перед ним человек мешал сосредоточиться, совершенно сбивая его с панталыку. Череп занервничал. Напряженность его раздумий скоро достигла апогея, морщины разгладились, и кожа на голове надулась, как воздушный шар. Немногие мозговые мышцы исчезли. Лысина на лбу стала красной, первые капельки пота медленно покатались на пол. Так через покрашенное суриком стекло просачивается ночью грязный свет.. Доходило до Черепа медленно, но верно – навсегда... Его осенило..

– Амнистия!.. Наконец–то... Не зря я на Путина ставил!.. А ты по какому каналу смотрел? – неожиданно выпалил он.

– По НТВ.

– Надо было по первому..

Суровое лицо у Черепа округлилось окончательно.

– Балбес!.. – нравоучительно заметил он Мухе. – Это же канал барыг и политиков! Простому российскому человеку их не понять – евреи!.. Говорят, что они из бункера свои новости чешут... А где этот бункер?...

– Я не знаю...

– Никто не знает!.. Даже КГБ... Путин хотел их было закрыть, да руки коротки – не взять...

– Ты думаешь, что по первому больше скажут?..

– Не больше, конечно... Но понятнее... Вон с «Добрым утром», например... Сразу видно, кто есть кто и зачем говорит... Это дети артистов с похмелья бабки заколачивают.. Отсидели полтора часа за столиками, опохмелились, попили чайку на халяву, кофе там, соку всякого... «Наш сад», например, – бабки в карман и домой... И, самое главное, они не умничают, как те на НТВ... Простые, как мы...

Зона кишела домыслами. По коридору к телевизору мчалась толпа разномастно одетых людей, и каждый в этой ораве, толкаясь, разговаривал сам с собою и одновременно со всеми. Шутили и смеялись над

собственными шутками только их авторы – другие же этих шуток не понимали...

Полторы сотни осужденных должны были прилежно разместиться на тридцати лавках длиной полтора метра. Классическая пропорция ГУИН России. Судорожно истирая штанами скамейки, люди не остывали, продолжая неистово спорить о предстоящей амнистии. Душа рвалась навстречу теле- радиоволне из Москвы – наверх, а тело тянуло на пятую точку – на задницу, и, устремленная в будущее, голова не контролировала тело. Прицельное попадание ягодич на нужную лавку случилось все реже и реже.

Перегоняя друг друга, шипели программы...

Шла реклама: памперсы, таблетки, дезодоранты. Черно-белый автоматчик со знаменем штурмовал рейхстаг – документальная хроника: «Мы помним!..», дирил с ксилитом, колготки и снова памперсы... Кто-то, захвативший первым пульт, начал яростно переключать каналы. Еще долго набежавшие отовсюду в комнату ээки не могли разобраться в том, что они смотрят. Люди спорили до хрипоты о будущей амнистии, иные до драки, многие зачинщики уходили выяснять отношения в туалет один на один, так и не дождавшись конца рекламы. И вот, наконец, забурлила музыка перед новостями первого канала.

Череп с уже непереносимым напряжением следил, как молодой, еще не сидевший диктор, готовился огласить приговор Госдумы. В ушах стучала кровь, и слова с экрана Череп не слышал, а угадывал, впитывая глазами диктора.

Нарядный, он догадывался, что останется навеки самым любимым диктором в сердцах одной трети жителей России. Конечно же, он хотел выглядеть как Наполеон – горящий взгляд и рука на эфесе сабли. Но он был в России, и выпученные, преданные его глаза напоминали глаза солдата с картины Сурикова «Переход Суворова через Альпы», того, что съезжает на собственном заду с заморской кручи в обнимку с ржавой пушкой.

Диктор умышленно затягивал время, чтобы взвинтить страдающую от нетерпения публику. Словно «ни о чем», говорил он о массовой драке в парламенте при подписании документов по амнистии. Мимо! Сегодня это не пройдет! Даже Чубайс, задумай он покаяться в это время, не заслужил бы мелких жидких аплодисментов. И, словно чувствуя напряженность всего российского пространства (кто это говорил, что звери в лесах начали поститься?!), диктор даже свой голос изменил под Левитана:

– Сегодня в пятнадцать часов по общероссийскому времени на одиннадцатом году жизни Российской Федерации после долгих и продолжительных дебатов в кремлевском Дворце Съездов в Георгиевском зале подписан политический документ исторической важности о всеобщей майской амнистии, посвященной шестидесятилетию победы советского народа в Великой Отечественной войне. Подлежат амнистии все заключенные граждане России, получившие срок до 1 мая 2005 года, независимо от мест отбывания наказания. Таким образом, правительства всех стран обязаны отпустить россиян, солидарно с руководством РФ. Статьи 105, 111–116 сокращаются наполовину. Отбывшие половину срока тяжелостатейники, подлежат немедленному освобождению. Начисленные им иски граждане могут погасить любой иностранной валютой из расчета 1:1. Статья 158 отменяется и изымается из УК. Освобождающиеся из мест заключения люди немедленно восстанавливаются в гражданских правах.

В комнате стояла гробовая тишина. Мутные глаза осужденных тупо смотрели мимо телевизора и сквозь него – в стену. Кто-то тонко и протяжно завыл. В унисон ему замычали другие, а когда раздался залихватский свист с призывом заткнуться немедленно, чей-то липкий затылок бойко шмякнулся на пол. Завороженная толпа утихла.

– Отмененные статьи 158–159 подлежат изъятию из уголовного кодекса РФ. Граждане сами обязаны защищать свою собственность либо по договоренности с администрацией субъектов федерации организовывать собственные суды. Единоличный самосуд запрещен Минздравом РФ.

– Не подлежат амнистии мэры, губернаторы и все бизнесмены. Дачи, коттеджи и садовые домики (более трех) подлежат перерегистрации в местных органах самоуправления с обязательными документами по идентификационному номеру...

Далее диктор начал нести что-то малопонятное о невыплаченных налогах при продаже российской нефти, зерна и леса. Его речь запестрела юридическими и бухгалтерскими оборотами...

– Ура-а-а Путину! – тонким фальцетом заверещал худой янычар, стоявший у телевизора.

– Ура-а-а!!! – подхватила толпа и забилась в истерике. Резко выхлопнул в сторону улицы и порвался в клочья полиэтиленовый мешок, заменявший в казарме разбитые стекла.

– А-га-га...а... – звуковая волна, как при ядерном взрыве, выносила стекла окрестных пятиэтажек, кольцом окружавших зону строгого режима.

– Молодец, Путин! Прижучил гадов!.. – восторженно-одобрительные отклики страдающего народа рвали небо, тяжелые тучи рассеялись, и озоновая дыра разверзлась над городом.

– Сами воруют – пускай и другим официально разрешат! – ликовало все население колонии. Самое разумное и долгожданное за последнее столетие решение правительства было принято на ура.

– Ура Путину! Ура Жириновскому!.. – гремело из окон зоны.

В здании администрации неистово молились, калялись в житейских грехах и просили защиты у бога. Зарывали немногие ценности в землю, ругались, торопили к отъезду детей и жен. Каждому офицеру колонии хотелось быстрее исчезнуть из города. С ужасом ожидали реванша все, когда-либо носившие на плечах погоны...

Сломленный этой внезапной радостью, тихо отъехал Череп...

Шняга вторая. Ворота в рай

Сломленный внезапной радостью, отъехал Череп.

Стоявшие рядом с ним стеною эски отодвинулись, пропуская на пол обмякшее тело друга. Первый закон тюрьмы – не мешай! И последнее, что увидел он, взлетая над городом, – это было беснующееся муторно-вишневое пространство над зоной. Кровавые завихрения эфира уносили астральное тело мученика в озоновую дыру космоса на суд божий. Робкие горожане выглядывали в разбитые окна своих квартир, провожая глазами в небо это бешеное торнадо и не понимая происходящего.

У небесных ворот его встретил древний старик в белом.

– Здравствуйте, Виктор Петрович! – шагнул он ему навстречу.

Череп изумленно рассматривал деда: поп он или не поп?.. Врач он или не врач?.. А может быть, это дурка?..

– Куда я попал?

– Виктор Петрович! – заговорил с ним старик. – Я обращаюсь к вам повторно. Я – Святой Петр! Вы уже забыли свое имя?..

Видя недоумение Череп, он произнес:

– Вы прибыли по новому сроку на небеса... – и, достав белоснежный пергамент, добавил: – Сейчас я вас заточкую, а потом будет дружеский шмон небесной администрации.

Череп съежился и неуверенно отступил на полшага назад.

– Тебе понравится, не гони... – старик уже разговаривал с ним по-свойски. – Шмон – это положено... Это не на земле. У тебя ничего не отнимут...

Он хохотнул. Только тут Череп вдруг сообразил, что стоит перед ним совершенно голый – в чем мать родила...

– Шмонать тебя будут не для того, чтобы что-то забрать... – старик опять хохотнул. – Было бы что забрать, я и сам бы тебя обшмонал. Шмонают для того, чтобы ты быстрее пришел в себя и оклемался. Феску дадут, тапочки. Форму ни разу не стиранную – новье!.. Ложку, кружку, миску и сумку для конфет... Ты осваивайся...

Он выцарапал на бумаге данные Черепа: день и час его смерти, время прибытия в рай, удельный вес его души и ее предварительный диагноз, дал методические рекомендации по оздоровлению, очищению и укреплению воли и убрал за ухо измусоленный карандаш. Потом он достал из-за другого уха вполне земную беломорину, ткнул ее через облако насквозь – вниз – и чуть было не выругался, обжегшись. («Это был ад!» – подумал Череп.) И вытащив раскопчегаренную папиросу обратно на небо, старый хрыч глубоко затянулся ею, наслаждаясь.

– Чай и курить тебе выдаст смотрящий. Шевелись!.. Вот и следующая.

Позади у Черепа зашуршало. Это прилетела в рай расфуфыренная молодуха: в ушах у нее торчали золотые кольца, в сосках булавки, пупок был проткнут прищепкой.

– Иди-иди, не задерживайся! Не подсматривай, – подтолкнул он Черепа к двери в рай. – Шею сломаешь... Таких вот, как ты, там очень много... В раю-то... – сказал старик. Он пошарил у себя за спиной и достал на свет из облака огромный железный ключ, очень долго водил им около небесной двери, наблюдая боковым зрением за реакцией вновь прибывших. Череп и молодуха не одобряли святого.

– У бабы тоже 158-я...

Старик это просек и резко с размаху воткнул тяжелый ключ в замочную скважину. Ворота в рай со скрипом отворились.

Шняга третья. Небесный шмон

Ворота в рай со скрипом отворились...

Два могучих архангела услужливо подхватили Черепа за руки и под плечи. Удивительно честные их лики излучали божественное тепло и силу. Но камуфляжного цвета одежда насторожила зэка. Белая в серых яблоках, она напоминала прибывшему маскировочные халаты полярников. Святые воины были готовы заломить его руки так, что он поцелует губами землю. И в самом деле...

– Не рыпайся, – вежливо напел ему в душу один из них. – Облака будешь грызть.

За спиной у Черепа клацнула и навсегда захлопнулась дверь первоприемной.

Во втором круге рая его ждали нелегкие испытания. Контора небесной администрации немногим отличалась от здания управления делами осужденных на земле. Безвкусный узор решеток и отлупившаяся повсюду штукатурка, отшелушившаяся краска. Заоблачные двери пахли мочой, но не по-земному, ее запах импонировал Черепу. Посередине комнаты стояли плотно вбитые в облако табуреты и стол.

– Садитесь! – на плечах под рясой у нового начальника темнели незастиранные места от милицейских погон. На столе у него лежала резиновая дубинка.

– Генерал-ефрейтор! – стремительно пронеслось в голове у Черепа. Он удивился этому и обрадовался. При жизни никогда не служивший в армии, зэк с трудом различал воинские звания.

– Просветление, – догадался он. Приятели не единожды ему рассказывали об этом. Сразу после смерти все люди становятся умными.

– Сейчас ми вас будем немношко искать! – прошелестел над столом елейный голос военного.

– Иностранец!.. С акцентом... – мысли у Черепа заметались с удвоенной силой.

– Кто он, немец или казах?.. Итальянец или мордвин, а может быть, он прибалт?..

– Во-олжанин из Киева, – подсказывало сознание.

Подопечные импортного начальника начали методический обыск. Они виртуозно владели профессией. У Черепа создалось впечатление, что ощупывает и осматривает его целая бригада искателей. Первый из них полез ему пальцами в нос, а второй оккупировал зад.

– Спокойнее, уважаемый мой друг, спокойнее!.. Будьте попроще... – сидевший за столом генерал-ефрейтор внимательно следил за каждой реакцией обыскиваемого.

– Расслабьтесь... Вот так: «Не спеши, слепая, в баню – поведут...».

– Тяжело, гражданин начальник, больно... – смирился Череп.

– А кому сейчас легко? – сострадали архангелы, грубо наворачивая руками в душе.

Обследуемый каждой клеткой своего существа прислушивался к происходящему, новые ощущения будоражили его, беспокойная дрожь перекачивалась зернистой волною от ног по спине и выше.

– Значит, вот оно какое – небесное счастье, – замерцало в голове у ээка.

– Это какая рука в желудке? – выдавил он из себя через нос.

– Что это значит «какая»?.. – переспросил его генерал.

– Которая лезет в меня... через рот или через задницу?.. И вообще – руки моют?

От страха у Черепа стали произрастать и подниматься дыбом волосы на голове, выпавшие тридцать лет назад в Соликамске.

– Сколько же у них рук? – задумался он.

Только тут ошеломленный Череп увидел на столе стопку исписанного пергамента с протоколом обыска. И совершенно сбитый с толку, он машинально подписывал все, что ему предлагали...

– Теперь в карантин... Девять дней... А потом – в распределительный отряд, а там... Как проявишь себя!.. – генерал-ефрейтор знакомил его с небесным режимом. – За нарушение распорядка дня на костер к чертям – на пятнадцать суток.

И, увидев, что воспрянувший было духом, Череп снова расстроился и сник, он ободрительно оскалился:

– Не бойся... Тот и не ээк, кто на киче не был... Разве можно в полной мере насладиться небесным покоем, так и не познав кастрюли с кипящим маслом?.. Или сковороды...

Во втором круге рая все архангелы улыбались. Даже сам Череп, все еще испуганно озирающийся по сторонам, вторил им. Сначала он, робко оскалясь, хохотнул для пробы и, чуть осмелев, заржал неистово и звонко, как необузданный жеребец, подпевая служителям небесной администрации.

– Но я хочу предупредить о главном! – лицо у столоначальника стало серьезным. – Если ты провинишься или неоднократно попадешь в списки злостных нарушителей небесного режима – выкинем тебя назад, на Землю... Ты догадываешься, куда?..

Настроение у Черепа менялось сегодня, как в детском калейдоскопе: из серого и земного оно стало радужным, но снова небесные тона поблекли и обесцветились...

– До сорока дней – строгий режим, и все передвижения по раю только с сопровождающим! – отчеканил ефрейтор...

Шняга четвертая. Ночь в раю

– До сорока дней – строгий режим, и все передвижения по раю только с сопровождающим! – отчеканил ефрейтор...

К шапочному разбору, к отбою Череп уже совершенно не стоял на ногах. Изнанка внутренностей болела. Ему стоило огромного труда затянуть на прежние места среднее ухо, желудок, двенадцатиперстную кишку и селезенку. Непредсказуемые сокращения печени тяжелой болью ложились справа.

– Надо было меньше пить карамельную брагу при жизни.

Черепу удручило то, что даже после смерти понятие о физической боли не исчезло, церковные умники много рассказывали о душевных муках, которые можно было исцелить раскаянием (он этим неоднократно пользовался перед лицом земных судей, и – помогало), но ничего никогда ему не говорили о муках телесных. И верно, если рай и ад существуют на том свете, как две зоны – жилая и промышленная, то и ощущения должны быть идентичны: радикулит неизлечим, а хромота пожизненна, хотя, как знать, чудеса какие-то были – волосы у него на лысине выросли. Для уверенности он погладил себя по макушке пальцами и сказал в темноту: – На месте!

Полюса поменялись, на том уже свете душа была вторична, а тело первично, и душа болела при теле, а по эту сторону жизни – на небе – все наоборот, измученное тело сопровождает душу, и уже физическая боль должна лечиться раскаянием. Раздумывая о геморрое, удрученный зэк смирился с неизбежностью физического страдания и уснул на шконаре, похрапывая басом... Первый день в раю был прожит...

Болезненный тычок в бочину сдернул его с небес.

– Ты, сука вонючая, перестанешь храпеть или тебе объяснить доступнее! – над очумевшим Черепом в темноте светилась небритая рожа. Библейские надписи на плечах у образины не предвещали доброго...

– Небесная инквизиция! КГБ загробный, чертило, – Череп лихорадочно вспоминал, как надо креститься. Справа налево или слева направо, или иначе?..

Голова у пришельца кишела светом. Череп увидел до боли знакомую комнату – камеру зоновского общежития.

– Этого не может быть, – испугался он. Но стоявшая перед ним фигура в наколках была хорошо знакома.

– Это ангел-смотрящий.

В безумии Череп оскалился клыками на свет в его сторону, защищаясь ладонями от ночного кошмара.

– Зубами к стенке, собака! – свирепая рожа над ним распоясывалась все больше и больше. – Он еще и лыбится!.. Людям спать не даешь... Еще один раз захрапишь – растопчем...

Костлявые, расписанные тушью ноги чудовища зашаркали сланцами между рядами коек в небесную глубину. Выспавшиеся за день эски ночью чутко следили за тишиной, безжалостно расталкивая измученных трудом работяг. К Черепу медленно возвращалось сознание и осознание настоящей действительности, и от жалости к себе он заплакал – скупая слеза бороздила щетину.

Вот и настало утро... Старый, но юркий завхоз карантина оказался толстым и вечно улыбающимся добряком. Сквозь голубую робу в облаке его души светились протуберанцами огненно-горящие изречения, когда-то выколотые на коже. Симбиоз мыслей горел светофорным светом...

– Заслуженный ветеран! – проинтуичило яснознание в облаке у Черепка. – Две сто пятых – первых, три сто пятых – вторых, сто тринадцатая, сто шестнадцатая, сто восемьдесят третья. Тридцать семь лет горячего стажа. Весь Советский Союз объездил!

– Колумб... Васко де Гамма... Крузенштерн! Весь мир у его ног, – голова закружилась.

Мудреные имена ломали язык, и, здраво решив, что все эти люди вроде нашего Миклухо-Маклая, которого так и не съели людоеды в неволе, Череп не стал перенапрягаться. Но собственное эго выступило на первый план.

– Я тоже не лыком шит! – брызнуло у него в мозг. – Мензелинск, Мордовия, Северный и Южный Урал, Казахстан, Краслаг...

Он с удовольствием вспоминал эти свои путешествия. Начав карьеру мученика-страдальца-географа в родной деревеньке, Череп очень скоро перебрался в райцентр. Только самоотверженным трудом и незаурядной волей ему удалось покорить почти полмира. Из этого небольшого оренбургского городка он вынудил государство бесплатно покатать его по всей стране. Каждый по-своему понимает духовный подвиг – да, ему пришлось пожертвовать собою и собственным благополучием... Но жизнь тяжела и быстротечна...

Была ли у него семья... Конечно... И не одна!.. Но где же они – его неблагодарные дети? Не успеешь освободиться на волю – месяц-другой, и опять в тюрьму. А еще через пару месяцев очередная, но уже бывшая сожительница поздравляет его с рождением сына или дочки... Поначалу он пытался считать: «Я два месяца прожил с ней на воле... Два – я в тюрьме. И нате вам – пожалуйста! Она же только четыре месяца носила?». Но добрые эски успокаивали:

– Может быть и за два дня... Как постараться...

И в самом деле... После многолетнего воздержания энергии у него было с гаком.

Еще долгие годы шли к нему поздравления с отцовством. Он уже путал, от кого ребенок, и с трудом вспоминал лицо счастливой мамы. В тюремных снах к нему приходили вместе с новорожденными детьми небритые петухи в наколках, и несколько раз, сославшись на занятость, оставляли детей под шконкой. Утром же, обалдевший от карамельной браги, Череп лазил под всеми кроватями, разыскивая потомство. По самым скромным подсчетам детей у него было, как у персидского шаха в гареме. Вот только одна беда – не знал он их... И каждого ребенка на улице считал своим.

Мягко воркуя, завхоз карантина повел его «в люди» на облако-плац.

– Если ты хочешь, мы можем отыскать всех твоих детей, – маленькие глазки светились. – У нас это быстро... Только не надо этого: все дети божьи, все дети наши... Не бери нам душу...

Шняга пятая. Воскрешение из мертвых

Мягко воркуя, завхоз карантина повел его «в люди» на облако-плац.

– Если ты хочешь, мы можем отыскать всех твоих детей, – маленькие глазки светились. – У нас это быстро... Только не надо этого: все дети божьи, все дети наши... Не бери нам душу...

Небесный гудок на завтрак по силе напоминал школьный звонок, только засунутый внутрь головы осужденного. Череп обрадовался. Вчерашний шмон проводился не для блезира, каждая осмотренная часть его существа уже очистилась и перестроилась к жизни на небе. Среднее ухо функционировало нормально. Потренькивание звонка вызывало сверхвибрацию всей сущности.

Меню небесного рая и земной колонии строгого режима и сравнить нельзя было, пища по разнообразию и обилию, по внешнему виду и содержанию существенно отличалась. Столы ломились от яств. Черная икорка с телятиной, пельмени и жаркое, шашлычок – аромат-то какой! Одно объедение! Благоухающие напитки, но без градуса (что-то подсказывало Черепу: и не нужен он, этот градус, по достижении нирваны, а рай – вот он, не за семью замками...).

Новопреставленные давились, пытаются проглотить вместе с пищей приступы счастливого хохота. Полсотни бедолаг наворачивали усами во щак, смачно чавкая и щелкая челюстями. Старожилы шутили. Они не спешили за стол со всеми. Череп затравленно оглянулся, прислушался, но никакого подвоха со стороны не было, и, догоняя соседей, набросился на еду.

– Это ветераны карантина готовятся к переводу в распределительный отряд – на соседнее облако, – додумался Череп и успокоился. – Там и питание вообще, и отношение к тебе – услужливо-доброжелательное.

Еда оказалась на редкость нежной и мягкой, мясо было без костей и сухожилий, похлебка не обжигала горло...

– И не надо зубов, – удивился Череп. – На земле-то вставные челюсти денег стоят, и попробуй-ка ты их заработай, когда не канает брать в руки лопату...

После завтрака была дана небольшая передышка перед просчетом. Заметно свежело. Двести измученных очищением душ топтали ногами облачную твердь. Нетлеющий лозунг «Движение – жизнь!». Клокочущие внутри у любого грешника низменные инстинкты выходили наружу. Души курили. Плевались. Общались друг с другом в надежде замутить делягу, порамсить. Они ликовали, подпрыгивая, и тянулись из карантина в рай, в небо, хватая друг друга за ноги, чтобы не улетел туда преждевременно какой-нибудь более чистый и образованный сосед. Не дай-то бог! Очень хотелось сделать небесную гадость ближнему, свернуть ему кровь, обmaterить его или ударить – испортить ему настроение с утра и пораньше, и на весь день... Сделать подарок от всей души...

Не торопились архангелы. Вид у кандидатов в рай был причудливо безобразный, страшный вид. Как у только что освежеванной мясниками собаки. В этом потустороннем мире грешная душа все еще жила воспоминаниями о прошлом, томилась, навещая свое погибшее тело на земле. Рай был закрыт – пока вся огромная рана не затянется струпами, пока не отвалится короста, давая новую свежую жизнь очищенному духу, дабы не испугать иные, добрые сердца поэтов и музыкантов, художников и мыслителей, давно уже забывшие о земной нечисти и скверне... Шел карантин...

Устав от свалившихся на него впечатлений, Череп решил немного отдохнуть. Вырвавшись из толпы, он скоро нашел мягко выпирающее сгущение облака и возлег на небесное ложе. Утомленно и томно прикрыв глаза, он начал вспоминать Землю. Собственное усопшее тело не волновало его, но в карманах робы на трупе остались любимые зажигалка и портсигар, в котором справа лежала набитая анашой папироса.

Череп уснул, так и не заметив, что к нему подкрались два ошипанных ангела – шныри завхоза. Они что-то забубнили про дисциплину и про

небесный распорядок, захватили какими-то клещами все облако сразу и дернули его – резко и быстро. Небесная твердь затрещала и лопнула. Череп сорвался вниз. Его дикий нарастающий вопль очень скоро зашкалил все системы радиолокации на Земле. Наводящий ужас визг американских бомбардировщиков, в пике выходящих на цель, был бы просто мягким шелестом листьев в осеннем парке по сравнению с этим криком. Он уже не боялся вернуться на старое место – домой в зону, но его страшила скорость полета – Череп мог протаранить Землю. И поэтому орал он, как молодая сирена воздушной тревоги, все сильнее и сильнее... Удар состоялся. Его перевернуло вверх лицом, и небесный паломник шмякнулся в тело.

– Ты слышал крик? – влюблено спросила молодуха у своего ухаже-ра на грязной улице небольшого городка далекой от Москвы губернии. – Журавли летят!

Она мечтательно повела плечами.

Молодой наркоман поискал глазами вокруг и с интересом начал рассматривать сверкающую в ухе у девушки сережку. Она восприняла его взгляд как поощрение.

– Пойдем-ка домой, разденемся... Может быть, журавли и к нам залетят..

Ее остекленевший кавалер был счастлив. Теперь он уже впился глазами ей в нос и выдавил через силу:

– Пойдем, оторвемся от жизни...

Долго и мучительно очухивался Череп от полета в рай. Опухшее тело гудело, болели глаза и слезились. Перед ним была зона... Старый магнитофон, аквариум, четки на тумбочке – чужие четки, занавески в проходе – отдельная холодная комната...

– О, Боже!..

Исколотые тушью лица и шрамы на них, кровоподтеки... Соседи!.. Они стонали во сне, оскаливаясь беззубыми ртами, потирали ушибы и плакали. В новой для себя и своего тела шкуре петуха, избитый Череп валялся на кровати, как мешок с алебастром, и подняться на ноги не было сил... Ему захотелось вдруг умереть повторно, сиюминутно – от горя, не дожидаясь утра, но дорога в рай уже закрылась...

Эпилог

Муха освободился только через полгода. Работать на администрацию он так и не стал. Чтобы освободиться условно-досрочно, сегодня

не надо сотрудничать с офицерами зоны – достаточно дать кому-нибудь из них посильную взятку. Да-да, именно посильную... Такса, конечно, существует, и ее стараются придерживаться все уважающие себя взяточники, но что возьмешь с босяка, не имеющего богатых родственников... Хотя что-то... Две трехлитровые банки меда и полторы тысячи рублей передала его матушка отряднику на воле. Нарушения у Мухи были сняты, и дело ушло в суд.

Сегодня Муху можно встретить в пивной в окружении малолеток. Каждое утро он выпрашивает у старухи-матери пятьдесят рублей на сигареты и, выпив с молодыми парнями бутылку-другую пива, передает им свой богатый тюремный опыт.

– Ссучиться еще полбеды, – натаскивает он слушателей. – Самое последнее в нашей жизни – это опуститься на дно и стать петухом...

– Расскажи-ка ты лучше про Черепа...

Эта поучительная история стала хитом в устах у Мухи.

– Во время передачи об амнистии он отъехал в рай и жил бы там честно при мужиках, да вот только один петух – очень слабохарактерный зэк, в прошлом медик, вернул ему жизнь. Ударил по грудной клетке несколько раз кулаком, вытащил наружу язык и вдохнул ему в легкие воздух – рот в рот. Кто же мог знать, что воскреснет детина?.. А когда воскрес – куда же его девать после таких нежностей с петухом? Вот и определили его в петушатник... Это уже не человек...

– Но разве Череп не зарезал обидчика?

– Хотел... Но того перевели на другую зону...

– И никто его не убил за это...

– Жив...

– Мельчают нравы...

Люди подсаживались к Мухе, угощали его. К вечеру, основательно поднабравшись спиртного, он заявлялся домой и уже матушке раскладывал по понятиям недосказанное в пивной.

– Ранее воры все решали, а ныне деньги... Да где же это такое видано, чтобы петух на мужика руку поднял и жив остался?.. Чтобы взятки несли офицерам...

Матушка плакала, ставила ему компрессы на горячую голову, умоляла его одуматься... Муха кричал на нее, отталкивал, гнал ее прочь от себя – суку поганую, а утром выпрашивал деньги. И дрожащая старуха отдавала ему последнее и молилась, когда ее сын уходил из дома на вахту в пивную, где снова орал:

– Я мужик!.. Я видел жизнь!..

Чему же она молилась?

Доклад Директора ФСИН на коллегии Минюста России по итогам работы в 2005 году и о задачах на 2006 год

В условиях развития гражданского общества важная роль отводится уголовно-исполнительной системе как одному из важнейших социально-правовых институтов государства.

За последние годы учреждениями и органами УИС проделана объемная, социально ориентированная и государственно-значимая работа по совершенствованию их деятельности. Решен ряд задач, направленных на либерализацию уголовно-исполнительной политики, гуманизацию исполнения наказания, созданы предпосылки для внедрения концептуально новой программы пенитенциарной деятельности. Реализуется курс на декриминализацию общества, расширение видов наказаний, альтернативных лишению свободы, улучшение условий содержания осужденных и подследственных.

В этих целях Министерством юстиции, Федеральной службой исполнения наказаний проводится большая работа, направленная на совершенствование законодательной базы процесса исполнения уголовных наказаний.

Наши инициативы находят поддержку в Администрации Президента Российской Федерации, Правительстве России, законодательных, исполнительных и судебных органах власти, министерствах и ведомствах. С начала прошлого года принято семь федеральных законов, касающихся вопросов деятельности УИС. Еще восемь проектов федеральных законов, направленных на улучшение ее деятельности, находятся на рассмотрении в органах государственной власти Российской Федерации. Недавно, 10 марта, Госдумой принят очередной Закон, которым расширены права осужденных на приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, несовершеннолетних осужденных на заочное профессиональное образование, упразднены требования о раздельном содержании в колониях-поселениях и другие.

Укреплению законности и гарантий прав граждан в местах лишения свободы в значительной степени способствуют постоянный надзор со стороны органов прокуратуры, судебный контроль, система государственного финансового контроля. Мы благодарны работникам прокуратуры, государственным и общественным организациям за оказываемую помощь в решении стоящих перед нами задач и возникающих проблем.

В последние годы произошли серьезные изменения в криминогенном составе контингента УИС.

Возрастает активность криминальных лидеров в местах лишения свободы и вне их, пытающихся распространять «воровские традиции», организовывать и координировать противоправные действия осужденных.

Численность лиц в местах лишения свободы за год выросла на 60 тысяч человек. При этом количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления достигло 70 процентов. Несколько лет назад эта категория составляла 30–35 процентов.

Каждый четвертый отбывает наказание за убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, каждый пятый – за разбой или грабеж. Более четверти осужденных приговорены к длительным срокам лишения свободы. 46 процентов осужденных отбывают наказание второй раз и более, что говорит об устойчивой криминальной мотивации и нежелании вести законопослушный образ жизни.

Наметилась тенденция к омоложению состава осужденных. Около трети лиц, отбывающих наказание, не старше 25 лет.

Увеличивается количество лиц с повышенной агрессивностью и возбудимостью, с психическими отклонениями. Сегодня в местах лишения свободы содержится более 400 тысяч человек, склонных к различным формам деструктивного поведения – агрессии, конфликтам, членовредительству, суициду.

Мы это предвидели, и нами были приняты адекватные складывающейся обстановке меры, что позволило сохранить стабильную обстановку в УИС.

Деятельность уголовно-исполнительной системы все больше приобретает социальную направленность. В процессе исправительного воздействия на осужденного важно ему привить чувство уважения к закону и обществу, помочь подготовиться к полноценной жизни на свободе.

Существенно укреплена социальная служба в исправительных учреждениях. Свыше 1300 социальных работников учреждений повседневно решают вопросы социальной адаптации и подготовки осужденных к жизни на свободе.

Они тесно взаимодействуют с представителями органов местного самоуправления, правоохранительными органами, службами занятости и социальной защиты населения при решении вопросов получения осужденными пособий, пенсий, документов, дающих право на льготы.

В результате более 88 процентов осужденных из числа нуждающихся получили помощь в трудовом и бытовом устройстве после освобождения, более 76 процентов из них – в приобретении постоянного места жительства. Практически каждому второму оказана помощь в восстановлении утраченных социально полезных связей.

Реализуется право осужденных на получение психологической и психотерапевтической помощи. Ежегодно психологическое и психиатрическое обследование проходят более 80 процентов осужденных, подозреваемых и обвиняемых, выявляются лица с признаками психических отклонений, повышенной агрессивностью, склонные к совершению самоубийств. Особое внимание уделяется разрешению конфликтов, выявлению причин, осложняющих оперативную обстановку, прогнозированию и предупреждению чрезвычайных происшествий.

В 2005 году численность психологов в исправительных учреждениях составляла 2252 человека. Они обеспечивают работу по разрешению конфликтов, предотвращению нарушения порядка отбывания наказания.

Повышенное внимание ФСИН России уделяет положению дел в следственных изоляторах.

В результате принятых за последние годы мер камерная площадь в расчете на одного человека к началу 2005 года была доведена в среднем до 3,6 квадратных метра. В определенной степени этому способствовало сокращение численности подозреваемых и обвиняемых, достигнутое в результате внесенных изменений в законодательные акты.

Но рост численности спецконтингента в СИЗО в 2005 году значительно превысил прогнозируемые показатели, и к концу года она увеличилась на 15 тысяч человек. За счет эффективной реализации средств федерального бюджета, привлечения внебюджетных средств в 2005 году было создано более 16 тысяч мест, готовых к приему спецконтингента, в эксплуатацию принято 8132 места. Введенные места, а также принятые меры по оперативному этапированию осужденных в исправительные учреждения позволили компенсировать рост численности и довести размер камерной площади, приходящейся на одного человека, до 3,7 квадратного метра.

Интенсивный рост численности в СИЗО продолжается и в текущем году. За два месяца она увеличилась еще на 5,6 тысячи человек.

В результате в восьми территориальных органах УИС следственные изоляторы переполнены в 1,5–2,5 раза.

На фоне активизации борьбы с преступностью в стране и естественного увеличения численности граждан, направляемых в следственные изоляторы, ФСИН России обеспокоен сложившейся судебной практикой применения в качестве меры пресечения содержание под стражей за малозначительные преступления. Так, если после ввода в действие в 2002 году нового Уголовно-процессуального кодекса ежемесячно в следственные изоляторы поступало около 16 тысяч вновь арестованных, то в феврале текущего года – 34 тысячи, из которых практически 40 процентов – за преступления небольшой и средней тяжести.

В то же время ежемесячно из следственных изоляторов освобождаются в связи с изменением меры пресечения, вынесением оправдательных приговоров и приговоров, не связанных с лишением свободы, от 5 до 6 тысяч человек, или примерно 20–25 процентов от числа вновь арестованных. За прошлый год по этим основаниям было освобождено свыше 65 тысяч человек, или каждый шестой от общего числа вновь арестованных.

Практически не снижается количество осужденных, ожидающих получения из судов определений о вступлении приговоров в законную силу. При этом период ожидания документов в среднем составляет более трех месяцев.

Мы тесно работаем с Верховным судом, Генеральной прокуратурой над сложившейся ситуацией в СИЗО и надеемся на положительный результат.

В связи с этим на основе постоянного мониторинга ситуации, складывающейся в следственных изоляторах ФСИН России, за счет средств федерального бюджета, решений по перепрофилированию и более эффективному использованию имеющихся учреждений УИС в 2006 году планируется в следственных изоляторах ввести 15 тысяч мест.

Нами разработана и находит поддержку в заинтересованных министерствах и ведомствах новая Федеральная целевая программа строительства и реконструкции СИЗО на 2007–2016 годы, предусматривающая выделение 54 миллиардов рублей.

В течение года не прекращалась работа по открытию новых и реорганизации действующих исправительных учреждений. Введено три новых исправительных учреждения с общим лимитом наполнения 920 мест, перепрофилированы 24 колонии с общим лимитом 20 тысяч мест и созданы 69 изолированных участков различных видов режима с общим лимитом наполнения более 8 тысяч мест.

Это позволило значительно уменьшить вывоз осужденных за пределы региона, в котором они проживали или были осуждены. Кроме того, более 17 тысяч осужденных были переведены для продолжения отбывания наказания в те субъекты Федерации, где они проживали, что во многом способствовало восстановлению их социально полезных связей. Эта работа продолжается.

Решен ряд вопросов по улучшению продовольственного обеспечения осужденных и лиц, содержащихся под стражей, повышению их обеспеченности вещевым имуществом, укреплению материально-технической базы учреждений.

Введены новые улучшенные нормы питания и материально-бытового обеспечения, повышенные нормы вещевого довольствия. Нормы питания стали более сбалансированными. В них включена выдача молока, яиц, увеличена норма выдачи мяса и других продуктов, что является важным фактором в профилактике туберкулеза.

Проводится целенаправленная работа по обеспечению прав осужденных на охрану здоровья. Созданы условия для организации эффективной борьбы с социально значимыми заболеваниями. Ведется конструктивная работа с Минздравсоцразвития России, на базе учреждений УИС открываются соответствующие кафедры медицинских институтов.

На фоне ежегодного поступления в учреждения 20 тысяч больных туберкулезом за счет улучшения медицинского обеспечения и качества медицинской помощи за последние пять лет количество больных активной формой туберкулеза уменьшилось более чем вдвое – со 100 до 48 тысяч человек. Показатели смертности в местах лишения свободы (на 100 тысяч человек) в 3,4 раза ниже, чем в целом среди населения Российской Федерации.

Производственный потенциал УИС переориентируется на решение, в первую очередь, социальных задач – на восстановление и закрепление у осужденных профессиональных и трудовых навыков, необходимых для их последующей адаптации в обществе. Реализуется программа по самообеспечению продуктами питания, вещевым имуществом и предметами коммунально-бытового назначения.

Решен вопрос об урегулировании задолженности по обязательным платежам предприятий учреждений, что позволит ускорить процесс их преобразования в центры трудовой адаптации осужденных и производственные мастерские.

В уголовно-исполнительную систему переданы 338 государственных образовательных учреждения начального профессионального образования. В большинстве исправительных учреждений созданы необходи-

мые условия для получения осужденными к лишению свободы в возрасте до 30 лет общего образования. Упорядочено финансирование общеобразовательных учреждений из средств бюджетов субъектов Российской Федерации, что, в свою очередь, создало благоприятные условия для расширения сети вечерних общеобразовательных школ.

Осуществлен комплекс мер, направленных на совершенствование деятельности уголовно-исполнительных инспекций. Создана основа для эффективной работы по исполнению наказаний, альтернативных лишению свободы. Более чем в два раза увеличена штатная численность уголовно-исполнительных инспекций. Это позволило снизить нагрузку на сотрудников со 180 осужденных (а в некоторых инспекциях она доходила до 220–240) до 88 подучетных граждан в среднем на инспектора.

В то же время в текущем году необходимо направить усилия на улучшение взаимодействия с органами внутренних дел, снижение рецидива преступлений, улучшение материально-технического обеспечения и, что крайне важно, устранение недостатков, в том числе выявленных Генпрокуратурой.

Уголовно-исполнительная система, являясь частью общегосударственной правоохранительной системы, продолжает повышать уровень взаимодействия с органами внутренних дел, ФСБ Российской Федерации, другими силовыми ведомствами по направлениям борьбы с терроризмом, наркоманией, обеспечения экономической безопасности страны.

В целях профилактики противоправных действий осужденных, а также побегов существенно укреплены службы надзора в исправительных колониях. Современными интегрированными системами безопасности оснащено более 30 процентов исправительных учреждений и более 60 процентов следственных изоляторов УИС. За счет более рационального использования численности на 2 тысячи единиц увеличена штатная численность надзорных служб в колониях. Это позволило значительно усилить надзор на территориях, непосредственно прилегающих к охраняемому периметру. Создан предварительный рубеж охраны, позволяющий получать тревожный сигнал на подходе к основному ограждению. В результате количество побегов из-под охраны сократилось на 23 процента, предотвращено 56 попыток побегов. Не допущено побегов из тюрем и побегов конвоируемых лиц.

По случаям, повлекшим нарушение нормальной деятельности в исправительных учреждениях, проведены тщательные служебные проверки, определены причины и условия, способствовавшие развитию

чрезвычайных ситуаций, сделаны необходимые выводы. Виновные руководители территориальных органов привлечены к дисциплинарной ответственности.

Изучен механизм этих процессов. К исследованиям была подключена пенитенциарная наука. Издано и применяется на практике методическое пособие по профилактике действий, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, которыми руководствуются в территориальных органах УИС.

В отношении осужденных за действия, направленные на дестабилизацию обстановки в ИК-3 Курской области, возбуждены уголовные дела. Четверо осужденных (Брагин М. А., Клементьев В. Ю., Чирко С. В., Чернышов М. Р.) признаны виновными в совершении преступления и приговорены к различным срокам лишения свободы (от восьми месяцев до четырех лет).

Ранее в результате целенаправленной работы за аналогичные действия был осужден лидер организованной преступной группировки г. Рязани Митин В. И. (так называемый «вор в законе» Мотыль).

Вместе с тем вызывает беспокойство неумение некоторых руководителей скорректировать свои действия и работу подчиненных руководителей учреждений в связи с меняющейся криминогенной обстановкой, активизацией деятельности криминальных лидеров.

Мы вынуждены принимать меры и по укреплению руководства территориальными органами и учреждениями. Два руководителя управлений (Республика Дагестан, Приморский край) освобождены от занимаемых должностей, на 387 руководителей и сотрудников подразделений наложены дисциплинарные взыскания.

Ухудшение криминогенного состава, усиление влияния криминальных группировок ставят новые задачи перед сотрудниками исправительных учреждений. На первый план выходит использование коррекционных методов в воспитательной работе, формирование психологической устойчивости сотрудников. Повышенные требования приводят к возрастанию физической и психологической нагрузки на сотрудников УИС. Это таит в себе опасность профессиональной деформации, а иногда провоцирует на совершение противозаконных действий.

Мы нетерпимо относимся к каждому факту нарушения закона. 75 процентов от общего количества преступлений, совершенных сотрудниками УИС, выявлены оперативными службами ФСИН России. В 2005 году к дисциплинарной ответственности привлечено более 15 тысяч сотрудников, возбуждено 77 уголовных дел. Мы и впредь будем без всякого сожаления расставаться с теми сотрудниками, кто

встал на путь предательства, кто пришел к нам на работу, преследуя цели личной наживы. И это наша принципиальная позиция.

В целом по системе более трети сотрудников имеют стаж службы до трех лет. Доля женщин достигла 27 процентов от численности сотрудников, в следственных изоляторах и тюрьмах – 33 процентов. Основными факторами, осложняющими решение кадровой проблемы, являются правовая неурегулированность вопросов прохождения службы, правовой и социальной защиты персонала. В связи с этим мы участвуем в разработке и сопровождении соответствующих законопроектов и прежде всего законопроекта о правоохранительной службе.

ФСИН России принимаются меры по сохранению стабильного профессионального ядра сотрудников. По сравнению с 2004 годом численность начальствующего состава выросла на 9943 единицы. Некомплект лиц рядового и начальствующего состава снизился с 5 процентов до 2,2 процента, а показатель оттока сотрудников из УИС за 2005 год сократился на 4 процента.

Издан ряд приказов Минюста России и ФСИН России, направленных на решение социальных проблем личного состава. Сохранены льготы по пенсионному обеспечению, льготному зачету выслуги лет, медицинскому и санаторно-курортному обеспечению, обязательному государственному страхованию. Отмена бесплатного проезда на транспорте компенсирована увеличением надбавки за сложность, напряженность и специальный режим службы.

Действует многоуровневая система профессиональной подготовки кадров. Всего за счет средств федерального бюджета обучается более 16 тысяч курсантов и слушателей.

Большим потенциалом сегодня обладает пенитенциарная наука. В научных учреждениях трудятся свыше 100 докторов и 500 кандидатов наук. Ее роль видится, прежде всего, в выявлении тенденций развития уголовно-исполнительной системы в условиях формирования институтов демократического правового государства, в дальнейшем совершенствовании уголовно-исполнительной политики в соответствии с общепринятыми международными стандартами. Без развития этого направления мы можем потерять видение перспективы.

Выполнение задач, поставленных перед ФСИН России руководством нашего государства, Минюстом России, международный опыт, рекомендации Совета Европы, новые требования Европейских пенитенциарных правил, необходимость дальнейшей оптимизации уголовного наказания требуют системного подхода к решению имеющихся проблем.

Поэтому пути решения стоящих перед системой задач ФСИН России видит в концентрации усилий на следующих направлениях.

1. Необходимо сохранить имеющийся потенциал высокопрофессиональных специалистов и одновременно обеспечить формирование нового ядра профессионалов. В этих целях следует продолжить подготовку кадров нового поколения, воспитание специалистов, правильно понимающих и реализующих новые задачи и подходы к исполнению наказаний. Одновременно на постоянном контроле руководителей всех уровней остаются вопросы обеспечения социально-правовых гарантий персонала.

2. Современная ситуация требует дальнейшего совершенствования законодательной базы деятельности УИС, направленной на гуманизацию исполнения наказаний, нормативное урегулирование исполнения новых видов наказаний. Поэтому разработка новых законопроектов совместно с департаментами Минюста России, их сопровождение остаются основным направлением деятельности центрального аппарата ФСИН России.

3. Для восстановления лицами, лишенными свободы, утраченного социального статуса, их подготовки к полноценной жизни на свободе необходимо, прежде всего, дать им образование и профессию. В связи с этим будет закончено реформирование производственного сектора УИС, перевода его в учебно-производственные мастерские. Будут расширены возможности дистанционного образования осужденных.

4. В целях повышения эффективности борьбы с социально значимыми заболеваниями будет продолжена работа по организации во взаимодействии с местными органами власти и здравоохранения, международными организациями по внедрению новых методов лечения, укреплению материальной базы противотуберкулезной и психиатрической служб пенитенциарной медицины, а также созданию лечебно-диагностических центров для лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

5. Будет продолжена работа по изысканию и реализации любых возможностей по вводу дополнительных площадей в следственных изоляторах с целью обеспечения установленных законодательством норм.

6. Необходимо обеспечить повышение эффективности работы по профилактике преступлений и правонарушений в учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Все службы, в том числе воспитательные, безопасности, охраны, психологические, оперативные должны работать «на опережение», предупреждать на стадии замысла, подготовки преступления. Для этого особое внимание будет уделено обеспечению своевременного выявления и учету осужденных, склонных к

агрессивно-деструктивным действиям, постоянному их психолого-педагогическому, социальному и оперативно-режимному сопровождению. Будет продолжена работа по совершенствованию и повышению уровня взаимодействия с органами внутренних дел, ФСБ, Федеральной службой по контролю за оборотом наркотических средств, другими силовыми ведомствами, прежде всего по направлениям борьбы с терроризмом, наркоманией, обеспечения экономической безопасности страны.

Руководство Федеральной службы исполнения наказаний на основе анализа недостатков, имевших место в работе УИС в 2005 году, приняло меры по их устранению и продолжит последовательную работу по повышению надежности и эффективности охраны исправительных учреждений, обеспечению безопасности персонала и осужденных, постепенному перерастанию исправительных учреждений в центры социальной реабилитации для лиц, отбывающих наказание.

17.03.2006

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 321а
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 05.06.2006 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная